В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

11·1978

Эти снимки наш корреспондент сделал в Северной Осетии: А. Сокаев — старейший участник Кардагонского народного хора. Дигорский народный ансамбль «Кафт» — один из самых популярных в республике. Недавно в г. Орджоникидзе появилась новая гостиница.

Фото Г. Киселевой

НАУКА И РЕЛИГИЯ 11·78

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцатый

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ

Путь к новой, счастливой жизни открыла осетинскому народу, как и другим ранее угнетенным народам России, Великая Октябрьская социалистическая революция. Сегодня Северная Осетия — республика с развитой современной индустрией и высокомеханизированным сельским хозяйством, республика высокой культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. До Октября у осетин не было профессиональных художников и композиторов, не было национального театра. Теперь в Северной Осетии плодотворно работают творческие Союзы писателей, художников, кинематографистов, композиторов, отделение Всероссийского театрального общества.

Во всех областях жизни ярко проявляют себя народные таланты — осетинский искрометный танец завоевал мировую славу, произведения осетинских мастеров получили признание и на родине, и за рубежом.

Между тем духовным миром, в котором жили осетины до революции, и тем, каким видим мы его сегодня, — огромная дистанция. Одна из главных его черт — глубокий интернационализм, чувство принадлежности к единой семье советских народов. Северной Осетии посвящена вторая страница обложки.

К. П. ПЕТРОВ-ВОДКИН принадлежит к числу крупнейших мастеров русского искусства. Используя в своих картинах традиции древнерусского искусства и искусства Возрождения, он создавал подлинно новаторские произведения. Отличительная черта его лучших работ — стремление показать каждое жизненное явление как частицу Вселенной.

О творчестве этого художника-философа читайте статью А. Матвеева «Художник нового времени».

На третьей странице обложки мы воспроизводим репродукции трех картин художника.

Мать. 1913. Государственная Третьяковская галерея.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

А. КУЧИЕВ,
секретарь
Северо-Осетинского
обкома КПСС

В НЕРАЗРЫВНОМ ЕДИНСТВЕ

В великая Октябрьская социалистическая революция открыла осетинскому народу путь к счастливой жизни. Вместе со всеми республиками страны Северная Осетия вступила ныне в эпоху зрелого социализма и с большим подъемом участвует в коммунистическом строительстве.

На нынешнем этапе действует совокупность объективных факторов, определяющих задачи идейно-воспитательной работы, пути ее дальнейшего совершенствования. Исходя из них, XXV съезд КПСС определил главный путь улучшения идеологической работы на современном этапе — комплексный подход к ней, обеспечение единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся. В этом комплексе важное место занимает интернациональное и атеистическое воспитание трудящихся. Практика показывает, что они тесно связаны между собой, что это две неразрывные части единого воспитательного процесса, связанные со всеми другими его сторонами. Продолжающийся процесс интернационализации нашей жизни способствует освобождению сознания масс от религиозной идеологии, в свою очередь, атеистическое восприятие мира, окружающей действительности углубляет этот процесс.

За годы социалистического и коммунистического строительства интернационализм стал органической составной частью мировоззрения рабочих, колхозников, интеллигенции. В их сознании, в глубинах национальной психологии прочно утвердилось чувство кровного родства со всеми нациями, народностями СССР, чувство общенациональной, общесоветской гордости. В Северной Осетии живут и работают представители свыше 60 национальностей — осетины и русские, грузины и армяне, ингуши и кабардинцы, евреи и украинцы, кумыки и чеченцы... На предприятиях, в колхозах и совхозах, организациях, учебных заведениях нашей автономной республики сложились многонациональные коллективы, которые активно участвуют в выполнении задач строительства коммунизма.

Интернационализм трудящихся Северной Осетии имеет прочные, незыблемые основы. Он зиждется на коллективистской природе социалистического строя, на марксистско-ленинском решении национального вопроса в СССР, на братской помощи великого русского и других народов страны нашему краю в ликвидации вековой отсталости, в строительстве новой жизни. За годы Советской власти Северная Осетия совершила исторический скачок от патриархально - феодального уклада жизни к вершинам зрелого социализма. Ушли в прошлое старый уклад, быт и многие обычаи, формировавшиеся веками в условиях общества, основанного на угнетении, бесправии, нищете масс. Трудящиеся Северной Осетии знают, что это стало возможным благодаря социалистическому братству народов СССР.

Торжество идеологии интернационализма не означает, однако, что теперь отпала необходимость в интернациональном воспитании. Развитой социализм требует достижения качественно нового состояния интернационализма, его воплощения в жизнь во всех взаимоотношениях людей.

Руководствуясь задачами, решаемыми партией в области национальных отношений на современном этапе, мы сосредоточиваем усилия на глубоком и всестороннем разъяснении новых процессов интернационализации общественной жизни, развития советского народа — новой исторической общности людей, укрепления общих черт наций, народностей СССР.

В устной и печатной пропаганде всесторонне раскрывается возрастающая роль единого народнохозяйственного комплекса страны в ускоренном развитии советских республик, в повышении эффективности производства и качества работы. Экономическое сотрудничество составляет одну из важнейших основ все более крепнущей и развивающейся дружбы советских народов, их сближения и взаимообогащения. И очень важно, чтобы трудящиеся понимали, что без этих связей, без тесного экономического и культурного сотрудничества и взаимопомощи невозможно дальнейшее успешное развитие ни одной республики, края или области.

Сошлюсь на выступление на пленуме Северо-Осетинского обкома ВЛКСМ бригадира Орджоникидзевского электролампового завода имени 50-летия ВЛКСМ Н. Бедоева. Рассказывая об успехах своего многонационального молодежного коллектива, он с гордостью отметил, что продукция завода отправляется во все уголки нашей страны. Однако, особо подчеркнул он, это было бы невозможно, если бы из Артемовска и Магнитогорска нам не присылали латунную ленту, из

Узбекистана — вольфрам, из Еревана и Риги — стекло, из Перми и Бреста — картон и т. д. То же самое можно сказать о любом предприятии нашей республики — заводе «Электроцинк», свинцово-цинковом комбинате, крупных сельскохозяйственных комплексах.

Пример экономической, социально-политической, духовной жизни нашей республики подтверждает, что расцвет национальностей, в отличие от антагонистического общества, происходит на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы со всеми нациями, народностями. Говоря о национальных процессах и интернационализации общественной жизни нашей страны, следует подчеркнуть, что сегодня речь идет не только о продолжающемся сближении наций, народностей СССР, не только о дружбе советских народов, но и об их тесном единстве и подлинном братстве.

В последние годы партийные организации Северной Осетии стремятся к тому, чтобы интернационализм все более утверждался в реальном опыте межличностного общения людей, становился нормой и принципом повседневной жизни каждого.

Было бы неправильно утверждать, что у нас все без исключения избавились от националистических предрассудков. Кое-кто по-прежнему стремится сохранить отжившие традиции и обычаи, чрезмерно преувеличивает, подчеркивает национальные особенности и различия; в сознании и поступках отдельных людей проявляются национальная ограниченность и эгоизм.

Жизнь показывает, что националистические пережитки в условиях развитого социализма чаще всего проявляют себя не в классических, известных из исторического прошлого формах, а в виде извращенного, неправильного понимания роли и места национального фактора в общественной жизни. Бывает, что о людях судят по их национальной принадлежности. Наша же мораль требует в оценке человека исходить не из его национальности, а из его политических, профессиональных, нравственных качеств.

Каковы бы ни были формы националистических проявлений и причины их сохранения на нынешнем этапе, их суть остается прежней — это пережитки реакционной идеологии, и они наносят большой вред нашему обществу, нашему общему делу.

В борьбе с националистическими предрассудками главное—это совершенствование социалистических общественных отношений, создание условий, исключающих возможность рецидивов пережитков. Вместе с тем требуется и принципиальная, бескомпромиссная борьба с конкретными проявлениями национализма, чуждого нашему обществу.

«Наша партия, — говорил товарищ Л. И. Брежнев на заседании Президиума Верховного Совета СССР 16 мая сего года, — всегда с должным вниманием и уважением относилась и относится к национальным особенностям. В то же время, следуя ленинским заветам, она настойчиво воспитывает трудящихся в духе нетерпимости к национальной ограниченности и кичливости»[1].

Часто мы убеждаемся, что национальный эгоизм и ограниченность выступают в тесной связи с религиозными пережитками. Они питают и поддерживают друг друга. Есть еще люди, в том числе и среди интеллигенции, которые заявляют, что без религиозности, присущей якобы данному народу, не может быть никакой национальной самобытности. Такие высказывания вливаются в хор религиозных деятелей, объявляющих религию и церковь хранителями национальных ценностей. Они в связи с этим призывают соблюдать старые, отжившие обычаи и обряды, отказывающихся от этого они обвиняют в отречении от своей национальности.

Это еще и еще раз убеждает нас в том, что интернациональное воспитание не может быть эффективным без тесной связи с воспитанием атеистическим. Вследствие прошлого господства религии на Северном Кавказе в сознании верующих тесно переплетались понятия о религиозном и национальном. Часть населения все еще находится под влиянием религиозной идеологии, это наносит вред и делу интернационализма.

Как уже говорилось, в республике созданы все экономические и социальные условия, способствующие утверждению интернационализма, победе материалистического мировоззрения. Но объективные возможности реализуются не сами по себе, но также благодаря и целенаправленной идеологической деятельности партийных организаций. Обком КПСС уделяет большое внимание совершенствованию научно-атеистической пропаганды, проводит в жизнь комплекс целенаправленных мероприятий. Особый упор мы делаем на разработку и пропаганду вопросов соотношения религиозного и национального, на раскрытие отрицательной роли религии в исторических судьбах народов Северной Осетии, попыток духовенства выдавать религию за хранительницу национальной самобытности.

Наш опыт показывает, что в преодолении пережитков религии особую роль играют новые, социалистические традиции, а также новые обряды, рожденные нашей действительностью.

К таким новым традициям относятся социалистическое соревнование между Северной Осетией, Чечено-Ингушетией, Кабардино-Балкарией и Закарпатской областью Украины, дружественные связи предприятий, колхозов, совхозов и учебных заведений нашей республики с трудовыми коллективами соседних братских республик, обмен культурными делегациями.

На многих предприятиях, в школах, высших и средних учебных заведениях созданы клубы интернациональной дружбы, члены их поддерживают связи со своими коллегами из других автономных и союзных республик, знакомятся с историей братских народов, развитием хозяйства и культуры.

Традицией стали походы молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы партии и народа.

Четыре года продолжался поход студентов Северо-Кавказского горнометаллургического института по местам боевой славы 18-й десантной армии, начальником политотдела которой был Л. И. Брежнев. Студенты — представители разных националь-

---

[1] «Правда», 17 мая 1978 г.

ностей встретились с ветеранами 18-й армии, посетили Малую Землю, города-герои Новороссийск, Керчь и Севастополь. На основе собранных материалов в институте создан музей «Дорогами славы, дорогами отцов». Рассказ об этом походе был с огромным интересом выслушан на республиканской научно-практической конференции по книге Л. И. Брежнева «Малая Земля».

Входят в жизнь новые праздники и обряды, вытесняя старые, отжившие, связанные с религиозными верованиями. Формирование новой, социалистической обрядности — дело непростое. Новые обряды и праздники входят в жизнь лишь тогда, когда они соответствуют эмоциям людей, характеру события, когда они, оставаясь специфически национальными, несут в себе и черты общенародной, советской культуры.

Известно, что система религиозных обрядов и ритуалов создавалась духовенством с учетом эмоциональной возбудимости людей, вековых традиций уважения к старшим, любви к родителям и детям, большой роли общественного мнения. Поэтому религиозные обряды и ритуалы надо вытеснять из жизни не одним только разъяснением их реакционной сущности и антинародного характера, — здесь важная роль принадлежит эмоциональному воздействию на массы новых праздников и традиций.

На предприятиях, в колхозах и и совхозах становятся традиционными праздники трудовой славы, урожая, посвящение в колхозники, чествование передовиков производства и ветеранов труда, уходящих на заслуженный отдых, торжественные проводы в армию, комсомольские свадьбы.

Предмет особой заботы областной партийной организации — совершенствование атеистической работы среди сельского населения. Здесь нам приходится учитывать ряд особенностей.

Своеобразие религиозности в Осетии заключается в том, что наряду с христианством и исламом здесь существуют еще более древние верования.

Нищета и невежество, постоянная зависимость горцев от стихии — страшных снежных обвалов, дождей, или засухи породили в наших местах множество общинных и фамильных (родовых) божеств, в честь которых ставили святилища. Они обычно носили имя древнего покровителя путников, мужчин и воинов у осетин Уастырджи, который потом идентифицировался с православным святым Георгием.

В наше время паломники идут к этим святым местам чаще всего не по религиозным убеждениям, а по традиции, под давлением стариков — хранителей языческих религиозных культов. С этими культами связан ряд праздников, которые тоже объявляются национальными, осетинскими.

Благодаря большой работе партийных, советских и общественных организаций, сходам старейшин, их авторитету, широкому распространению новых праздников у нас прекратилось, например, массовое паломничество в рощу Хетаг и другие ранее популярные святые места.

Созданные во многих селах республики советы старейшин оказывают нам большую помощь в формировании новой, социалистической обрядности, в борьбе с пережитками прошлого.

У осетин, как и у других народов СССР, есть немало хороших, истинно народных обычаев и традиций — взаимопомощь в трудную минуту, гостеприимство, уважение к старости, уважение ко всем нациям и народностям.

Осетины на протяжении сотен лет пронесли через все испытания неизмеримое чувство высокого уважения к русской нации, к ее многовековой культуре. Эти традиции стойко сохранялись в сознании народа, несмотря на преграды между нациями «верных» и «неверных», возводимые служителями религии.

Всеми средствами идейного воздействия партийные и общественные организации стремятся глубоко раскрывать яркие примеры дружбы, сотрудничества и взаимопомощи социалистических наций, трудящихся различной национальности в решении практических задач десятой пятилетки, широко и убедительно показывать, что всесторонний расцвет национальных республик, в том числе Северной Осетии, — это результат совместной борьбы и труда всех советских народов. Мы стремимся вести работу с людьми таким образом, чтобы достижения республики не оставались предметом узконациональной гордости осетинского народа.

Особую заботу областная партийная организация проявляет об атеистическом воспитании школьников, формировании у молодежи твердых атеистических взглядов и убеждений, ограждении ее от влияния религиозной идеологии. Прекратить воспроизводство религиозности в новых поколениях — вот главная задача научно-атеистической пропаганды в целом. В связи с этим мы обращаем серьезное внимание на работу среди женщин: они порой являются хранительницами религиозных традиций в семье, воспитывают детей в духе религии. В колхозах, совхозах, на предприятиях, в учреждениях у нас созданы женские советы. Применяя разнообразные формы идейно-политического воздействия, они ведут настойчивую борьбу с пережитками прошлого, активно пропагандируют новые, советские праздники и семейно-бытовые обряды. Традиционными стали съезды женщин, районные конференции, собрания и слеты женского актива.

Большую актуальность приобретают сейчас вопросы нравственного воспитания, утверждение активной жизненной позиции личности. Рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии, порой дают себя знать, рост материальных возможностей наших людей не всегда сопровождается повышением их идейно-нравственного и культурного уровня.

Одно из главных направлений идейно-воспитательной работы, — разоблачение идеологических диверсий буржуазной пропаганды, направленных против народов нашей страны.

Развернув демагогическую кампанию «в защиту гражданских прав в странах социализма», империалистическая пропаганда в последнее время все более активно спекулирует на национальных чувствах, а также на националистических и религиозных предрассудках. Идеологические подрывные центры империалистических государств, эмигрантские националистические организации в своей деятельности, направленной против народов

Северного Кавказа, используют идеи панисламизма, пантюркизма, обращаются к религиозным чувствам людей. Радиостанция «Свобода», например, в своих передачах на Северный Кавказ поздравляет мусульман с их религиозными праздниками уразабайрам, курбан-байрам, передает молитвы и т. д., разжигая националистические настроения в среде верующих.

Важнейшим условием реализации задач коммунистического воспитания, поставленных XXV съездом КПСС, является совершенствование работы с идеологическими кадрами. Выполняя постановление Центрального Комитета партии по партийной организации Белоруссии, мы добились повышения образовательного и идейно-теоретического уровня идеологических кадров, внедрения более действенных форм учебы пропагандистов, лекторов, агитаторов, политинформаторов, работников средств массовой информации и пропаганды.

При обкоме, Орджоникидзевском горкоме и райкомах партии из числа наиболее подготовленных работников созданы группы лекторов по интернациональному и атеистическому воспитанию, регулярно проводятся курсы лекторов-атеистов.

В университете марксизма-ленинизма открыто отделение научного атеизма. В городе Орджоникидзе и районных центрах созданы народные университеты атеизма.

Участники хора ветеранов труда.

Осетинская невеста.

Художественный совет принимает образцы деревянных изделий.

Мечеть XIX века в Орджоникидзе. В ней теперь концертный зал.

Работы осетинских мастеров отличаются изяществом.

Опыт работы Северо-Осетинской областной партийной организации свидетельствует об огромном значении программы идеологической деятельности, выдвинутой в решениях XXV съезда КПСС и последующих постановлениях ЦК КПСС, в трудах Л. И. Брежнева, о ее возрастающем воздействии на все стороны нашей жизни. Важнейшим условием эффективности идеологической работы в соответствии с требованиями развитого социализма выступает сегодня комплексный подход, который дает возможность сконцентрировать усилия всех звеньев устной и печатной пропаганды, партийных, комсомольских и профсоюзных комитетов на решении актуальных вопросов коммунистического воспитания, необходимой частью которого является осуществляемое в неразрывном единстве интернациональное и атеистическое воспитание.

г. Орджоникидзе

ВЗЯТЬ ВСЮ НАУКУ

Е. БОРИСОВ

«... От раздавленного капитализма сыт не будешь, — писал В. И. Ленин вскоре после Октябрьской революции. — ...Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем» [1].

«Взять всю науку...» — эти ленинские слова поставлены эпиграфом к книге «Октябрь и наука», выпущенной Академией наук СССР к 60-летию Октябрьской революции[2]. Открывает сборник статья президента АН СССР академика А. П. Александрова «Шестьдесят лет советской науки». Рассказывая о беспримерном походе за знаниями, о небывалой по масштабам ликвидации неграмотности во времена разрухи, тифа, голода, ученый говорит об острой заинтересованности партии и правительства в развитии науки, о знаменитом ленинском «Наброске плана научно-технических работ», который поставил перед Академией наук исторические задачи по исследованию возможностей рационального размещения производительных сил, обеспечения потребностей народного хозяйства в сырье и энергии.

Один за другим называет академик А. П. Александров институты, рожденные революционной эпохой и в свою очередь давшие жизнь целой серии научно-исследовательских учреждений, продолживших работы своих предшественников на новом, современном уровне.

«Эти перечисления, — пишет А. П. Александров, — скучно читать людям, не видящим, что за перечислениями стоит важнейший процесс послереволюционного развития науки — превращения фрагментарной науки старой России в сплошной фронт науки Советского Союза, связанный с созданным под руководством партии в тот же период сплошным фронтом промышленности и народного хозяйства страны в целом».

Мысль эта — важнейшая для понимания закономерности того пути, который прошла за 60 лет советская наука, — получает наглядную иллюстрацию на страницах юбилейного сборника.

И действительно, в старой России разрабатывались только отдельные научные проблемы, пусть и важнейшие, зато многие направления мировой науки в стране не были представлены. После 1917 года у нас планомерно создавался сплошной фронт науки, тесно связанный с экономикой страны, способный к самостоятельному развитию.

«Своевременному осознанию этого и осуществлению соответствующих мероприятий, содействующих созданию сплошных фронтов науки, промышленности и всего народного хозяйства, наш народ обязан прежде всего Владимиру Ильичу Ленину», — особо подчеркнул это важное положение академик А. П. Александров.

Для всех читателей журнала законный интерес представляют те области научного знания, которые тесно связаны с мировоззренческой проблематикой. Одна из них — изучение строения вещества. Поиски мельчайших частиц материи, исследование их структуры, изучение сил, действующих между ними, — поистине фундаментальнейшая область естествознания. Окружающий нас мир весь состоит из мельчайших частиц материи, а их свойства, законы их движения и взаимодействия определяют особенности макроскопических тел и происходящих в них процессов. Исследованию элементарных частиц и их взаимодействий посвящена в сборнике статья вице-президента АН СССР академика А. А. Логунова и доктора физико-математических наук Б. А. Арбузова.

Еще лет 100 назад считалось, что материя состоит из нескольких десятков химических элементов — абсолютно изолированных друг от друга, самостоятельных основ всего сущего. Но оказалось, что это не так. Уже открыты сотни элементарных частиц, и нет среди них таких, которые не могли бы при соответствующих условиях превратиться в другие элементарные частицы, а многие из них и вовсе нестабильны — распадаются самопроизвольно. Вместе с тем стабильных частиц так мало и свойства их таковы, что из них нельзя построить существующее многообразие.

Все это заставило физиков сначала усомниться, действительно ли элементарны известные частицы, а затем и начать поиски новых, неизвестных «кирпичиков» мироздания. Эти поиски ведутся весьма успешно. Сегодня наиболее вероятные кандидаты на роль таких «кирпичиков» — кварки. Возможные проявления и предполагаемые их свойства изучаются и экспериментально — на современных мощных ускорителях, и теоретически — идет разработка кварковых моделей элементарных частиц. Весомый вклад в это вносят советские ученые. В числе действующих у нас ускорителей — один из крупнейших в мире, Серпуховский. А сейчас на его базе строится еще более мощный ускорительно-накопительный комплекс. Назревает очередной крупный прорыв в неведомое.

«По-видимому, мы находимся в настоящее время на пороге нового уровня понимания явлений в мире элементарных частиц и их внутренней структуры, — пишут авторы статьи. — Несомненно, выяснение строения элементарных частиц будет представлять собой столь же значительный шаг, как и открытие строения атома и ядра».

Столь же значительные события происходят в астрофизике. О гигантском ее прогрессе рассказывает президент Академии наук Армянской ССР академик В. А. Амбарцумян. В первую очередь этот прогресс связан с появлением новых методов астрофизических исследований[3]. На помощь оптическим телескопам пришли приборы, работающие в радиодиапазоне, улавливающие инфракрасные, ультрафиолетовые, рентгеновские и гамма-лучи. Вот-вот появится еще и нейтринная астрономия. Но и оптические инструменты развиваются быстрыми темпами — появляются все более крупные телескопы. Качественно новые результаты приносят телескопы, вынесенные в околоземное пространство с помощью космических аппаратов.

«...То, что произошло, начиная с середины нашего столетия, в области методов исследования и инструментария, — пишет В. А. Амбарцумян, — явилось подлинной революцией, и наше время в этом отношении можно с полным основанием сравнить с веком Г. Галилея и И. Ньютона».

Открыто множество новых типов небесных объектов — активные ядра галактик, квазары и радиогалактики, расширяющиеся туманности, пульсары, нейтронные звезды и «черные дыры». Если раньше астрономия изучала внешне неизменную картину звездного неба и

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 55.
[2] См.: «Октябрь и наука». М., «Наука», 1977.
[3] См.: «Интервью дает наука Армении» в № 2 и «Впередсмотрящие планеты» в № 11 нашего журнала за 1977 г.

медленные перемещения Солнца, Луны и планет, то теперь перед учеными раскрылись удивительные, нередко катастрофические процессы в глубинах Космоса. Данные наблюдений все чаще заставляют отказываться от теоретических идей, даже таких, которые считались общепринятыми, от традиционных гипотез.

Идеей развития насквозь проникнута и современная биология, прежде всего та ее область, которая изучает проблему происхождения жизни. Ей в книге «Октябрь и наука» посвящена статья академика А. И. Опарина — автора общепринятой ныне теории происхождения жизни.

Ему потребовалась немалая научная смелость и убежденность, чтобы в начале 20-х годов, вопреки общепринятому мнению, выступить с новой идеей. Тогда в науке господствовало категорическое, основанное на повседневном опыте убеждение в том, что органические вещества в природных условиях могут возникать только биогенно, то есть синтезировать их могут только живые существа. Опарин же предположил, что такая ситуация характерна лишь для современной эпохи существования нашей планеты. А некогда, пока еще Земля была безжизненной, углеродистые соединения проходили через несколько этапов эволюции: сначала химический, потом предбиологический и, наконец, биологический.

За пятьдесят с лишним лет установлено множество фактов из области астрономии, геологии, физики, химии и биологии, подтвердивших принцип эволюционного возникновения жизни и устанавливающих основные пути этого процесса. Среди таких фактов — модельные эксперименты, проводимые во многих лабораториях мира.

В своей статье академик А. И. Опарин знакомит читателей с результатами экспериментов последних лет, показывает, как много достигнуто в этой области, и вместе с тем подчеркивает, что немало еще остается неясного. Между искусственными моделями и простейшими живыми существами пока имеется очень большой разрыв. Предстоит последовательно усложнять и совершенствовать модели и одновременно проводить углубленное сравнительное изучение обмена веществ и структурной организации наиболее примитивных форм жизни.

И другие статьи рассматриваемой книги, знакомя с замечательными достижениями советской науки, также выделяют нерешенные проблемы, те задачи, которые стоят перед нашими учеными. Можно сказать, что юбилейное издание — не только отчет крупнейших деятелей советской науки перед народом, но и программа дальнейших исследований.

Широко представлено в сборнике развитие общественных наук. К философским проблемам современности обращается академик П. Н. Федосеев. Академик Н. П. Федоренко знакомит читателей с достижениями советской экономической науки. Академик Е. М. Жуков рассказывает о путях развития исторической науки. Статья академика М. Б. Храпченко посвящена развитию и изучению традиций и творческих принципов социалистической литературы.

Академик П. Н. Федосеев касается в своей статье и философских вопросов естествознания. Естественные науки попрежнему остаются ареной острой идейной борьбы, идеалисты разного рода попрежнему пытаются истолковывать их достижения таким образом, чтобы они не входили в острое противоречие с основными положениями религиозной веры. В силу этого не теряет актуальности глубокий ленинский анализ революции в естествознании начала нашего века, когда резко обозначился взрыв противоречий между теоретическими обобщениями прошлого и новыми экспериментальными фактами, когда к радости врагов материализма создалось впечатление, будто расшатались его устои.

Академик П. Н. Федосеев пишет о том, что нынешняя революция в естествознании — продолжение той революции, которую философски проанализировал великий Ленин, обогативший содержание основных философских понятий, прежде всего понятия материи. Физика своим развитием доказала (и продолжает доказывать), что познание никогда не может быть исчерпывающим, что любая его ступень может быть превзойдена в дальнейшем. Познание есть развитие истины, и возможности его безграничны. «Электрон так же н е и с ч е р п а е м, как и атом, природа бесконечна...»[4]. Эти пророческие ленинские слова сказаны в ту пору, когда электрон был единственной известной элементарной частицей. Какой же силой должен был обладать тот прожектор знания, который позволил Ленину сделать столь глубокий вывод! Таким прожектором явился диалектический материализм.

Это великое учение получает все новые подтверждения на каждом крутом повороте в развитии естествознания и служит надежным компасом дальнейшего его развития. Статья академика П. Н. Федосеева привлечет внимание пропагандистов атеизма и широкого круга читателей анализом законов развития естественных наук, помогающих понять современную ситуацию в познании природы.

«Анализ истории науки показывает, что современное ее состояние — это результат целой цепи научных революций, происшедших с момента зарождения естествознания. Научные революции — это вехи на пути научного прогресса. В периоды научных революций особенно ярко проявляются творческие стороны человеческого мышления, формируются наиболее фундаментальные теоретические обобщения, меняется сам способ научного объяснения и видения мира. «Послереволюционное» развитие науки так или иначе питается соками предшествовавшей научной революции...

Революционные идеи зарождаются в различных областях естествознания. Но они так или иначе обусловлены познавательной ситуацией, складывающейся во всей науке о природе, а также всем ходом общественного развития. Научная революция является средством разрешения противоречий внутри естествознания».

Наряду с внутренними процессами, происходящими в науке, современный период ее развития характеризуется невиданным доселе воздействием научных открытий на все сферы жизни. Человечество убедилось в колоссальных преобразующих возможностях науки и ее применения на практике. Наука в полной мере становится непосредственной производительной силой.

Диалектический материализм впервые ввел в теорию познания практику как критерий истины и основу познания. Ленин учил, что познание идет от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. Ныне в условиях научно-технической революции этот путь становится все короче, дистанция между открытием и его практическим применением — все меньше. Эта закономерность очень ярко выявляется на страницах книги «Октябрь и наука».

Академик А. П. Александров рассказывает о том, с какой быстротой и эффективностью была решена в СССР атомная проблема, академик Б. Б. Кадомцев — о развитии физики плазмы и успешном продвижении советских ученых к созданию термоядерной энергетики, академик А. М. Прохоров и доктор физико-математических наук Н. В. Карлов — о квантовой электронике, новой области науки и техники, решающий вклад в создание которой внесла наша наука, академик М. В. Келдыш и доктор физико-математических наук М. А. Маров — о поразительных свершениях Советской страны в Космосе, академик Ю. А. Овчинников — о достижениях новейших направлений биологии.

Нет необходимости продолжать этот перечень. Книга охватывает наиболее важные отрасли науки. Ее авторы — крупнейшие советские ученые — показывают, как много делается в Советском Союзе для ускорения прогресса науки, и как весом ее вклад в коммунистическое строительство, в дело формирования у советских людей научного, материалистического мировоззрения. «Животворный источник технико-экономического и социального прогресса, роста духовной культуры народа и его благосостояния — вот что такое для нас наука сегодня».

Эти слова товарища Л. И. Брежнева, сказанные на праздновании 250-летия Академии наук СССР, характеризуют то положение, которое заняла наука при социализме.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 277.

Осуществленная мечта

Большевики пустыни и весны

О. БРУШЛИНСКАЯ,
И. ЖЕРНЕВСКАЯ,
специальные корреспонденты журнала «Наука и религия»

В августовском номере нашего журнала мы рассказали о старинном подмосковном селе Троице-Лыкове — окраинном уголке современной Большой Москвы, связанном с жизнью и деятельностью , В. И. Ленина. Это место дорого нам, ибо здесь весной 1922 года в дни короткого отдыха Владимир Ильич написал статью «О значении воинствующего материализма» — программный документ научной атеистической пропаганды. Та старинная усадьба, где провел В. И. Ленин 20 мартовских дней, примечательна еще тем, что здесь был создан интернат для туркменских детей — Туркменский народный дом просвещения.
Обширная усадьба, принадлежавшая владельцам текстильных фабрик Корзинкиным, наживавшимся за счет нещадной эксплуатации туркмен-хлопкоробов, решением Советского правительства была передана Наркомпросу Туркмении. В стенах этого дома дети бывших кочевников и бедняков-земледельцев овладевали начальными основами знаний и культуры. Директором, душой и организатором этого интерната стал человек необычной судьбы — туркмен Николай Николаевич Иомудский, получивший русское имя вместо туркменского Караш. Его дед Киятхан, вождь племени иомудов, был отторгнут от родного народа по произволу царя, опасавшегося воинственных и свободолюбивых предводителей туркменских племен. Дети и внуки Киятхана состояли на царской службе.
В октябре 1917 года полковник царской армии Н. Н. Иомудский перешел на сторону революции. Высокообразованный, широко мыслящий человек, он видел смысл своей жизни в просвещении родного народа. Революция предоставила ему возможность взяться за подготовку туркменских детей к профессиональному образованию: строительство социализма в республике было бы немыслимо без создания национальных кадров. Иомудского вдохновляла мысль о том, что пришла пора исправлять историческую несправедливость, обрекавшую туркменский народ на темноту, изоляцию от мира, вымирание от нищеты и вековых болезней.
Забегая вперед, скажем, что «сомнительный эксперимент» (так называли организацию Дома просвещения скептики, и их было немало) удался блестяще. Несколько сот туркменских детей, воспитанных этим интернатом, оставили заметный след в истории республики. Из них вышли первые туркменские ученые, врачи, геологи, строители, партийные и советские работники. Они стали не только прекрасными специалистами, но и активными проповедниками социалистического образа жизни.
С тех пор минуло более полувека.
В Ашхабаде мы разыскали воспитанников Туркменского дома над Москвой-рекой и в беседе с ними попросили вернуться к давним событиям, одинаково близким каждому. Представляем наших собеседников: академики Академии наук Туркмении Аит Ниязов, Сары Каранов, Гельди Чарыев, гидрогеолог лауреат Ленинской премии Караш Иомудский, заслуженный деятель искусств Туркменской ССР художник Музафир Данешвар, а также Анкар Тайлиев, Язлы Мамедов, Мамед Ильбаев — занимавшие ответственные партийные и государственные посты, сейчас персональные пенсионеры.

Фото К. НАЗАРОВА, В. РЕЗНИКОВА и ЦГА КФФД ТССР

1 ДОМ НАД МОСКВОЙ-РЕКОЙ

Бывшая усадьба Корзинкиных.

СНАЧАЛА мы обратились к архивным документам [1].

«Туркменский народный дом просвещения. Приказ № 1. Согласно постановлению Предтурцика распоряжением Наркомпроса Туркменреспублики от 2 августа 1924 года я назначен заведующим Народным Домом просвещения. Иомудский».

7 августа директор выехал в Москву.

«Туркменский народный дом просвещения. Приказ № 2 от 14/VIII—1924 г. Сего числа я прибыл в бывшее имение Корзинкиной и вступил в заведование Туркменским домом просвещения».

«Приказ № 6 от 21/IX—1924 г. Прибывших сего числа 69 детей и двух сопровождающих зачислить на провиантское и вещевое довольствие. Иомудский».

Делами интерната занималось Туркменское постпредство в Москве. Им интересовались М. И. Калинин, Н. К. Крупская, другие государственные деятели. В тяжелое для страны время детям из Туркмении старались создать хорошие условия. Работа начиналась по плану, тщательно продуманному Иомудским, ясно представлявшим себе цель просветительного учебного заведения и трудности, которые ждали воспитателей при встрече с туркменскими подростками. Он предвидел неизбежное сопротивление детей всему новому, страх перед незнакомым миром, в котором все было не таким, как дома, — и еда, и жилье, и одежда, и природа, и непривычный распорядок дня. Ведь большинство туркмен рождались, жили и умирали в кибитках, на кошмах. Они были далеки от всего, что дала людям цивилизация, и не представляли себе другой жизни, считая свою естественной и единственно возможной.

— Для нас, туркменских детей из неимущих семей, а таких было большинство, — вспоминает Сары Каранов, — непривычная еда, баня, мыло, постельное белье в духовном преображении значили не меньше, чем знакомство с устройством мира на уроках физики и географии. Наши воспитатели постарались, чтобы новое не обрушилось на нас лавиной, не оказалось бы слишком непосильной эмоциональной нагрузкой, — в непривычный мир нас вводили постепенно.

Многие отправились в чужие края только потому, что дома было нечего есть. В моей семье после смерти отца нас осталось у матери четверо, старший брат батрачил у баев. Но именно он и не хотел, чтобы я ехал. «Станешь там безбожником, — стращал меня он,— а тогда лучше не жить». До последней минуты, стоя у вагона, все надеялся, что не поеду я к русским. Ведь с детства нас учили: увидел русского — беги.

Но я остался. Набралось нас, подростков 10—12 лет, целый вагон. В Ташкенте нас повели в столовую, где дали всем страшное русское кушанье — котлеты. Никто не прикоснулся к еде неверных. В подмосковном интернате мы сначала боялись есть гречневую кашу...

— Посмотрели бы вы на нас, ошеломленных поездкой по железной дороге, видом огромного города, через который нас повезли на машинах, — вступает в разговор Язлы Мамедов. — Но Троице-Лыково, тихое красивое место, сразу всем понравилось. Я был сирота и беспризорник, последние месяцы голодал, одежда на мне обтрепалась. Чужие люди встретили нас приветливо, накормили, переодели. А думаете, просто было впервые в жизни пойти в баню! Но страх исчезал, мы втягивались в новый быт, полюбили и незнакомую еду, и воду, и мыло, привыкли к чистому белью и постелям. В свои 16 лет я не прочитал ни одной книжки, а тут их была целая библиотека.

— Знаете, — говорит Анкар Тайлиевич Тайлиев, — мне кажется, главное, что нас тогда приучали видеть в самих себе людей, показывали, что мы все и каждый из нас достойны внимания и уважения, ведь в сознание наших предков муллы веками вколачивали мысль, что, мол, человек — прах, что он — ничтожество перед Аллахом. Заболел — значит, так Аллаху угодно, умер — жизнь человека ничего не стоила, смерть была будничным событием. А тут за нами ухаживают, заботятся о здоровье, лечат, дают лекарства!.. Вскоре все мы полюбили чтение. У каждого в парте была книжка, на переменах все бродили с книгами.

— Много появилось у нас любимых занятий,— добавляет Язлы Мамедов. — У каждого свое. При усадьбе был огромный сад, пасека, молочная ферма. И столярная, токарная мастерские работали, электростанция своя действовала. Каждый ученик проходил через все эти «подразделения», выбирая себе занятие по вкусу. Мы не знали праздности и лени — получили хорошую закалку на всю жизнь.

Гельди Оразович Чарыев, первый ученый-философ советской Туркмении, также отмечает в интернатском прошлом то, что ему кажется особенно важным:

— Была особая мудрость в том, что Домпрос находился вблизи Москвы — с ее революционным ритмом и духом жизни, пролетарскими традициями, с ее сокровищами духовной культуры. Каждая поездка в город — в музей, в Мавзолей Ленина, даже на вокзал для встречи, например, Калинина, приехавшего из Туркмении, — вызывала необыкновенное чувство принадлежности к огромному миру, который открывался перед нами. А непосредственные контакты с русской деревней!

— НО ВЕДЬ ВНАЧАЛЕ БЫЛО НЕ ВСЕ ХОРОШО? ВСЕ ПОМНЯТ ЗНАМЕНИТУЮ ДРАКУ ТУРКМЕН С ДЕРЕВЕНСКИМИ...

— Что было, то было... Тяжкое наследие прошлого, когда к человеку другой национальности относились с недоверием, если не враждебно, — говорит Караш Николаевич Иомудский.

— Нас долго убеждали, — дополняет его Язлы Мамедов, — кто не верит в Аллаха, тот враг, особенно русские. А разве сами туркмены мирно жили между собой! По опыту я, например, знал, что надо сторониться людей из чужого племени, хотя бы они и признавали Аллаха. Знали это и другие дети. Вскоре после нашего приезда произошла драка между туркменами-текинцами и туркменами-хорезмийцами. Директор быстро ее погасил. А еще через два дня, в его отсутствие, только что прибывшие дети из Мервского уезда поссорились с ашхабадцами, и 12 маленьких туркмен из Мерва, испугавшись, убежали. Их вернули с дороги. Но это были последние столкновения. Образ жизни в нашей коммуне не оставлял места для племенной розни. Ведь как раз те, кто заботился о нас теперь, были в основном русские, а директор Иомудский, хоть и туркмен, тоже мало походил на земляков-мусульман.

В Домпросе постепенно складывался сплоченный коллектив, со своими нравственными нормами, где правилом было уважение к товарищу. Человек, пусть еще ребенок, ценился не по роду-племени, а по труду, по тому, как учился, что умел делать. У туркмен появились свои друзья в селе, все вместе смотрели кино в Домпросе. А когда в 1929-м загорелась ночью усадьба, крестьяне самоотверженно бросились спасать туркменских детей.

[1] Единый Государственный архивный фонд Туркменской ССР, ф. 377, оп. 4.

Все домпросовцы вспоминали занятия по физкультуре, художественную самодеятельность. Ребята увлекались городками, волейболом, пели хором, играли на разных инструментах. Многие очень полюбили коньки и лыжи. Всем запомнилась первая встреча с зимой.

Н. Н. Иомудский сообщал в Наркомпрос Туркмении: «Дети юга и жители кибиток... долгое время не могли привыкнуть к тому, что необходимо в морозы и холода закрывать наружную дверь, и не понимали того, что нельзя выходить на снег в одном нижнем белье и без шапок...» Сейчас, 50 лет спустя, наши собеседники возражают против того, что они «не понимали». Дело было в другом. Они хотели испытать незнакомое чувство острого, колющего холода (это было так же, как с водой,— долго не могли привыкнуть, что ее можно тратить без меры). Они действительно выскакивали из дома в одном белье, бросались в снег, купались в нем, терли лицо и руки, смеялись, визжали. Просто были детьми.

Директор был доволен своими воспитанниками. В марте 1925 года он писал в отчете: «По темпераменту дети чрезвычайно живы, восприимчивы, чутки и любознательны. Очень бережно относятся к своему Домпросу, сохраняют его интересы и готовы ежеминутно встать на защиту его доброго имени. Заметно сильное стремление к приобретению познаний, изучению русского языка... Для поднятия политического самосознания и вообще гражданской сознательности ведутся беседы, собрания и при всяком удобном случае даются объяснения...»

— КТО ЗАПОМНИЛСЯ ИЗ УЧИТЕЛЕЙ, ВОСПИТАТЕЛЕЙ?

В ответ мы слышим много имен — и туркменских, и русских. С некоторыми учителями домпросовцы переписывались годами. С особой любовью все вспоминают дочь директора Иомудского Десте-Гуль Тайчаханову, которую все звали Лизой. Она окончила Ашхабадскую гимназию, потом восточный факультет Петербургского университета. Живя вдали от родины, она не сделалась безучастной к судьбе земляков. И от отца часто слышала, что долг тех, кто смог выучиться, — просвещать народ. Отец и призвал Лизу на работу в Домпрос, хотя она, образованная, красивая, могла бы выбрать жизнь поспокойнее, полегче.

Десте-Гуль не только учила маленьких туркмен арифметике и грамматике. Она многое рассказывала им по-русски, приучая к незнакомой речи, читала вслух книжки, которые помогали понять жизнь, не похожую на их собственную. Показывала, как застилать постель, вести себя за столом, понимать стихи. Лиза запомнилась на всю жизнь, как не забывается человек, который спел впервые прекрасную песню или показал, где растет красивый цветок.

Терпеливыми, преданными делу, понимающими были почти все педагоги Домпроса. Они готовили детей к серьезному творческому труду, освобождали их сознание от устаревших представлений, воспитывали способность воспринимать новое. Организаторы интерната не уподобили детей растениям, вырванным из родной почвы и приспособленным к иным климатическим условиям. Связь с республикой сохранялась постоянно и продуманно.

— Мы были в курсе планов переустройства социалистической Туркмении и первых его успехов. Нам присылали свежие номера «Туркменской искры» и других газет и журналов, выходивших в республике. В Домпрос приезжали многие государственные деятели Средней Азии, не раз бывал здесь председатель Совнаркома Туркмении Кайгысыз Сердарович Атабаев. Те из нас, кто был постарше, понимали, что дома от нас ждут многого, на нас надеются, — говорит Сары Каранович Караев. — Для многих в то время определились жизненные интересы, обозначился выбор профессии. Именно там мы получили нравственную закалку на много лет вперед. Она сказалась во всем, чем бы потом ни приходилось заниматься.

Каждый из домпросовцев вынес из того времени что-то свое, особенно запомнившееся, повлиявшее на жизнь, — это прозвучало во всех рассказах. Но общим для всех было новое мироощущение, умение трудиться в коллективе, широта взглядов, идейная убежденность.

Групповая фотография воспитанников Домпроса. В первом ряду второй слева М. Ильбаев. 1926 — 1927 гг.

Первый директор Домпроса Николай Николаевич Иомудский. 1925 г.

Преподавательница Десте-Гуль (Лиза) Тайчаханова с учениками. 1928 г.

Студенты Тульского рабфака Я. Мамедов и Курбанов. 1926 г.

Воспитанник Домпроса Б. Саидмамедов, будущий строитель метрополитена. 1925 г.

Женщины-делегатки I Всетуркменского съезда Советов. Февраль 1925 г.

Выступление физкультурников на параде в честь I Всетуркменского съезда Советов в Ашхабаде 15—24 февраля 1925 г.

Прежде в Туркмении всегда пахали омачем.

Первый туркмен-тракторист. Мервский уезд. 1924 г.

2 В БУДНЯХ ВЕЛИКИХ СТРОЕК

Они — племя домпросовцев — возвращались на родину примерно в одно время — в 1929-м — начале 30-х годов. Шла первая пятилетка. Новое входило в жизнь республики — с первыми тракторами, с новыми оросительными каналами, с первыми автомобилями и электрическими лампочками, с буквами в школьных тетрадях. Входили в строй новые предприятия — за пятилетку их появилось в Туркмении 90. Республика вступила на путь коллективизации, подготовленная к этому земельно-водными реформами.

В 1929 году туркменские дети перестали посещать религиозные школы. Открывались в республике средние и высшие учебные заведения.

Ученые находили в Каракумах подземные клады — один богаче другого. Их надо было осваивать. В республику приезжало много специалистов — инженеров, врачей, учителей, агрономов, строителей — из России, с Украины, из Азербайджана. Они пришли на помощь народу, которому еще недавно грозило исчезновение.

Туркмения прошлого — со всем диким, убогим и темным — уходила, и все четче виделись черты новой Туркмении — в экономике, в отношениях между людьми, в быту, в облике городов и аулов, в пробуждении интереса нации к культуре, искусству. Домпросовцы активно включались в эту жизнь.

Про саранчу, басмачей и многое другое...

— Я вернулся в Ашхабад, — рассказывает Язлы-ага Мамедов, — в 1929 году — не тем туркменским юношей, который бродил по базару в надежде как-то заработать лепешку. За плечами был Домпрос и Тульский рабфак — мои университеты. В Тулу я поехал зимой 1926-го. Там на рабфаке было туркменское отделение, куда приезжали ребята и девушки по путевкам ЦК комсомола Туркмении. К нам было особое отношение. Тульская комсомольская организация взяла шефство над молодежью Туркмении, чтобы помочь нам быстрее овладеть грамотой, новыми профессиями.

Помогало туркменской молодежи и общество, называвшееся тогда «Тульское губернское пролетарское студенчество». Бывали мы на заводах — оружейном, самоварном. Рабочие радушно встречали нас. В то время вход в сады и парки Тулы был платным, но городской Совет постановил: туркменам — всюду бесплатно, в кино, цирк, на концерты.

Часто в Тулу приезжали гости из нашей республики. Помню, как первый секретарь ЦК комсомола республики рассказывал о жизни молодежи в Туркмении, о том, как трудно еще вовлекать молодых, особенно девушек, в учебу.

Мы горели желанием вернуться домой, самим взяться за дело. На месте все оказалось труднее и сложнее, чем думалось. Но энтузиазм наш от этого не угас. Будущее виделось ясно. Я — вместе со своей Туркменией, а она строит социализм. Меня послали в Ашхабадский медицинский техникум секретарем комитета комсомола. Медики были остро нужны республике: в аулах все еще верили в волю Аллаха и не верили в лекарства. Порой с ними поступали, как с талисманами, и прятали в укромное место. А сами шли и табибу. Надо было не только лечить людей, но и уговаривать их лечиться. Любой специалист в Туркмении, где бы ни трудился, был пропагандистом нового. Некоторым это стоило жизни. Как сказал о том времени Леонид Леонов, у Туркмении было столько фронтов, сколько месяцев в году.

Язлы Мамедов.

Мамедов в годы Великой Отечественной.

...Весной 1929-го неожиданно возник еще один фронт: с ветрами из Афганистана налетели на республику тучи саранчи. Это было страшное бедствие. За месяц зараженная площадь в Каракумах составила 10 тысяч гектаров. Саранча пожирала хлопок, посевы зерна, фруктовые сады. Почернели опустошенные поля, страшно было глядеть на торчавшие, как кресты, голые деревья.

В прежние времена, как это и бывало, люди бы не справились с такой бедой, их ждала голодная смерть. Но у новой Туркмении были силы для борьбы со стихийным бедствием. Объявили мобилизацию молодежи, привлекли ученых, призвали на помощь всевозможную технику. По маршруту, намеченному республиканским штабом, ушла группа Ашхабадского медтехникума во главе с Язлы Мамедовым.

— Мы работали день и ночь — это не просто слова. Нам выдали опылители, лопаты, опрыскиватели. Мы запивали полчища саранчи патокой, парижской зеленью, известью, топтали ногами, жгли костры, разливали по зараженному полю нефть и поджигали ее. Рыли канавы, лопатами сбрасывая туда саранчу, засыпали ее песком. Кругом стояла невыносимая вонь, саранча налипала на подошвы, набивалась в карманы пиджаков и халатов, забиралась в сапоги, под тюбетейки. Мы падали от усталости. В те страшные два месяца немало комсомольцев погибли: не вынесли жары, переутомления. Но никому не приходило в голову уехать.

Вам, наверное, будет интересно услышать, как вели себя муллы и ишаны в это страшное время, — ведь к ним, отчаявшись, прибегали дехкане. Все — от Аллаха, и саранча, значит, тоже. Но в то время почти все муллы были слугами не только Аллаха, а еще и бухарского эмира, который отсиживался в Иране и ждал лучших для себя времен. Муллы старались использовать стихийное бедствие в своих целях и кричали, что случившееся — наказание мусульманам за общение с неверными, что это предостережение, пусть, мол, все вернутся на истинный путь, тогда Аллах милосердный простит за все. Если у кого-то из нас, молодежи, приехавшей «на саранчу», до той поры были еще колебания между верой и неверием, то там они и кончились. Само слово «милосердный» при виде ужасного опустошения, уничтожения того, что создано трудом человека, звучало дико и издевательски.

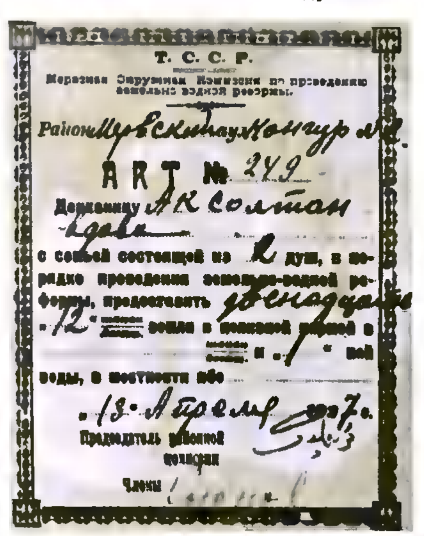
К рассказу Язлы-ага мы добавим от себя кое-что из того, что нашли об этом в книгах и газетах того времени. Высшее мусульманское духовенство не хотело победы людей над саранчой. Это шло бы на пользу новой власти. Они отыскали подходящее к случаю поучение из священных книг: «Может быть, вы чувствуете отвращение к чему-нибудь, а оно оказывается для вас благом». Говорили, что у саранчи на крыльях написаны слова: «Гостья бога и смерть за смерть». Именем Аллаха запрещали убивать эту тварь. Известен такой случай. Молодой туркмен, проработавший без отдыха и сна несколько дней на уничтожении саранчи, уже побывавший в других обезображенных ею районах, услышал, как мулла собрал дехкан и, воздев руки, твердил: «Не убивайте ее, не убивайте!» Он подошел к мулле и ударил его — поступок для туркмена неслыханный.

Саранчу победили. Тогда многие впервые ощутили силу общего труда, объединяющей идеи. «Саранчовая» кампания проверила и людей, их выдержку, организаторские способности. Именно после этих событий Язлы Мамедова избрали секретарем горкома комсомола Ашхабада.

— К нам в республику тогда, в 1930-м, приехали из Российской Федерации замечательные коммунисты — Сенников, Кузнецов, Стрельсон и другие. Они учили нас трудному искусству партийной работы—работы с людьми. Все силы, знания, время они бескорыстно отдавали туркменскому народу. Для нас, молодых, это была школа интернациональной солидарности. В дни общенародных праздников, слушая московское радио, я видел шумную многолюдную Красную площадь и чувствовал, знал, что наша республика связана и с Москвой, и с Тулой, и с Реутовом, где учились текстильному делу наши женщины. И когда слышал песню «В буднях великих строек, в веселом грохоте, огнях и звонах», казалось мне, что это специально поют про Туркмению.

Все это было — и стройки, и шум тракторов, и первый автомобиль в пустыне, и первомайские демонстрации, и первые туркменские девушки с учебниками в руках. Но девушек этих на пути в школе нередко убивали басмачи. Так же, как первых трактористов и участников демонстраций. По призыву партии вместе с другими молодыми товарищами я ушел в ГПУ — добивать басмачество.

Однажды пришло сообщение: басмачи побывали в Ербенте, убит секретарь райкома комсомола, мой товарищ Бердымурад. Ограбили магазин, взяли продовольствие у населения, запугали, предупредили, чтобы не помогали неверным. Мы выехали по следу, настигли их на следующее утро,

Т. С. С. Р.

Мервская Окружная Комиссия по проведению земельно-водной реформы.

Район ...

АКТ № 249

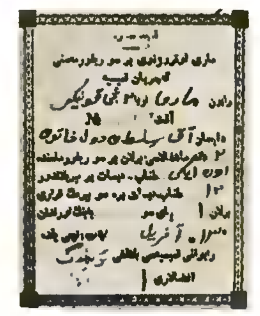
Дехканину Ак солтан ...

с семьей состоящей из 2 душ, в порядке проведения земельно-водной реформы, предоставить двенадцать 12 ... земли в полной ... и ... воды, в местности ...

13 Апреля 1927 г.

Председатель районной комиссии

Члены

Акт земельно-водной реформы о наделении дехкан землей и водой (на русском и арабском языках).

Вручение акта о наделении землей и водой батраков аула Он-Беги. 1927 г.

между поселками Мамедораз и Карыз-Черла. Завязался бой. 35 басмачей на двугорбых верблюдах, мы — на лошадях, а на них по пескам далеко не уедешь. Но все же захватили двух, остальные ушли. Один из пленных оказался из банды Дурды Мурта — основной в Каракумах. Он был связан с Джунаид-ханом, возглавлявшим басмачество в Туркмении. Мы пересели на захваченных верблюдов, отвезли пленных в Карагбилинский район. Когда подъезжали к поселку Серный Завод, увидели повешенного на саксауле изуродованного до неузнаваемости человека. Это был председатель здешнего сельсовета. И здесь, значит, побывали басмачи...

Страницы жизни Мамедова естественно вписываются в историю республики и страны. Был он на советской работе, занимался организацией сельского хозяйства, возглавлял политотдел МТС... Далеко от Средней Азии ушел за годы войны со своим артиллерийским зенитным взводом. Лейтенантом, с боевыми наградами вернулся домой и еще почти четверть века трудился там, куда посылала партия. В его трудовой книжке рядом с каждым новым назначением записи: «послан комсомолом», «рекомендован партийной организацией», «направлен ЦК Компартии Туркмении...»

— ЯЗЛЫ-АГА, ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ О СЕГОДНЯШНЕЙ МОЛОДЕЖИ? НРАВИТСЯ ОНА ВАМ?

— Я не порываю связь с комсомолом. К тому же у меня своя молодежь — 11 внуков, среди них и студенты, и рабочие, и колхозники. Они живут в других условиях. И многие старики почему-то все время упрекают их в этом. Вот, мол, им хорошо, не видели они ни войны, ни голода, ни басмачей. Я рад, что им хорошо. А дел у них не меньше, чем у нас. В любое время трудно выразить себя, найти верную дорогу. Но они находят. Одних она ведет на БАМ, других — в пустыню, третьих — на хлопковые поля. Им сегодня, как у нас говорят, некогда чесать голову. Пусть будет возможность у наших детей делать своими руками то, что украсит жизнь, принесет радость людям. Пусть не нападет на них никогда страшная болезнь — безделье и лень. Пусть путешествуют, пусть смотрят, как живут другие люди, извлекают из этого уроки для себя. Ведь и я тоже в юности увидел другой мир — Москву, Тулу — и увез оттуда столько душевных сил, что хватило надолго.

Пути-дороги Анкара Тайлиева

Тропы от колодца к колодцу, проложенные в пустыне верблюдами, глинистые дороги в оазисах, которые превращались зимой в жидкую грязь, где часами топтались ослики вытаскивая арбы с огромными колесами, — вот по каким путям-дорогам передвигались прежде в Туркмении. Они не годились для грузового транспорта, появившегося в республике. Со строительства дорог начался в 1933 году трудовой путь домпросовца Анкара Тайлиева. Молодой сотрудник только что созданного в Ашхабаде Научно-исследовательского института автодорожного транспорта принял участие в поиске лучших материалов для покрытий дорог. В 1931 году забил нефтяной фонтан в Небит-Даге, через два года — еще один. Дорожники научились извлекать из нефти битум, необходимый для дорожных покрытий. И вот протянулась первая в Туркмении асфальтовая дорога — от Ашхабада до Гауданского перевала. Лаборатория, которой заведовал Анкар Тайлиев, ищет составы гравийных, покрытий, ее рекомендации тут же применяются в практике. Началось строительство дороги Ашхабад — поселок Серный Завод, она шла через пески к богатейшему месторождению серы.

Разработка Северных Бугров в пустыне имела давнюю историю. Отсюда в прошлые века возили серу даже в Египет. Освоение этих месторождений напоминало эпизоды в духе открытия Клондайка — чистопородная сера ценилась почти так же, как драгоценные металлы. Потом Бугры были забыты, караванные дороги к ним занесло песком. Их вторая жизнь началась уже при Советской власти с экспедиции академика А. Е. Ферсмана, в 1925-м шедшей по пескам наугад. Тогда же стали строить завод. По бездорожью протащили на 250 километров 2,5-тонные котлы на телегах, запряженных верблюдами. Завод имел огромное значение для всей страны, поэтому одна из первых дорог республики должна была идти к Серным Буграм.

В Марыйской области, куда Тайлиева послали главным инженером областного дорожного отдела, прокладка дорог была объявлена всенародной стройкой. И сейчас исправно несет службу дорога из Мары в Иолотань через курорт Байрам-Али, которая строилась под его руководством.

— Когда я в 1961 году возглавил Министерство автомобильного транспорта и шоссейных дорог, автогужевых дорог было уже свыше 15 тысяч километров. Автомобиль на асфальте стал одним из символом новой Туркмении, заменив старый символ — верблюд на фоне пустыни.

Анкар Тайлиевич считает себя дорожником, но в жизни ему пришлось заниматься и многим другим. В разное время на ответственных постах он участвовал в развитии промышленности республики, руководил целыми отраслями, был и на советской работе — руководил Красноводским облисполкомом в годы войны, когда этот город на Каспии превратился в важный стратегический порт. Коммунисты избирали его на высокие партийные должности — он воглавлял Ашхабадский горком партии в 50-е годы — в трудное время, когда город восстанавливался после катастрофического землетрясения.

С 1963 по 1970 годы Тайлиев был председателем Госплана Туркменской ССР.

— АНКАР ТАЙЛИЕВИЧ, МЫ ПОНИМАЕМ, ЧТО РАССКАЗ О ВАШЕЙ СЕМИЛЕТНЕЙ СЛУЖБЕ НА ЭТОМ ПОСТУ НЕ УМЕСТИЛСЯ БЫ В ЦЕЛОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА. НО ВСЕ ЖЕ, ЧТО БЫ ВАМ ХОТЕЛОСЬ ОТМЕТИТЬ, В РУСЛЕ НАШЕЙ ОБЩЕЙ БЕСЕДЫ О ДУХОВНОМ ПРЕОБРАЖЕНИИ КРАЯ?

— Это были не самые легкие годы моей жизни. Судите сами. Ответственность, масштабы работы. Выручала закалка, полученная в юные годы, в Домпросе. Организованность в делах и мыслях, которую нам там прививали, уважение к своему и чужому времени, умение видеть смысл и значение личного труда в общем деле много раз меня выручали.

Анкар Тайлиевич Тайлиев

Группа сотрудников НИИ автодорожного транспорта. На фото отмечен А. Тайлиев. 1935—1936 гг.

На базарной площади Ашхабада. 1900 г.

Герб Закаспийской области

Так что Домпрос точно выполнил свою социальную задачу.

Оценивая громадные перемены в республике, могу сказать, что успехи наши становились возможными только по мере того, как народ осознавал себя хозяином своей земли, ее богатств. Хочется отметить и характерную черту развития экономики республики — интернациональность. Было бы чистейшей иллюзией полагать, что туркмены без помощи всей страны могли бы создать нефтяную и газовую промышленность, построить Каракумский канал. На освоении, например, Шатлыкского месторождения работали русские, украинцы, туркмены, азербайджанцы, узбеки. Отсюда пошел газопровод «Средняя Азия — Центр», детище дружбы народов. Мы не могли бы планировать такого развития промышленности, если бы не рассчитывали на энергию из соседнего Узбекистана — из Навоинской и Тахиа-Ташской газотурбинных станций, которые входят в общесоюзную энергосистему. Нефтехимический комплекс на западе республики весьма масштабен, но один он не мог бы перерабатывать добываемое здесь сырье.

— АНКАР ТАЙЛИЕВИЧ, В ВАШЕЙ БИОГРАФИИ ЕСТЬ ПЕРИОД, КОГДА ВЫ ВОЗГЛАВЛЯЛИ МИНИСТЕРСТВО МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. КАКОЕ САМОЕ ХАРАКТЕРНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ НЕГО?

— Здесь я близко познакомился с творчеством народа — в нашем ведении были все народные промыслы — и еще раз поразился его талантливости, увидел огромные возможности этих промыслов и для экономики республики, и для духовного развития людей. За время моей работы на этом посту произведения народных промыслов не раз получали призы международных выставок — в Монреале, в Брюсселе. Туркменские ковры необычайно высоко ценятся на мировом рынке. С ними соперничают лишь иранские. Но опытный глаз видит в иранских работах туркменские мотивы и стиль, и не сомневаюсь, что многие иранские мастера — потомки тех наших соплеменников, которые когда-то покинули родину.

— АНКАР ТАЙЛИЕВИЧ, ВАМ НАДО БЫ ПИСАТЬ КНИГУ О НОВОЙ ИСТОРИИ ТУРКМЕНИИ.

Жена Тайлиева Раиса Ивановна сокрушенно качает головой: «Боюсь, что это уже прочно засело в его голове, совсем не думает о своем здоровье».

— Да вот прикидываю, хватит ли сил, но безделья на старости лет не хочу...

Конец вековой болезни

В «Обзоре Закаспийской области» за 1899 год в разделе «Народное здравие» писалось: «Для того чтобы иметь представление о степени распространения глазных заболеваний среди населения туркменских аулов, достаточно указать на то, что редко можно встретить текинца с вполне здоровыми глазами. Ежедневно можно видеть переполненную амбулаторию, наполовину состоящую из слепых и полуслепых».

Лечили трахому, как и другие болезни, знахари — табибы. Одним из самых ходовых лекарств у них был песок с могил святых — им посыпали больные глаза. В ход шел и керосин — в качестве глазных капель. И конечно, слюна, мокрота, моча — весь традиционный набор лекарственных средств времен средневековья.

Совсем не случайно, став медиком, Сары Каранов избрал для себя офтальмологию, науку о зрении, жизненно важную для его народа. Один из первых окулистов-туркмен, он прошел путь от рядового врача до академика медицины.

— Я хочу подчеркнуть, — говорит Сары Каранович, — что трахома — болезнь социальная. Ее распространение говорило не просто об отсутствии медицинской помощи, а о нищете и убогости быта, о бескультурии и невежестве, о господстве религиозных предрассудков. Массовое распространение этой болезни среди жителей края всех возрастов, полное отсутствие офтальмологической службы — такие итоги подвел I съезд работников медико-санитарного труда Туркмении, который собрался в 1925 году. Молодая республика — первое в истории туркмен государственное образование — стала на путь социального переустройства, который и был единственно верным путем борьбы с трахомой.

Экономические преобразования в крае, развитие научной и практической медицины, санитарно-просветительная пропаганда создавали материальные предпосылки для успешной борьбы с трахомой. А еще требовалась перестройка сознания и психологии людей, воспитанных социальным опытом прошлых поколений, отягощенных религиозными заповедями, суеверными представлениями. Если Аллах пожелает, учил Коран, то он унесет слух и зрение. И народ покорялся, считал трахому, малярию и другие недуги неизбежными. Понадобились коренные, революционные меры во всех сферах жизни, чтобы поколебать эту покорность. Свою роль сыграли здесь и выпуск литературы на родном языке, и ликбез, и открытие национального театра, и то, что девочки-туркменки, пусть еще не все, начали ходить в государственные школы.

Своих врачей-окулистов в Туркмении не было, и республика обратилась за помощью к медикам других краев. В 1932 году из Одессы приехал Константин Иванович Цыкуленко, представитель филатовской школы в офтальмологии. Он стал первым директором трахоматозного института. Николай Иванович Павлов, приехавший из Краснодара, возглавил филиал трахоматозного института в городе Мары. В течение 10 лет на летние месяцы приезжал к нам Владимир Евгеньевич Шевалев из Одесского института глазных болезней. Теперь он один из ведущих специалистов-офтальмологов Украины. Многие годы работала у нас Екатерина Дмитриевна Блаватская (она ведет кафедру глазных болезней в Ереванском институте усовершенствования врачей). В Туркмении начала свою научную деятельность Сусанна Александровна Балхаш, ныне она доктор медицинских наук, работает в Одессе.

«Глазные» отряды и научные экспедиции, организованные Туркменским трахоматозным институтом, разъезжаясь во все уголки республики, изучали степень пораженности трахомой, клинические особенности всех четырех степеней заболевания, бытовые корни его возникновения, разрабатывали и применяли методы лечения глазных болезней.

Прервав рассказ, Сары Каранович вдруг обращается к нам с вопросом: «Вы знаете, что такое кундюк?» Оказалось, это медный кувшин, в котором держат воду для ритуального омовения: им пользовались все члены семьи, больные и здоровые.

— Кампания «Долой кундюк!», — вспоминает Сары Каранович, — сопровождалась лозунгом «Каждому — рукомойник!» И надо было не только провозгласить лозунг, а добиться того, чтобы в рукомойники, выданные каждой семье, не засыпалось зерно, а полотенце и мыло не упрятывались в сундуки. Непросто было приучить туркмен ходить в баню. Бывало, выстроят баню в ауле, она так и стоит, никому не нужная. Кстати, строительство бань предусматривалось специальным правительственным решением.

25 октября 1933 года Совет Народных Комиссаров Туркменской ССР вынес первое постановление «О борьбе с трахомой». К делу привлекались не только медицинские силы, но и общественные организации.

Из года в год росли в республике ассигнования на здравоохранение. К 1941 году они увеличились более чем в 107 раз по сравнению с 1925 годом. Бесплатная медицинская помощь, глазные лечебницы-интернаты для больных детей, десятки опе-

Сары Каранович Каранов.

Детский санаторий в Марыйской области.

Живая вода

Несомненно, комплекс зданий Каракумстроя — архитектурное украшение Ашхабада. Еще бы — вода! Этим для здешнего края сказано все. Воды раньше всегда не хватало. Летом пересыхал Теджен, мелел Мургаб. Полноводная Амударья принадлежала бухарскому эмиру и хивинскому хану. А у кого вода — у того власть, у кого власть — у того вода.

Часто, когда хотят показать разницу между республикой в начале пути к социализму и современным Туркменистаном, сравнивают снимок времен сооружения Карабекаульского канала и фотографии, сделанные на строительстве Каракумского канала. На первом снимке — горы земли и множество людей с лопатами, носилками. На Каракумском канале, — сложная гидростроительная техника, размах работ. И все-таки в этих сюжетах можно усмотреть больше сходства, нежели разницы. Оно — в самом факте, в решимости Советской власти не только поставить на службу народу водные источники, но и осуществить вековую мечту туркмен о Большой воде. И еще в том, с каким энтузиазмом и надеждами люди восстали против несправедливости природы, взялись ее исправлять.

Посмотрите на карту. По желтому фону пустынь и полупустынь тянется синяя нитка рукотворной Каракумской реки с голубоватыми овалами водохранилищ и озер на всем ее длинном пути. Тянется от Амударьи до Ашхабада, через центры основных районов земледелия, животноводства, держа направление к древним землям туркменских субтропиков, к нефтяным и химическим центрам республики. Сейчас работы ведутся за Ашхабадом — за тысячекилометровой отметкой рукотворной реки.

О влиянии канала на хозяйственную деятельность республики можно говорить много. Ограничимся таким фактом: благодаря этой воде Марыйская область производит сейчас столько хлопка, сколько не так давно заготавливала республика.

Но экономическая, хозяйственная выгода — лишь одна сторона явления, именуемого Каракумским каналом. Владимир Ильич Ленин сказал: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»[2]. Это полностью подтвердилось и в ходе строительства грандиозного канала.

Избавление от отсталого быта, суеверных привычек, многих эпидемических болезней ускорил приход Большой воды. Каракумстрой — поистине могущественная организация в республике еще и потому, что он не просто осуществляет строительство канала. В его обязанности входит и благоустройство новых центров жизни, появившихся в этом районе. Здесь созданы уже 10 совхозов, в том числе рыболовецкие. На месте безжизненных прежде песков строится жилье, появляются культурно-бытовые объекты.

Теперь туркмены знают: власть в руках народа, значит, в его руках и вода, а с ней достаток, полная перемена всей жизни. Самым дорогим, почитаемым именем назвали в Туркмении Каракумский канал — именем Ленина.

... Сын директора Домпроса Караш Николаевич Иомудский и его жена Надежда Григорьевна Шевченко — люди в республике известные. О них не раз писали и в местной и в центральной прессе. К. Н. Иомудский — первый гидрогеолог-туркмен, сыгравший видную роль в гидрогеологических, инженерно-геологических и водохозяйственных исследованиях. Он возглавил и первые гидрогеологические и инженерно-геологические изыскания, предпринятые для уточнения и выбора трассы Каракумского канала.

1948—1951 годы — особые в его жизни и в жизни республики. Пришлось налаживать гидрогеологическую службу, понесшую потери в результате ашхабадского землетрясения. Нужно было сосредоточить силы на решении проблем планирования геологических и гидрогеологических исследований, на освоении ресурсов пресных вод. В течение нескольких лет работала первая в Туркмении крупная комплексная экспедиция, которая исследовала север и запад республики и заложила фундаментальные основы современных геологических знаний о Каракумах. Руководил экспедицией К. Н. Иомудский.

Как и другие домпросовцы, Иомудский занялся делом, имевшим для его республики огромное значение. После первого года занятий в Московской Горной академии, куда он

ративных «глазных» отрядов, диспансеры, растущие из года в год кадры врачей-окулистов — государство не жалело средств для наступления на болезнь, доставшуюся в наследство от старого строя. (Для сравнения — в архиве канцелярии начальника Закаспийского округа есть запись от 9 июня 1897 года: «Нынче же формируются для оказания окулистической помощи, преимущественно оперативной, населению две кабитки из запаса тех, которые заготовлены на мероприятия против заноса чумы». И тут же — распоряжение губернатора об отпуске «12 рублей на покупку сена и циновок для постилки оперативным больным».)

Годы войны были единственным в биографии Каранова временем, когда он отступил от избранной темы, — военный госпиталь требовал хирургов широкого профиля. Разные фронты, направления, армии, работа в полевом госпитале первой линии... Будапешт, Прага, Забайкальский военный округ — и вновь военный хирург Каранов вернулся к мирной жизни.

К научной деятельности он приступил зрелым человеком, много повидавшим, много думавшим над опытом прошедших лет. Его научный руководитель профессор Вассерман был доволен: за два года Каранов подготовил и защитил кандидатскую диссертацию о хирургическом лечении глаукомы, предложил новый метод операции с учетом анатомических и физиологических особенностей глаза, перенесшего трахому.

И в мирные дни он прошел через испытания, потребовавшие напряжения всех духовных и физических сил. Землетрясение 1948 года нанесло тяжелейший урон туркменской офтальмологической школе. Кроме Каранова в Ашхабаде не осталось ни одного специалиста-офтальмолога с ученой степенью. Лежало в руинах здание института, погиб архив — истории болезни, записи клинических наблюдений.

В таких условиях получил Каранов эстафету научного знания, возглавил научно-исследовательский институт и кафедру глазных болезней в учебном институте. Через четыре года он защитил в Москве докторскую диссертацию, затем получил звание профессора.

Теперь шли учиться к нему. 23 кандидата, два доктора медицинских наук — по существу, его, карановская школа. Первым своим 10 аспирантам давал темы по трахоме — так, чтобы наиболее полно охватить проблему.

В эти годы шло решительное наступление на трахому — борьба с нею стала одной из первоочередных задач всех органов здравоохранения, партийных, советских, комсомольских и всех общественных организаций.

— Я много раз бывал за границей в странах традиционного распространения трахомы и знаю, что там даже не стоит задача полного ее искоренения. Лечится тот, у кого есть деньги. А трахоме могут противостоять только объединенные усилия науки и государства. В этом убеждает наш многолетний опыт.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 200.

был принят вместе с другом, тоже воспитанником Домпроса, Мамедом Эсеновым, Иомудский попросился на практику домой и занялся древними кяризами — гидротехническими сооружениями столетней, а иногда и большей давности. Предгорную наклонную равнину туркмены прорезали колодцами примерно через каждые 50 метров, по дну проходила галерея, собирающая воду, которая самотеком выходила на поверхность. Устройство, не требующее ни энергии, ни механизмов, действующее само по себе. Предки-туркмены хорошо знали природу. Иомудского поражала точность, с которой они находили нужный уклон, чтобы вода шла беспрепятственно, и галерея не зарастала илом, не размывалась.

Он занимался кяризами и после окончания академии, исследовал их от Каахка до Бахардена. Работа была, что называется, черная, нужно проверить кяриз, а в него и проникнуть нельзя, иной раз едва плечи проходят. Освещение — коптилка в руках. Одно утешало — по его рекомендации многие кяризы расширили, омолодили. Правда, погоды они не делали.

Обследование кяризов, гидрогеологические исследования на Атреке, Мургабе, съемки на Сумбаре подвели Караша Николаевича к работе над трассой Каракумского канала. За подготовку и научное обоснование трассы Каракумского канала К. Н. Иомудский вместе с коллективом своих коллег получил Ленинскую премию.

Отец Караша, Н. Н. Иомудский, знавший природу и историю своего края, в последние годы жизни усиленно интересовался водой. Много размышлял он о старом, высохшем русле Узбоя. Куда ушла вода? Не затаилась ли под песчаными барханами, в неведомых природных резервуарах? Сын помог раскрыть эту загадку природы.

Начальник и главный инженер Северо-Западной Каракумской экспедиции, К. Н. Иомудский в 1953—1958 годах руководит исследованиями и изысканиями в этом районе республики. Весомый их результат — крупнейшее Ясханское месторождение подземных вод, найденное неподалеку от Узбоя. Ясхан — это начало известности гидрогеолога экспедиции Надежды Шевченко. Из буровой скважины в намеченном ею месте хлынула наконец долгожданная вода. Соленая... Только этих лет работы в пустыне, занятых исследованием, освоением подземного моря (65 километров ширины и глубиной в 30—40 метров), поисками методики отделения пресной воды от соленых слоев, — этих лет, с их надеждами, огорчениями, служебными неприятностями, личным для Караша Николаевича и Надежды Григорьевны счастьем, с верой в единомышленников — с лихвой хватило бы на несколько биографий.

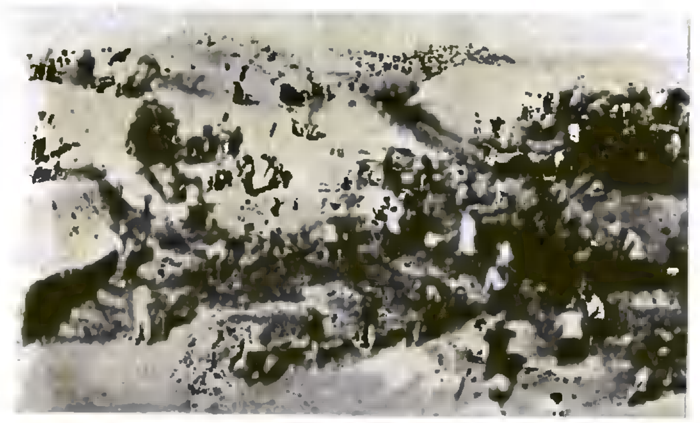

Воспитанник Домпроса Караш Иомудский. 1925 г.

Караш Николаевич Иомудский.

Автор более 50 научных работ, Караш Николаевич пишет еще одну книгу. Это семейная хроника, начинающаяся от прадеда, знаменитого Киятхана. Автор уже подвел рассказ к современности, самое время появиться сюжету о воде, о гидрогеологии. В семье новость — Надежда Григорьевна подготовила к защите докторскую диссертацию, в которой предложила свое истолкование закономерности образования подземных линз пресной воды, методы их эксплуатации. Проблемами гидрогеологии на современном их этапе занимается и средняя дочь Караша Николаевича Джейран Иомудская; в исследованиях запасов воды предгорий Копет-Дага она опирается на математику. Придет время — и семейную книгу продолжат внуки, правнуки, — молодые ветви древа Иомудских.

В семейной хронике Караш Николаевич привел любимые еще с юности стихи Владимира Луговского о Туркмении незабываемых 30-х годов. Это стихи о нем самом, о его товарищах.

Большевики пустыни и весны!
Идете вы разведкой впереди,
Работы много — отдыха не жди.
Работники песков, воды, земли,
Какую тяжесть вы поднять могли!
Какую силу вам дает она —
Единственная на земле страна!

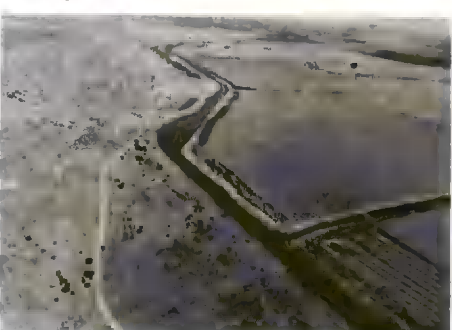

Строительство Карабекаульского канала. 1929 г.

Химия взяла свое

Фамилию учительницы, которая в Домпросе преподавала естественные науки, академик Аит Ниязович Ниязов вспомнил сразу — Мельникова. Она интересно вела занятия. Еще

Так «выглядит» засуха.

На Каракумском канале.

Как хороша вода!

полюбилась ему здесь, под Москвой, работа пчеловода и все, что было связано с садовым хозяйством. Объединил в артель своих единомышленников (здесь Аит Ниязович вспомнил Каранова, Тайлиева) и со знанием дела поддерживал порядок в бывших садовых владениях Корзинкиных.

Но химия в итоге взяла свое. Строго говоря, он столкнулся с нею еще в неприкаянном сиротском детстве, когда, помогая рыбакам, работал на перевозках сульфата натрия из Кара-Богаза. Кто знает, сколько еще пришлось бы трудиться на море и как сложилась бы дальнейшая жизнь, если бы рыбацкая лодка не потерпела аварию. Маленького помощника, оставшегося не у дел, решили отдать в интернат. Вначале — в красноводский, откуда переправили его в Ашхабад, в интернат имени Ильбаева. Вскоре он оказался в Домпросе, за ним — рабфак в Ташкенте, который давал право выбора высшего учебного заведения. Уроки естествознания в Домпросе не забылись — Ниязов сдал документы в Московский университет, на химический факультет.

С каким нетерпением ждали в те годы в республике своих специалистов! Ниязов получил в Москве направление на Кара-Богаз, однако на месте решили, что полезнее будет, если выпускник Московского университета займется подготовкой специалистов в педагогическом институте.

— Студенческая аудитория тех лет была как-то по-особому восприимчивой, жадной до знаний, — вспоминает Аит Ниязович, — но еще почти полностью мужской. Это сегодня у нас в любом вузе много девушек. У меня же тогда училась лишь одна туркменка — Анна Аширова, сейчас она — доктор биологии. Кстати, нынешний директор института зоологии нашей Академии Ата Овезович Ташлиев — тоже мой ученик той поры.

Химия сопровождала Ниязова и в годы войны — он служил в химических войсках. В мирное время вернулся к науке — химии нефти. Его кандидатская диссертация посвящена была синтезу новых эфиров гликолиевого ряда, полученных на основе нефтяных фракций. Исследование строения и химических свойств нафтеновых кислот стало темой его докторской диссертации. Сегодня с именем Ниязова связаны методы очистки нафтеновых кислот с помощью ионообменных смол.

В 1951 году была создана Академия наук Туркмении — событие знаменательное для туркменских ученых и плодотворное по своим последствиям. Как не вспомнить тут, что до революции грамотными считались 0,7 процента всего населения! Работу химиков в системе Академии возглавил Ниязов. К 1957 году встал вопрос о создании Института химии. Сейчас в нем 10 лабораторий. Директор института Ниязов отдал много сил и энергии, подбирая и готовя у себя специалистов для научного исследования множества проблем, сконцентрированных вокруг узловых направлений науки Туркмении.

Вот что он рассказывает о сегодняшнем дне Института химии:

— На первом плане у нас комплексные работы. Мы ищем наиболее рациональные, комплексные пути получения из йодобромных вод, кроме йода и брома, также бора, стронция, лития. Сейчас от этих веществ избавляются, как когда-то избавлялись от бензина, чтобы получить керосин. А ведь, к примеру, бор — ценное микроудобрение для сельскохозяйственных растений.

Ждут сейчас от нас комплексной разработки и другого проекта. Геологи обнаружили в районе Гаурдак-Кугитанского месторождения не только серу, свинец, но и залежи калийных солей и других ценных природных ресурсов. Вместе с ленинградскими учеными мы решаем сейчас, как наиболее экономично, с учетом целого ряда факторов, использовать для блага людей эти запасы природы.

Я сам давно занимаюсь исследованиями в области нафтеновых кислот. Этот компонент нашей нефти имеет ряд специфических свойств, позволяющих найти им широкое применение. Прежде всего, используется их биологическая активность, способность стимулировать рост и развитие растений. Некоторые производные этих кислот помогают в борьбе с вредителями садовых культур, сельскохозяйственных растений. Испытания препаратов, полученных на основе нафтеновых кислот, весьма эффективно прошли в одном из плодовых хозяйств под Ашхабадом. Так что я вернулся к своему юношескому увлечению садоводством с неожиданной стороны. И что ценно, медики пришли к заключению о нетоксичности препарата. Он не опасен ни растениям, ни животным, ни людям. Как видите, заботы сельскохозяйственного производства тоже входят в круг наших исследований.

Одна из работ института — получение гуминовых кислот из окисленных углей Западной Туркмении. Известно, что они — основная часть органического вещества почвы (гумуса), обусловливающего ее плодородие. В этих исследованиях участвует Институт ботаники Академии, в его лабораториях испытывают действие гуминовых кислот на рост растений. Осуществит решающую проверку Ашхабадский институт земледелия: работу с хлопчатником там проведут уже в полевых условиях. Песчаные почвы республики бедны органическим компонентом, и в случае успеха с гуминовыми соединениями появится еще одна реальная возможность повысить плодородие земли. Здесь науке еще предстоит сказать решающее слово.

Приятно, что Ниязов не был беспристрастным собеседником, просто перечисляющим достижения коллектива своего института. Должно быть, академическая невозмутимость не его удел, держался он живо, непринужденно. В дорогие его сердцу воспоминания о временах юности, жизни под Москвой неожиданно вторгались настоящее, будущее республики: проблемы воды, еще неизвестные, предполагаемые богатства, скрытые под каракумскими песками — ведь это дно бывшего древнего моря. И сами пески не дают покоя директору Института химии. Его воображение видит в них безграничные запасы сырья. Научиться удалять из песка все посторонние включения — известняк, доломит, железо, — и будет тогда в распоряжении людей совсем другой песок, обладающий новым качеством, — кварцевый, нужный для стекольной промышленности. Новые физико-химические его свойства превратят такой песок в наполнитель для полимерных материалов.

Аит Ниязович Ниязов.

Современная нефтехимия Туркмении.

Кисть и резец

О судьбе воспитанника Домпроса Музафара Мамедовича Данешвара, художника, заслуженного деятеля искусств Туркменской ССР, нельзя рассказать без некоторых рассуждений о туркменском изобразительном искусстве. Это явление чисто советское, молодое, лет ему не больше сорока. В 1927 году Туркмения участвовала во Всесоюзной художественной выставке, но представила лишь ковры да одну-две картины. Ни кисти художника, ни резца скульптора туркмены, как и многие другие народы, чьей религией был ислам, не знали: мусульманская вера запрещала изображать людей и животных. Художественное свое отношение к жиз-

ни, и природе народ выражал в волшебных орнаментах и знаменитой красноватой гамме туркменских ковров, в ритмах песен, в вышивках, в кружеве серебряных украшений. Искусство живописи, а за ним и скульптуры рождалось вместе с изменениями в социальной, экономической, нравственной жизни народа, благодаря соприкосновению с другими национальными культурами. Оно не могло бы появиться, если бы сознание людей не освобождалось постепенно от страха перед Аллахом. Бывшие кочевники открывали неведомые доселе миры и себя в них. И научились художественно их воплощать.

Это мы увидели в залах традиционной весенней ашхабадской выставки. На полотнах туркменских художников предстала жизнь прошлая и настоящая, осмысленная глубоко, интересно. Мы увидели во многих произведениях гармонию мысли и ее художественного воплощения, доступную лишь зрелому таланту. Как в картине молодого художника Какаджана Оразнепесова «Матери». Он показал нам их, разных — и совсем юных, и с лицами в глубоких морщинах, одних — в зените женской красоты, других — вроде некрасивых, но озаренных внутренним светом... На плечах, на руках, на спине они несут своих детей. Несомненно, все это туркменские матери, но это и женщины всего мира — добрые и суровые, счастливые и страдающие, справедливые и готовые все простить. Спасибо им, что есть жизнь.

Полна предчувствия счастья девушка Джамал — героиня картины Дурды Байрамова. Ослепляет красками, искони туркменскими, «Марыйский базар» Амана Амангельдыева.

Заглянув сюда «на минутку», мы долго бродим от полотна к полотну. И хотя не было на этой выставке картины Музафара Мамедовича, он — тоже ее участник, ибо стоял вместе с другими у истоков туркменской живописи, немалая доля его труда в ее становлении.

В 1924 году Музафар уехал в Москву. Мать отпускала его со слезами, но что поделать — сыну 13, он жадно тянется к учению. Когда Музафар появился в Домпросе, ему дали номер 126-й, скоро он стал шестым — номер обозначал успехи воспитанника, смог он добраться и до первого.

Рассказ Музафара Мамедовича о «домпросовском» времени полон зрительными образами — такова память художника. Его поражала красота берегов Москвы-реки, так не похожей на среднеазиатские реки. Необычным мальчику из восточного города показался дом с его высокими окнами и крыльцом, с деревянными лестницами-переходами. Удивляла открытость двора, долго сохраняющаяся свежесть зелени. Заворожила впервые увиденная золотая подмосковная осень. Его все время тянуло заглянуть в церкви — их было рядом целых три. Он заметил высоко на стенах потускневшие рисунки, их хотелось рассмотреть получше.

Как отличнику, Данешвару часто поручали обязанности киномеханика — это считалось почетной работой. Фильмы были еще немые — «Станционный смотритель», «Ася», документальные — 1 Мая в Москве, выступления Ленина.... Когда чувствовался особый интерес в зале, Музафар останавливал кадр — переставал вертеть ручку аппарата («самокрутящийся» аппарат — «Том» появился в интернате позже). Так он задерживал на экране прекрасные глаза тургеневской Аси, девушки неведомой им, детям юга, невосточной красоты. Не Ася ли виновата в том, что многие домпросовцы привезли жен из России? И киномеханик тоже. В те годы это не было еще обычным явлением, каким стало сегодня. Бывало, что приезд на родину с русской женой вызывал массу осложнений.

— Я тогда еще не умел рисовать, но уже знал, что такое картины — нас возили в Москву, в музеи. Учитель рисования Марий Григорьевич — его я запомнил на всю жизнь — объяснил мне, как много надо учиться, чтобы писать красками. Да, до первого портрета мне было еще очень далеко...

В Среднюю Азию Музафар Данешвар вернулся не только образованным человеком, но и убежденным интернационалистом, проникнутым духом просветительства.

В начале 1929 года его, дипломника Ташкентского института просвещения, где завершал он образование, послали на практику в глухое место — туркменский аул Кызыл-Аяк. Арба, запряженная ослом, целый день скрипела своими огромными колесами, пока дотащила его туда от уездного центра Керки. Тут ему предстояло принять участие в кампании ликбеза, развернувшейся по всей республике.

Дехкане обрадовались приезду студента. Человек из города, притом побывавший в Москве, был здесь большой редкостью. К тому же он свой, мусульманин. Они хотели знать

Музафар Мамедович Данешвар.

буквы, потому что бухгалтер при выдаче денег уже не признавал, как раньше, отпечатков пальца. Для занятий выделили комнату-мехмонхану. Занимались, сидя на полу.

— Ученики мои были взрослые люди. За семь месяцев я обучил в Кызыл-Аяке началам грамоты 40 человек. И не было занятия, которое не заканчивалось бы беседой. Дехкане были на редкость любознательны, к тому же им казалось, что я знаю все на свете. «Мулла-ага, — спрашивали они (для них любой грамотный человек — мулла, ведь в аулах только муллы и знали грамоту), — видел ли ты шайтан-арбу, что ездит без осла и лошади!» «Мулла-ага, откуда у тебя столько Коранов!» — все книги для них были коранами, других они не видели... «Мулла-ага, правда ли, что Ленин говорит, что бога нет!»

Так я стал агитатором. Это оказалось потруднее, чем учить их буквам. К восприятию букв в их сознании не было никаких препятствий, а вот к усвоению новых представлений — очень много: вера в Аллаха, обычаи, привычные понятия, невежество. На вопрос о боге я отвечал, что называется, уклончиво. Меня предупредили, что в этом тихом Кызыл-Аяке ревнители ислама утопили в заброшенном колодце шестерых комсомольцев — одного за другим — за «безбожную» агитацию.

В Ашхабаде Данешвара направили в фабрично-заводское училище при типографии. Там он начал понемногу рисовать. Его рисунки углем художники-графики издательства послали на выставку в Москву и начали готовить его к поступлению в Институт искусств, впоследствии получивший название Суриковского. Туркмении нужны были свои художники. Они уже начали появляться — в республике успешно работал С. Н. Бегляров, закончил свои первые картины Бяшим Нурали. Но их было еще очень мало. И вот с путевкой, подписанной наркомом просвещения республики Агаджановым, Данешвар едет в Москву. Теперь он ехал в края, уже знакомые и ставшие родными. Снова увидел прекрасные московские площади и улицы. Побывал он и в Троице-Лыкове, прошел по улице, которая уже называлась Туркменский проезд. Пять лет студенческой учебы, общение с большими художниками — Дейнекой, Герасимовым, музеи, картинные выставки, книги, напряженный, любимый труд. Альбом с его дипломной работой «Зоопарк — детям» взяли в Музей изобразительных искусств, в графический кабинет — большая честь. Ему предлагали остаться в Москве, но хотелось домой, работать, учить детей. В 1937 году вместе с женой Юлией Прокофьевной Данешвар, которая вскоре стала известной художницей Туркмении, вернулся в Ашхабад. Супруги Данешвар стали преподавать в недавно открытом художественном училище. Директором его был художник Иван Иванович Черинько. Трое художников, первые в республике с высшим художественным образованием, с жаром берутся за воспитание туркменских живописцев. Музафар Мамедович увлекается преподаванием, ищет себя в живописи.

— Всю жизнь я метался между педагогической работой

М. Данешвар
Портрет колхозницы.

М. Данешвар.
Автопортрет.
1946 г.

и самостоятельным творчеством. Вышло так, что главным в моей жизни стало преподавание. Помню, что в те годы мы не были уверены, что к первому сентября в училище придут новые ученики. Не надеясь на это, мы ездили по аулам, устраивали передвижные выставки, искали всюду будущее туркменской живописи. Найти талантливых детей — полдела, надо еще уговорить родителей отпустить их к нам учиться. Рисование тогда многие считали занятием не только несерьезным, но и греховным. Едва-едва набирали 10—15 человек. Сегодня принимаем 100 учеников, у нас большой конкурс. Тяга к искусству огромная, кажется, народ хочет наверстать все, чего лишен был долгие века. Диву даешься, сколько талантов среди туркмен именно в живописи! Сейчас в Союзе художников Туркмении 120 человек. Возглавляет нашу творческую организацию театральный художник Шабжан Акмухамедов. Вдумайтесь, что значит для Туркмении сочетание этих слов — театр и художник.

Перед отъездом из Ашхабада мы зашли в мастерскую Данешвара. Он готовится к персональной выставке, приуроченной к его 70-летию. Взгляд задерживается на портрете колхозницы, исполненном в традиционной красно-зеленой гамме. Выразительно лицо хлопкороба, хорош и портрет студентки... Есть у Музафара Мамедовича работы в жанре политического плаката.

Данешвар всю жизнь оставался верен идеям просветительства народа, усвоенным еще в Домпросе. И сейчас он — председатель комиссии по самодеятельному творчеству трудящихся при Союзе художников. Консультирует народных мастеров, не только тех, кто интересуется живописью, но и тех, кто подбирает краски для ковров, вышивает, выполняет работы по дереву. Комиссия устраивает ежегодно в Ашхабаде, в областных центрах, в районах выставки их работ.

— МУЗАФАР МАМЕДОВИЧ, А ДЕТИ НЕ ПОШЛИ ПО ВАШЕМУ ПУТИ?

— Дочь стала инженером. А сын унаследовал мою профессию — он главный художник фабрики игрушек в Донецке. И он и я довольны.

Достойная жизнь

Фамилию Ильбаева мы уже упоминали. В Дом просвещения попало много детей из Ашхабадского интерната имени Ага Ильбаева. Это был туркменский революционер, заместитель председателя Ашхабадской ЧК. Он умер в 1923 году, еще молодым. Напряженная, до изнеможения, работа, раны, полученные в боях с врагами Советской власти, подорвали здоровье. Но успел он сделать немало для своего народа. В том числе — и для беспризорной детворы.

Его сыновья начинали образование в Домпросе. Мы познакомились с одним из них — Мамедом Агаевичем Ильбаевым *. Этот человек не мог бы пожаловаться на однообразие прожитой жизни — и в мирную и в военную пору пришлось выполнять самые разные насущные дела. Но все-таки в них четко проступает единая линия — партийно-просветительская. В 1935 году, когда позади был Домпрос и завершена учеба в Ашхабаде, он руководил отделом школ и учебных заведений ЦК комсомола республики.

Перед войной Ильбаев возглавлял репертуарный комитет республики. Это был важный участок идеологической работы. Молодой туркменский театр становился проводником идей социализма, помогал туркменам избавляться от предрассудков, от засилья ислама, от старого уклада, стоявшего на пути к просвещению. Здесь Ильбаеву понадобились и знание литературы, и истории, и главное — идейная подготовка, ясное понимание задач, которые партия ставила перед интеллигенцией.

Когда началась война — ушел на защиту Родины. Воевал под Ленинградом, участвовал в Курском сражении, бился с врагом в районе Великих Лук, освобождал приднепровские села... Закончил войну под Кенигсбергом и Пилау. Несколько серьезных ранений подорвали здоровье, но, вернувшись в родную Туркмению в 1946-м, и не подумал о каком-то легком занятии в мирной жизни. Его опыт работы с людьми, образование, организаторские способности понадобились для участия в партийном и государственном руководстве.

Последние 10 лет перед пенсией, с 1962 года, Мамед Агаевич был уполномоченным Совета по делам религий по Туркменской ССР.

Портрет Махтумкули работы художника А. А. Хаджиева. 1947 г.

Причины и следствия

Угощение в доме Гельди Оразовича Чарыева было восточным: сначала зеленый чай, терпкий, горячий, потом плов с оранжевыми кусочками моркови, урюка, к нему душистые травы. А вот хозяин, в элегантном костюме, сдержанный, ироничный по отношению к себе, выглядел стопроцентным европейцем. И как-то неправдоподобно, будто не о нем, звучал рассказ о мальчике из аула Бами, который пас верблюдов в предгорьях Копет-Дага, обжигал босые ноги о раскаленный песок, изнывал от голода и жажды в дни мусульманского поста уразы и был однажды поражен видом человека в европейской одежде.

Что же привело нашего собеседника, мальчика из аула Бами, к изучению философии? Ведь именно он стал первым туркменским академиком-философом. Пытаясь не улыбаться, Гельди Оразович воздевает руки к небу:

— Все от Аллаха! В какой-то особенно жаркий день уразы я совсем изнемог от жажды и зноя, не вынес искушения, напился воды, благо, вокруг никого, кроме верблюдов, не было, да и они скрылись из глаз. И вдруг увидел, как

* Фотографию М. Ильбаева периода Домпроса см. на стр. 10.

Гельди Оразович Чарыев.

строгий старик из облака грозит мне пальцем. С ужасом я ждал наказания, ведь я верил, что видел самого Аллаха. И тогда впервые в моей голове родились вопросы: чему подчиняется наша жизнь, по каким идет законам, кто все придумал, от чего все зависит!

Потом, когда убежав из дома, Гельди после скитаний и беспризорничества попал в Домпрос, он узнал, что есть наука, которая стремится ответить на такие и другие одолевавшие его вопросы, — философия.

В 1930 году на философском факультете Московского университета появился первый студент-туркмен. Изучая Гегеля и Фейербаха, одолевая философские труды разных эпох, Гельди часто думал, как соблазнительно легко объяснять все сложности Мира существованием бога, будь то Аллах или другой вседержитель, и как велики и бесстрашны духом древние мыслители, в том числе восточные, которые уже тогда отвергали божественность происхождения мира и его закономерностей.

До сих пор Гельди Оразович в подробностях помнит прием у первого председателя Совнаркома Туркмении Кайгысыза Атабаева. Приехав в Москву, Атабаев собрал выпускников столичных вузов, рассказывал им о перспективах работы, открывающихся перед ними в социалистической Туркмении. Он смело назначал молодых национальных специалистов на ответственные посты в республике. Выпускника философского факультета Чарыева председатель Совнаркома пригласил себе помощником. Работая в Совнаркоме республики, Гельди Оразович одновременно преподавал философию в Ашхабадском Комвузе и в педагогическом институте.

Кайгысыз Атабаев мечтал о том, чтобы туркмены стали просвещенным народом, он уже тогда видел целую армию ученых, которые решают насущные проблемы родного края. Признаться, молодому философу Чарыеву все представлялось более отдаленным. Но прошло меньше 20 лет — и появилась Туркменская Академия наук, а Гельди Оразович некоторое время возглавлял ее как президент.

— Кандидатскую диссертацию я защитил перед войной — по Гегелю. Мой научный руководитель, профессор МГУ Белецкий, не раз говорил, что тот не философ, кто не знает трактаты Гегеля назубок... В 1970 году меня пригласили выступить на Международном гегелевском конгрессе. Мой доклад был посвящен сравнению гегелевского и марксистского понимания начал философии. Тогда же вышла моя книга «Мера в «Науке логики» Гегеля».

В послевоенные годы для меня начался радостный плодотворный период жизни — я открывал для себя, а потом и для других мудрость народного миропонимания туркмен. С восхищением и гордостью за свой народ изучал я произведения выразителя народного свободомыслия, мыслителя XVIII века Махтумкули, творчество которого стало темой моей докторской диссертации. Размышления Махтумкули о жизни и смерти, мире и человеке, счастье и любви расходились с учением ислама. Он отвергал призрачный мир суеверий, разум поэта порой поднимался до стихийного диалектического понимания материальности бытия.

Поразительно смелым для времен господства ислама было его стихотворение «Отвергаю». «Мой народ — в нужде и мучениях,— говорит поэт,— дай же нам счастье. Но ты вместо этого суешь нам религию. Так знай же, нам не нужен твой прекрасный Коран!» Не удержусь, чтобы не вспомнить и такие строки стихов Махтумкули, я переведу их вам без рифмы, но дело не в форме, смысл их прекрасен: «В тысячу раз хуже, чем разрушить Каабу, причинить горе сердцу человека, друг мой». Не забудьте, что сказано это более 200 лет назад. Многим своим ученикам я рекомендовал изучать общественное, философское творчество туркменского народа, его свободомыслие как одну из самых ярких, примечательных черт. Сейчас готовится к защите докторской диссертации мой ученик Гуллы Бабаевич Акиниязов. Его тема — антиклерикализм и свободомыслие туркменского народа. Он нашел интереснейшие примеры, еще и еще раз подтверждающие, что атеизм исторически присущ сознанию народа, стихийно тяготеющему к материалистическому миропониманию. Народ правильно оценивал роль мусульманского духовенства, изображая истинное его лицо в шутках, песнях, устных преданиях. Ярко и образно народные чувства и мысли выражал поэт-сатирик XIX века Кемине.

— ГЕЛЬДИ ОРАЗОВИЧ, ЧТО СЕЙЧАС ГЛАВНОЕ В ВАШЕЙ НАУЧНОЙ РАБОТЕ?

— Меня уже много лет занимает круг вопросов, который я назвал бы «восточный Ренессанс». X век породил на Востоке целое созвездие мыслителей и поэтов. Глубина исследований, энциклопедичность, проникновение в тайны природы — все это позволяет назвать их титанами мысли, так же как называем мы представителей европейского Возрождения; по своей роли и масштабам эти явления сходны.

В 1975 году на международном конгрессе, посвященном 1100-летию аль-Фараби, я сделал доклад, где говорилось об этих проблемах. Многое хочется еще успеть, в изучение творчества таких мыслителей Востока, как Бируни, Авиценна, тот же Махтумкули, требует даже не одной жизни. В сейчас преподаю философию студентам Ашхабадского медицинского института. Хочу привить им вкус и интерес к проблемам бытия, жизни и смерти, познания. Медицина ведь самым тесным образом связана с философией. Кроме того, медики у нас в республике всегда были и сейчас остаются идеологическими работниками, они — на передовых рубежах борьбы с бытовыми суевериями, еще нередко связанными с религиозными предрассудками. Мои студенты выполняют очень интересные научные исследования, увлечены философскими проблемами. «Причинность в медицине», «Специфика химической формы движения материи», «Философская трактовка болезни» — вот такие темы их научных работ. Это учит их не замыкаться в своей узкой специальности, видеть ее место в общем научном процессе. Я консультирую многих молодых ученых, работающих над подготовкой докторских и кандидатских диссертаций по философии.

Академик Чарыев работает увлеченно, стараясь пробудить у молодых труд мысли и души, увлечь собственным интересом к той или иной проблеме. Он предложил ввести для студентов-медиков курс «Этика врача».

Он по-прежнему готовит научные издания, участвует в философских конференциях. Сейчас Чарыев подготовил раздел для трехтомной «Истории философии народов Средней Азии и Казахстана», предполагает выступить с докладом о соотношении философии и конкретных наук.

В доме у Чарыева множество книг на полках, в шкафах, они заняли все подоконники и покушаются даже на рояль, кресла. По коллекции авторских книг, присланных коллегами со всех концов страны, из-за рубежа, можно составить представление о многообразии общественных и дружеских связей Чарыева.

Хозяин показывает только что полученную из Москвы книгу. Профессор Ш. Ф. Мамедов прислал свою работу о Мирзе Фатали Ахундове. «Дорогому другу, первому академику-философу туркменского народа», — читаем автограф.

■ ■ ■

МЫ РАССКАЗАЛИ о судьбах восьми воспитанников Туркменского народного Дома просвещения. Можно было рассказать и о других. Например, об ученом-геологе Мамеде Эсенове, получившем Государственную премию СССР за участие в открытии новых месторождений нефти, о строителе метрополитена Байраме Сеидмамедове, об Ата Мухаммедове — одном из первых туркменских инженеров-текстильщиков, о прокуроре Бяшиме Ниязове, о строителе Реза Чмубаеве, проложившем сотни километров дорог в Красноводской области, о крупном ученом-историке Ага Каррыеве, вице-президенте Туркменской Академии наук... Различные в деталях биографии в главном сходны. Все строили социализм. Защищали Родину от врага. Восстанавливали народное хозяйство в мирное время. Всегда были проповедниками и проводниками коммунистических идей. Почти всем им сейчас 70 или было бы 70 — историческому поколению с трудной и счастливой судьбой.

СУДЬБА ПОСЛУШНИКА

А. КРЫЛОВ,
Н. ЧАНОВ

СЕГОДНЯ, как обычно, подполковник в отставке Василий Семенович Клюкин отправился в четвертую школу. Уже много лет он занимается военно-патриотическим воспитанием и ходит к ребятам изо дня в день, как на любимую работу. Это нужное и важное дело давно стало его основным занятием.

Прозвенел звонок на урок, гомонящая толпа ребятишек растеклась по классам, в одном из которых ожидали с нетерпением Василия Семеновича. Он шел по коридору с директором этой школы в Ессентуках.

Молодой директор Виктор Александрович Николаев помнил, с каким интересом в свои школьные годы слушал он Василия Семеновича: тот учил ребят искусству фотографии и рассказывал им о своем учителе, знаменитом П. А. Оцупе, снимавшем В. И. Ленина. Нынешних своих питомцев Клюкин учит цветной фотографии.

— Способные ребята, — говорит он директору. — Мы уже стенд отличников сделали — все снимки цветные. Готовимся к годовщине Советской Армии. Думаю пригласить ветеранов. Не возражаете?

— Что вы! Машину раздобудем привезти их в школу, букеты приготовим, — все как следует. А вы ребятам свои архивы показываете?

— Разумеется. Вот и сейчас несу на урок некоторые снимки. — Клюкин вынул из папки конверт и достал из него пожелтевшую фотографию. — Вот, смотрите. Тот подросток, что стоит рядом с монахом,— это я.

— Вы?!

— Ну да. Покажу этот снимок ребятам, когда буду проводить атеистическую беседу. А точнее — расскажу им о своей жизни...

Родился Василий Семенович Клюкин в удмуртской деревне Мишкино Елабужского уезда Вятской губернии. Детство вспоминается маленькими радостями: сбором грибов и ягод, вкусом картошки, испеченной в золе костра, ломтем ржаного хлеба, посыпанного крупной серой солью. Помнятся и разговоры мужиков, когда в 1905 году они ожидали, что начавшаяся революция все перевернет и крестьянам дадут землю. Но ничего этого не произошло, наступила голодная зима, в муку подмешивали толченую кору деревьев. Голод, болезни, дырявая одежонка, коптящие лучины... И только дом священника да церковь наглядно убеждали, что есть иная, сытая и теплая жизнь — поближе к богу.

Дед Петр Трифонович был истово верующим, сам ходил и внука Васю водил на все церковные службы, крестные ходы. А как только внук научился читать и писать буквы, дед объявил матери:

— Ну, благодари. Уговорил я батюшку. Обещает устроить твоего сына послушником в Белогорский монастырь. Чего не радуешься? Такое счастье не каждому привалит. Всему нашему роду честь, вся деревня завидовать станет.

Сжалось в комок сердце мальчика. Как живой, встал перед глазами недавно умерший монах Симеон. Худой, оборванный, он кашлял так сильно, что аж к земле пригибался. Помирать вернулся в родную деревню. Выгнала его монастырская братия якобы за грехи, а на самом деле не было им расчета кормить больного. Знала о Симеоне и мать, горько зарыдала. Дедушка, благостный и торжественный, под конец тоже расстроился:

— Конечно. Парень смышленый, его бы в город. Глядишь, на механика какого выучился. Так где ж возьмешь столько денег? У тебя голодных ртов полна хата, а там сын одет, обут, сыт будет. Собирай, собирай. Да не забудь новые лапти и онучи приготовить. Стыдно в монастырь оборванным показываться...

Безрадостна была жизнь послушника Василия в Белогорском монастыре.В три часа ночи подымали, чтобы идти в церковь петь в хоре. Скромный, даже по деревенским понятиям, завтрак в трапезной, а после — изнуряющая работа в поле, на огороде, в мастерских. Сами «старцы» не слишком утруждались, зато послушников не щадили. 13-летний

В. С. Клюкин.

Группа летчиков 12-го армейского авиаотряда, перешедших на сторону революции. Второй справа — В. С. Клюкин. Октябрь, 1917 г.

В. С. Клюкин (слева) — послушник Белогорского монастыря. Фото 1910 г.

Вася днем работал, а ночью дежурил в сыром подвале монастырской больницы и вот однажды уснул. Наказание последовало такое: 100 земных поклонов в церкви, да таких низких, чтобы лбом биться о пол. Потом мальчишку отправили таскать бревна. Так прошло два года. Приезжали проведать Васю дед с матерью, земляки. Дивились, что послушнику в святой обители приходилось работать не меньше, чем батраку у кулака, но тот хотя бы платит. Здесь же, в монастыре, платы не полагалось. Мать робко спросила:

— Сынок, а как же дальше? Изведешься ведь.

За Василия ответил чернорizец Алексей:

— Отрок получит за богоугодие чин монаха.

Кто знает, возможно, и в самом деле сбылись бы слова чернорizца, но случилось по-другому.

В 1910 году на престольный праздник съезжались в Белогорский монастырь богомольцы со всей губернии. Из Перми приехали кинооператор и фотограф, чтобы запечатлеть торжество. Кинооператор, одетый по последней моде (в котелке и пальто колоколом), приметил понятливого послушника, который помогал разгружать аппараты, треноги и всю тяжелую подсобную технику. Вася стал помогать во время съемок. Тот момент, когда ему впервые позволили нажать «грушу», запомнился навсегда. Паренек из глухой деревни был безумно счастлив, что принимает участие в «чудесах». Как только кончалось очередное богослужение, Вася мчался в комнаты, где расположились гости. Им полюбился любознательный подросток, они и архимандриту намекнули, что, дескать, способного парня грех не подучить их ремеслу. Но получили отказ. А потом пришел день расставания:

— Ну, Вася, кончилась наша дружба. Завтра утром уезжаем. Помоги упаковать вещи.

И тут мальчик взмолился:

— Дяденьки, ради бога, заберите меня отсюда! А то, правда, повешусь. Не хочу я в монахи! Все вам делать стану, только заберите.

Веселый киношник согласился и велел Васе натаскать побольше соломы в повозку.

— Скажешь, аппаратуру переложить надо, а то тряско в дороге.

Спрятанный в соломе, выехал Вася за монастырские стены, а когда хватились его братья-монахи, был он уже далеко.

Вот так на первых Пермских губернских курсах мастеров светописи в 1910 году появился новый слушатель. Жилось ему не сытней, чем в монастыре, да еще надо было платить за угол и за учебу на курсах. Хотел устроиться грузчиком, но артели сами еле-еле перебивались случайными заработками и не приняли паренька. Что же делать? Дед Петр, как сообщали родственники, долго и крепко ругал внука, но куда денешься, пришлось обращаться за помощью к старику. Сердито отчитав за побег из монастыря, он все же посулил пять рублей в месяц. На первых порах помогали, чем могли, и «крестные отцы» — кинооператор и фотограф.

Курсант потуже завязывал веревку на штанах — пояса не было — и учил химию и физику. Без этих знаний не постичь искусства фотографии. Мастера из Петербурга, приехавшие принимать экзамены, обратили внимание на работы выпускника Клюкина и весьма удивились, узнав, что образования у него — никакого. Взяли с собой его фотоснимки и пообещали помочь устроиться на работу. Обещание свое экзаменаторы сдержали: пришло однажды заказное письмо, изменившее круто течение жизни недавнего послушника. Еще бы! Ему, не имевшему зачастую даже ночлега и медяков на миску щей, предлагали выехать в столицу для работы в художественном заведении знаменитого Петра Адольфовича Оцупа, того самого, что снимает великих писателей, музыкантов, путешественников, артистов! Да, было от чего потерять сон. Подзаняв у приятелей денег на самый дешевый билет, Клюкин поехал в Петербург и через несколько дней молодой пермяк без гроша в кармане прибыл в столицу.

Звонки трамваев, трескотня автомобилей, многоголосый гомон разносчиков кваса, пирожков, фруктов оглушили Василия. Узнав у прохожих, что заведение Оцупа находится у Дворцовой площади, он зашагал прямиком туда. Это была, как вспоминает Василий Семенович, удивительно хорошая школа не только профессионального мастерства, но и приобщения к активной общественной деятельности. Сам Петр Адольфович уже повидал в жизни немало — был участником русско-японской войны, снимал эпизоды первой русской революции, за что оказался под надзором охранки. От него Василий впервые услышал о большевиках, от него получал нелегальные брошюры, разоблачающие царизм. Словом, Оцуп стал для парня учителем в самом высоком, самом благородном смысле этого слова.

Фотография Оцупа была в то время весьма популярна. Приемы, встречи иноземных высочайших особ не обходились без него, а теперь — и без его помощника. Бывая на пышных приемах при дворце, Клюкин вспоминал свою вымирающую от голода деревеньку, — таковы контрасты Российской империи.

Мертвецки пьяного Распутина, буквально приволокли к Оцупу придворные лакеи, дабы лучший фотограф Петербурга запечатлел для потомков наглую, самодовольную физиономию всемогущего фаворита. Оцуп, вообще не слишком сдержанный на язык, едва проявив стеклянный негатив, брезгливо, двумя пальцами, протянул его помощнику:

— Вася, разбей-ка это, брось в грязное ведро и немедленно на помойку. Там ему место. Понял?

Заголосили по улицам прощальные песни: началась мировая война. В первые же дни призвали Оцупа — память у охранки долгая. А вскоре пришел черед идти на фронт и его помощнику. Так разошлись их пути. Лишь после гражданской войны Клюкин с радостью узнал о дальнейшей судьбе учителя. Петр Адольфович еще в дни Октября отдал свой талант на службу народу. Он был единственным фотографом, снимавшим Второй съезд Советов, потом работал в фотомастерской ВЦИКа, руководил фотостудией при ВЦСПС. Но самое главное — Оцуп множество раз снимал Владимира Ильича Ленина. Сделанные им 35 портретов великого вождя вошли в драгоценный фонд фотоленинианы, стали документами исторической ценности.

— Солдаты, кто умеет фотографировать, шаг вперед!

Выполнив команду штабс-капитана, Василий повел глазами — нет ли еще кого? Но он оказался один. В считанные часы получив необходимые документы, Клюкин отбыл из учебной саперной роты для дальнейшего прохождения службы. Ехать оказалось недалеко — под Ригой формировался авиаотряд, где решили попробовать делать аэрофотосъемку, но людей, умеющих обращаться с аппаратурой, не оказалось. Аппаратуры впрочем, тоже никакой не было. Первый фотоаппарат для съемки с борта самолета был изобретен и изготовлен русским военным инженером В. Ф. Потте. Вначале инженеру повезло — удалось прорваться через бюрократические рогатки, было начато серийное производство. Но до фронта, где аппараты эти особенно были нужны, они не доходили. Короче, как фотографу Клюкину в авиаотряде делать было нечего. Но назад его уже не отпустили. С февраля 1916 года он стал воздушным стрелком. Много военных должностей сменил Василий Семенович, но авиации до самой отставки не изменил. А тогда все было в новинку: диковинные «Фарманы», «Блерио»...

В авиотряде господствовало революционное настроение. Многие сюда попали из мастеровых, прошли «университеты» первой русской революции. Великий Октябрь отряд встретил под Петроградом. Офицеры бежали. Тогда бойцы на общем собрании выбрали командира — большевика Ивана Батяева — и постановили: «Считать себя отныне на службе революции во главе с товарищем Лениным». Доложили об этом Петроградскому военно-революционному комитету. Оттуда поступило первое задание — с самолетов разбросать над городом листовки, разъясняющие цели и программу большевиков. Задание было выполнено, и авиаотряду присвоили наименование «первый красногвардейский». Через некоторое время «красногвардейский» было заменено словом «социалистический».

В 1918 году, после участия в подавлении контрреволюционного мятежа в Ярославле, отряд перебрасывают на Северный фронт, в Вологодскую и Архангельскую губернии. Здесь авиаторы сражались с белогвардейцами и интервентами. В сентябре 1918-го Клюкин был принят в партию...

Все новые и новые фотографии ложатся перед нами, иллюстрируя жизнь рядового бойца ленинской партии. Началась Великая Отечественная война. Военинженер 2-го ранга Клюкин воевал под Сталинградом, участвовал в освобождении Северного Кавказа, Белоруссии, Крыма, руководил аэрофоторазведкой на Закавказском фронте.

Из Тбилиси более 30 лет назад Василий Семенович переехал в Ессентуки. Само собой разумеется, что ветеран партии и Советской Армии сразу же включился в работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Он всегда желанный гость у допризывников, на слетах пионеров. Большой популярностью пользуются и его беседы на атеистические темы.

И. ДЕМЕНТЬЕВА

ЖИВЕТ СКАЗКА...

Среди обязанностей гражданина СССР Конституция называет заботу о сохранении культурных ценностей, доставшихся нам в наследство от предков. Каждый в ответе за то, как сберегаются в нашей стране старинные дома и храмы, древняя живопись, книги, орудия труда, изделия народных промыслов... И среди тех богатств, которым каждый советский человек должен быть рачительным хозяином, важное место занимает полновесное слово родного языка, произведения устного народного творчества. Проблеме отношения к сокровищам родной речи и посвящен этот очерк.

Однажды летом довелось мне плыть на грузопассажирском пароходе «Мудьюг» из Архангельска в Кемь. Подолгу стояла на палубе и, облокотясь смотрела на воду, отражавшую небо, удивительное в этих краях: светлое, в лиловых и опаловых размывах и прожилках. Среди пассажиров была женщина — здешняя, поморка. Немолодая, худощавая, большеглазая, она всю дорогу рассказывала о быте береговых селений, хранящем еще многие черты старины, — о свадьбах, сказителях, рыбацких поверьях.

Пришла рассказчице пора сходить. Поднявшись наверх, мы застали ее на палубе с чемоданом в руке; на лацкане серого костюма — орден Ленина. Кто она, за что получила орден? Спрашивать было некогда, да и неудобно. Она стояла молчаливая, незнакомая и принадлежала уже не нам, а дому.

Вот он — ее остров Жижгин. Черная полоска земли двумя узкими каменистыми косами оперлась о края горизонта, а посередине холмилась пологой возвышенностью, увенчанной башенкой маяка. Прямо над башней стояло солнце, его лучи отвесно били сквозь облачную пелену, шатром накрывая остров. Но уже было ясно, что жидкие солнечные стропила не защитят Жижгин от непогод, что открыт он всем ветрам, мал и неуютен. Не росли здесь прославленные архангельскими песенницами цветики-цветочки, ни лазоревые, ни алые. Только валуны слепо смотрели в небо, уже не такое ласковое, как с палубы. И все-таки связан в моей памяти Жижгин именно с песнями.

Из той северной поездки едва ли не ярче всего запомнился мне этот самый остров, солнечный шалаш над ним, немолодая женщина с орденом. Хотелось договорить, доспросить, узнать. Так я попала на Жижгин в командировкой от редакции...

За вечерним чаем Анна Павловна Бронникова, моя прошлогодняя попутчица, неспешно рассказывает о себе. Отец, священник и учитель в Нижмозере, умер рано, оставив пятерых детей. «Ни дома, ни лома» у осиротевшей семьи. Отправив дочек в Архангельск, в епархиальное училище, мать пошла работать на чужих людей. Приезжавших на каникулы детей неделю кормила, а потом они кормились сами, нанимаясь на полевые работы или ухаживая за скотом.

К месту своей первой учительской работы 17-летняя Анюта прибыла босиком, единственные парусиновые туфли несла в узелке. Деревенские девушки считали ее, учившую их, их младших братишек и сестренок, подружкой и приглашали на свадьбы. На первой же свадьбе невеста так искренне и искусно «приплакивала», так жалостно изливала на людях свое горе, что юная учительница не выдержала и упала в обморок. Впрочем, в последующие годы, учительствуя в Пушлахте и в других деревнях побережья, сама научилась песням — печальным, озорным, игровым, хороводным.

А хороши были песни! Песни ее юности — про соседнюю рощу, про речку, что течет за околицей. И сейчас сойдутся вечером у Анны Павловны женщины, что родились на Беломорье и уж нянчат внуков, заведут ту, с которой в их молодости начиналась бесконечная северная кадриль:

У наших, у наших, у наших у ворот
Леший дровни, леший дровни, леший дровни уволок,
Да на самый, да на самый на волок...

Запевает Анна Павловна. Голос у нее не сильный, но очень верный и слух отменный.

Сарафан-то с косой каемочкой, — негромко начинает она, а другие подхватывают:

Сарафанчик раздувается,
Сарафан-то раздувается,
Ко мне миленький в гости ладится.
Нынче, миленький, не прежняя пора,
Не проводишь до парадного крыльца,
У парадного крылечушка
Распаялося колечко на руке,
Распростились на Усть-Яреньге реке...

Я никогда и ни от кого больше не слышала этой песни. Не знаю даже, самобытен ли текст «Сарафана с косой каемочкой», или это всего лишь вариант, «привязанный» к местной географии. Но в том ли дело? Во сто крат важнее, что песня сложена и поется.

В одном из первых вариантов поэмы «За далью даль» у А. Твардовского бы-

ла о Сибири щемящая строка: «Чего недодано тебе, так это песни, здесь рожденной». Позднее строчку эту поэт изменил. Возможно, применительно ко всей Сибири она и неточна, зато как глубока. Обделены, обойдены судьбой тот край, тот город или село, где не родилась песня. Они есть, такие села и города. Не только новые, где люди, съехавшись, построили современное жилье, но еще не успели вдохнуть в него душу. Печать необжитости, недоверия к месту лежит иногда и на старых селеньях, поставленных иными первопроходцами. Знаю сибирские деревни без садов и палисадников, где дома стоят боком вдоль тракта, как фургоны — того и гляди, тронутся и побредут по дороге, куда глаза глядят; одна так и называлась — Балаганы.

А есть в Красноярском крае село Тасеево и в нем улица с удивительным именем Первый бой. Еще с гражданской, со времен Тасеевской Советской Федеративной Республики, памятен тут Кайтымский бой с колчаковцами. И до сих пор песню о Кайтымском бое поют в Тасееве. Мало осталось живых свидетелей той поры, а песня жива, и, услышав однажды, ее уже нельзя забыть, как, побывав на Жижгине, нельзя забыть, что где-то на севере бежит по камушкам речка Усть-Яреньга.

Распаялося колечко на руке.
Распростились на Усть-Яреньге реке...

А может быть, тоскливое, прощальное чувство испытываем мы, думая о судьбе самой песни. Куда она бежит, Усть-Яреньга? Остались ли деревни по ее берегам? Ведь не только природу, но и самое себя, весь уклад своей жизни издавна подверг человек испытанию «весами, горнилом и мерой». Страна строилась; где там, в веселом грохоте, услышать шепот струй скромной Усть-Яреньги? Подвижное наше время смешало все слои населения, перепутало и местные и семейные традиции, переместило городских в необжитые дали, деревенских — в города, где песня, частушка и даже сказка прорастают, как трава сквозь асфальт.

московском парке, на асфальтовом пятачке, в двух шагах от метро, молодежь тридцатых годов танцевала вальс. Гармошка играла «Синенький скромный платочек», кавалеры чопорно, но крепко держали дам; женщин было значительно больше, и потому многие из них кружились «шерочка с машерочкой». Люди тут разные, одно у них общее, все не молоды. Преобладает возраст от пятидесяти до шестидесяти пяти. За «Синеньким платочком», следует краковяк, потом полька-бабочка, танго, за ним кадриль... У танцоров лица — то торжественные и отрешенные, то мягкие, растроганные, как у людей, вернувшихся на родину.

Сама Москва, переселившаяся из замоскворецких двориков, арбатских переулков, таганских мезонинов в отдельные квартиры одинаковых кварталов, выплеснула на пятачок свое исконное добродушие, привычку к общению, юмор.

Редкий вечер обходится тут без частушки, давней спутницы народного веселья. Их поют чаще всего на мотив «матани». Поют в строгом соответствии с неписаной традицией: парой, сопровождая каждый куплет дробной проходкой по кругу. Впервые я забрела сюда 9 Мая, в День Победы. У многих мужчин на пиджаках приколоты планки солдатских орденов и медалей, да и женщинам война знакома не понаслышке. Пели две женщины. Пока одна начинала, подымая аккуратно подбритые бровки, начинала, как хворост в огонь бросала, вторая, крупная и несуетливая, ждала своей очереди, притопывая и степенно покачивая плечами, а дождавшись, разом занималась, вспыхивала:

Ох, война, война, война,
Ну что же ты наделала,
Были девушками мы,
Солдатами нас сделала...

И те из нас, стоящих за чертой круга, кто в войну были детьми, узнавали в этих женщинах своих молодых матерей, старших сестер... Вот, значит, где встретились. Ведь в привычном быту, в троллейбусе и овощных магазинах, в вокзальной суете и в кругу наших семей, они — просто гражданки, соседки, тети и бабушки, принадлежат нам, как воздух, как Москва. Но здесь, на парковом пятачке, под пение двухрядки, они совсем другие.

Молодежь с гитарами и без гитар, время от времени возникающая группами в глубине аллей, надолго застывает на кромке круга: такими своих бабушек или соседок они видят впервые. Ничего, теперь будут узнавать.

Частушки следуют одна за другой: веселые и горькие, грустные и удалые, но всегда, точные, как пословица. Тут многого не процитируешь, так все забористо, так сдобрено солью и перцем. От пения на кругу голоса исполнителей давно осели, да ведь не в голосе дело, а в том, ради чего пето было. Удивляешься еще и выносливости: иные не сходят с круга минут по сорок, ни разу не повторившись.

А потом опять танцы. И песни. Старинные городские, и довоенные, больше лирические, и вполне современные. Иногда, если нашлись гармонисты, на небольшой площадке сосуществуют сразу три круга (как бывало на праздничных демонстрациях): частушечный, песенный и танцевальный. Но так или иначе, а собираются здесь каждый день! Вот уже несколько лет подряд...

Мне бы не хотелось называть ни той всем знакомой станции метро, ни того весьма любимого москвичами парка. Зачем? Те, кто там собирается, нашли друг друга без рекламы и без затейника. А главное — адрес обязательно окажется не единственным. Уж если люди желают встречаться и хотят удержать в себе свое время, чувствуя всю его значительность перед лицом будущего, так ведь и в других — столичных и нестоличных — парках могут оказаться такие же островки. Не сидите дома, гуляйте вечерами. Набредете — ваше счастье.

ЖИВЕТ СКАЗКА

Брянской области лет десять назад я встретилась с «ведьмой».

В Новозыбкове, когда заканчивались дела по командировке, я вспомнила, что захватила в редакции еще одно «попутное» письмо из леспромхозовского поселка. В райисполкоме, прочитав его, очень удивились, но газик дали, и даже нашелся попутчик — участковый милиционер из того самого поселка, откуда пришло письмо. Он приезжал в район по делам и сейчас радовался оказии, а потому был разговорчив. Но узнав, зачем я еду, поскучнел.

— Неужели писать будете? — спросил он. — Позорить на всю Россию?

Письмо и правда было диковинное: жалоба на ведьму, которая «заговорила» поселковых коров и оставила детишек без молока.

Милиционер предположил, что письмо написал сосед Ксении Веденеевой, о которой шла речь в письме. Могли, наверное, найтись и другие люди, обиженные на эту женщину за острый язык.

Меня встретила молодая женщина, темноликая и зеленоглазая, в застиранном платье, с ниткой коралловых бус вокруг смуглой шеи, с чуть скуластым лицом.

— С чем пожаловали, в гости ли, по службе? — негостеприимно спросила она. — А-а, вижу, по службе. — И разозлилась: — Зачем приехали? Фельетоны писать? Не про них,— ткнула пальцем в окно,— про меня? Они моим детям проходу не дают. А я — ведьмачу? — И остановила меня рукой: — Какое там неправда! Чисто всех заворожить могу!

— Ты мне, Веденеева, здесь суеверия не разводи, — встрепенулся участковый...

Сейчас, за давностью, забылись многие подробности. Помню только, что своего соседа Ксения обвиняла в стяжательстве и в том, что он государственный трактор держит на повети и на нем калымит. В блокноте остались ее слова: «В их дому и пьяные напьются, а песен не поют». Жалобу сосед на нее написал как раз за то, что она о нем всем говорит правду.

Сначала Ксения Веденеева с некото-

рым вызовом хвалилась своим умением «коров заведьмачить», а потом уж, когда мы прощались, дала вполне реалистическое объяснение коровьим напастям: трактор их пугает перед утренней и вечерней дойкой...

Была в ней и горечь, и обида на людей, и на участкового тоже — он никак не выберет, чью сторону принять.

Но что-то «такое» в ней было. Я услыхала от нее и записала древние народные заговоры. Специалистам они, вероятно, известны. Но я услышала их в живом устном исполнении, и исполнении весьма талантливом. Не знаю, от кого она этому научилась, но могу сказать определенно: Ксения обладала врожденным артистизмом, разгоралась тем ярче, чем больше внимания находила в слушателях, и очень точно ощущала силу воздействия слова, его красоту.

Сначала она молча и долго вглядывалась в наши лица. Зеленые глаза светлели на смуглом лице, нижние веки, как тетива лука, подрагивали. И наконец появлялись первые слова, негромко сказанные:

— Лягу и спать, богу помолюсь, встану перекрестясь, умоюсь свежею водою, утрусь чистою пеленою, пойду из избы в дверн, из дверей в вороты, в чистые поля, в зеленые луга..

Говорила, будто нанизывала слово за словом, то повышая, то понижая голос.

— На камене нармаюлусе стоит царь железной, подперевшись своим посохом железным от земли и до небеси, и заповедывает всякому железу, каменному и некаменному булату, и меди, и свинцу, и всякому древу: поди, железо, и свинец, и медь, во свою матерь землю, а древо в матерь древо, а перья в свою птицу, а птица — в небо, а клей — в рыбу, а рыба — в море, чтобы меня от всякого оружия не убить...

Не было ничего в Веденеевой зловещего и темного. Ворожея, с руками легкими и плавными, с нелукавой верой в силу слов.

— Ох, ты, матушка, одолень-трава! Как ты одолеваешь лузи, и болоты, и быстрые реки, и крутые берега, ты так же одолей супостатов и недругов, которые мне зло мыслят. Свяжи супостатам руки и ноги и отыми ум и память грядущим на меня с огнивом. Обуздай их и сотвори меня на ннх, ани лютого зверя на брань.

Древние, забытые слова и впрямь завораживали. Как будто до поры хранились в памяти эти звуки, а сейчас опять обрели свое потаенное значение. Оживал мир лесной и озерный, речной и пашенный, мир, который можно было словом уговорить и усмирить.

— От всех русских людей, от князей неверных и от боляр неверных, и от приказных старостов, от бед, от напастей, и от неправедного судилища, от начальников и от рода начальников, от воров и от разбойников, от огненного оружия и от остроконечного меча, от девни простоволосыя, простопоясныя, от кленовых стрел и от всех человеческих злых дел, и от дубины вязовыя, от кистеня махового. Запри меня тридевятью замнами и ключи отнеси под бел-горюч камень.

Так вот как это происходит: от жеста, от взгляда, от поворота головы, от голоса, от всего того, что доступно каждому и чем владеет в полной мере лишь талант, занимаются слова, и вот уже пылает живым огнем речь. И тогда хочешь не хочешь, а веришь, живешь произнесенным словом...

В Ленинград «за сказками» пригласил меня знакомый фольклорист — Владимир Бахтин.

В некотором царстве, в некотором государстве... Жили-были... Пока лились за окном купе огни Подмосковья, я пыталась вспомнить сказку, слышанную или читанную в детстве в старых сборниках Афанасьева.

Спящих под накрахмаленными простынями пассажиров старая добрая «Красная стрела» за ночь доставит в северную столицу. А на ковре-самолете — современном лайнере — путь между столицами занимает час. Так сказка на века опередила медленную жизнь. А сбывшись, она, похоже, от нас уходит. Да и нужна ли она нам сегодня, поскольку, как только что заметил один из моих попутчиков, взрослые нынче читают фантастику и даже малые дети предпочитают сказкам мультяшку и мюзикл?

— В Ленинград за сказками? Удачное место для фольклорной экспедиции, — ехидно заметила соседка напротив.

— Я тоже ездил в Москву за песнями, — мрачно сообщил солидный командированный. — Мне в министерстве такую песню спели, четыре квартала слова буду помнить. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, — пропел он, забираясь на верхнюю полку. И сердито добавил: — Делом надо заниматься, делом!»

И колеса стали отстукивать бодрый марш: «А вместо сердца пламенный мотор». Нет, думала я, засыпая, не нужен вместо сердца мотор, пусть уж будет по-старому.

С Владимиром Бахтиным мы познакомились еще в то время, когда со студенческим отрядом я ездила на стройку, в Ефимовский район, что на границе Ленинградской и Вологодской областей. Был у нас в бригаде такой пятикурсник, что казался взрослее, серьезнее всех нас. В часы отдыха от земляных работ, пока мы спали в палатках или пели песни у костра, он умудрялся побывать в окрестных деревнях и что-то записать себе в тетрадь. Заметьте: это сегодня увлечение народным искусством, да и то больше прикладным, чем словесным, стало чуть ли не массовым. А в ту пору фольклористы передвигались пешком, понимая: от трудов тех праведных не нажить палат каменных. Так вот, Володя Бахтин еще до университета и на младших курсах исходил пешком добрую часть новгородских и псковских деревень. Словом, фольклористом надо родиться...

Сейчас электричкой мы доезжаем до Гатчины и садимся в местный автобус, по случаю субботы набитый пассажирами и сумками. Это в основном ленинградцы, едущие на выходной навестить отчие дома, да еще до ближайшей школы подсаживаются ребятишки с портфелями. Кондуктор объявляет остановки: Войсковицы, Елизаветино, Кикерино, Курковицы. Нам — в Холоповицы, от Курковиц пешком с километр, где дома пореже, снегу побольше.

Мы идем к Марии Николаевне Тихоновой. Бахтин «открыл» ее 20 лет назад. Пока знакомились, пятилетний ушастый рыженький Коля, внук, все крутился у ног, требовал: запиши да запиши и его сказку. И довольно бойко рассказал про козу:

Пошла коза в орехи,
Нащипала три мехи,
Одной шелухи...

В одном месте Коля сбился, но тут же нашелся, потому что народной педагогикой, подарившей детям эту сказку, самим ритмом ее, был предусмотрен и момент импровизации, чтобы развить в малыше не только память, но и сообразительность. «Молодец!» — сказал Бахтин и записал Колину сказку. Так она и значится под номером 57 — сказка, записанная от Коли Николаева из Холоповиц, в недавно выпущенном Лениздатом сборнике «Сказки Ленинградской области». А под следующим, 58-м номером идет «Дочка и падчерица», рассказанная Колиной бабушкой Марией Николаевной Тихоновой.

Но еще больше увез тогда Бахтин песен и частушек. Распрощавшись, попросил Марию Николаевну, если еще что-то вспомнит, записать. И уехал из Холоповиц — так уж получилось — на целых 12 лет. А когда в 1969 году вышел у него первый сборник «1000 частушек Ленинградской области», он отправил ей бандероль и получил письмо. Мария Николаевна благодарила за книжку: «Вы так высоко оценили мое простое деревенское дарование». Все эти годы она, что вспоминала, записывала. «Приезжайте, я вас засыплю песнями и сказками. У нас теперь и свет, и автобус ходит...»

С тех пор он уже много раз бывал у Тихоновой. Однажды Мария Николаевна запела: «Ты река ли моя реченька, — и он замер. — Бежит речка, не сколыхнется, со песочком не возмутится».

Да ведь вариант именно этой песни записал в свое время Пушкин. Считалось среди филологов, что Пушкин собирал фольклор в Болдине, в Михайловском и Тригорском. «Откуда вы, го-

ЖИВЕТ СКАЗКА

ворите, родом, Мария Николаевна?» «Из Елизаветина, за девять верст от Холоповиц». Но в Елизаветине родилась, ходила в девушках, была просватана сама Арина Родионовна!..

Вот дом Марии Николаевны Тихоновой рядом с обветренной елкой. И к нему по свежему снежку — след. Сама Мария Николаевна занемогла. Лежит за печкой, в головах на стене — вязка золотого лука, в ногах большой белый кот (приятель мой, — сказала Мария Николаевна). Увидев нас, она разохалась, принялась вставать.

— А где Николай?

— На работе Коля, — в бабушкином голосе звучит гордость. — Коля-то у нас единственный мастер по цветным телевизорам в районе.

В бабушкином дому уживаются два мира: ее и внука. Мотоцикл, телевизор, магнитофон, светильник-трубка на притолоке — это от Коли; комод под кружевной салфеткой, старенькие ходики, спицы, недовязанная мужская варежка — бабушкино. Две выцветшие похвальные грамоты по обеим сторонам иконы — тоже ее. Одна — от руководства совхоза «Кикеринский» за добросовестный труд в честь 50-летия Советской власти, во второй директор, парторг и председатель рабочкома благодарят М. Н. Тихонову за помощь на весеннем севе.

На комоде тетрадка, торжественно озаглавленная «Записки Тихоновой Марии и пожелания внуку Коле». А в тетрадке: «Мозоли чешутся — к дождю; долго икается — к ветру; кошка траву ест — к дождю; собака валяется на дороге — к плохой погоде; дым кверху — к морозу, книзу — к теплу. Сам себя не хвали, пусть люди похвалят; всегда уважай старших и не ставь себя высоко, гордых людей не уважают. Будь всегда вежлив. Не уродись красив, а уродись счастлив. Счастливый тот, кого люди любят...»

— Внук обо мне заботливый,— говорит Мария Николаевна, — Как из армии пришел, — в хлев меня не пускает. И козу досмотрит, и печку затопит, а заболела — так встать не дает, носится со мной, как с сахарным яичком.

И без уговоров, понимая и ценя чужой труд, подождав вежливо, пока Бахтин включит магнитофон, начала негромко песню. Поет она без смущения, доверяясь красоте и значительности слов:

На полете белая лебедушка,
На быстром несется
касатка-ластушка...

Эта песня старинная, свадебная. Мать поет ее дочери. Песня свадебная, да невеселая. Меняется лицо Марии Николаевны, дрогнул голос:

Ты в какой же путь снарядилася,
Во котору путь, во дороженьку,
Во какие гости незнакомые,
Незнакомые, нежеланные...

За грустной песней следует веселая. Минутами мне казалось, что припевки и прибаутки она сочиняет сама, настолько они автобиографичны, — все будто про нее, про ее молодость. Да хоть эти строчки, смешные и печальные:

Давай говорить,
Чего будем варить;
Один положить — маловато,
Два — жалковато,
Друг на дружку поглядим,
Не харчисто ли едим?

Когда мы уходили, было тихо и снежно. Под белыми шляпами, как грибы, спали валуны. В тонкой рубашке из тумана гулял месяц, большие бледные звезды смотрели на нас, как сквозь слюдяные оконца. И лишь электрические полыньи над ближними деревнями напоминали о том, что есть шоссе и электричка и до громадного города рукой подать.

ольклористы обычно ездят по дальним глухим местам.

— Нет, — сказал Бахтин. — Все сложнее. И... проще. У Тихоновой я записал более 100 песен, это много. А у Притыкиной — в три раза больше. Семь кассет! А знаешь, где я нашел Клавдию Ивановну Притыкину? В центре Ленинграда. Сама-то она архангельская; овдовев, переехала к дочке, работнице одной ленинградской фабрики. Или вот — приходи ко мне завтра домой...

На другой день у него дома я знакомлюсь с немолодым, но крепким еще и красивым человеком Андреем Ивановичем Каргальским. Ленинградский рабочий-литейщик, больше 40 лет проработавший на одном предприятии, парторг цеха. С Бахтиным знаком по литобъединению при Дворце культуры имени Крупской. Бахтин этим литобъединением руководил, а Каргальский — один из самых старательных кружковцев.

ар его случайный и необыкновенный, обнаружился неожиданно. Когда вышла в свет «Тысяча частушек», Бахтин подарил по книжечке каждому кружковцу, и Каргальский вдруг спросил: «Вы и песни собираете? Я кое-что могу вспомнить, хотите послушать?» И запел... былину! «Как во славном городе во Киеве». Услышать в живом исполнении былину для фольклориста — редчайший случай сегодня, а Каргальский пел про Илью Муромца! Пел он на казачий распев, с остановками, повторами, паузами и неожиданными вступлениями, как бы перебивая самого себя, возвращаясь к одной и той же строке, к одному и тому же драгоценному слову, чтобы, вдоволь налюбовавшись, отдать его наконец слушателю. Внимая Каргальскому, понимаешь, почему казаки говорят «играть песню».

Но откуда это у кадрового ленинградского рабочего? С детства, с юности, объясняет Андрей Иванович, с Тихого Дона, со станицы Каргальской, где он рос, перед тем как уйти добровольцем в конницу Буденного.

Ах, что у него за песни! Про Садко, который во хмелю стал похваляться своим Новгородом. Про то, как «шельма Наполеон» Москве грозил. Или как бежал казак из турецкого плена и прилег в степи отдохнуть, и нечего ему положить под голову, только — «руку правую»... История страны, как понимал ее народ, встает из этих песен, величавых и мудрых, удалых и печальных.

Бахтину завидуют: повезло же найти такую Тихонову, такую Притыкину, такого Каргальского. Так ведь и фольклорист сегодня не ограничивает свое рабочее время письменным столом и экспедицией. У него теперь, если хотите, каждый день — экспедиция; тут уж не дремли, слушай денно и нощно — в автобусе, в электричке, в метро, в магазине, в химчистке. Интересный вариант городского романса XVIII века Бахтин записал... у гардеробщицы Лениздата! А кто, думаете, они, современные сказители, чьи сказки вошли в выпущенный Лениздатом сборник? Скажем, сказка под номером 2 — В. А. Горбунов, железнодорожник из Волхова; № 4 и 5 — Николай Цекур, славился как рассказчик в школе юнг; другой юный сказочник Коля Коняев из Вознесенья Подпорожского района — ныне сам студент Литинститута; Эдуард Бердников — инженер водопроводной станции; Любовь Петрова — ленинградская работница; П. К. Тимофеев из Лодейного поля — колхозник. Кто будет следующей находкой?

Во все времена собирательство — род охоты. Есть в нем и азарат, и страсть, долгие засады, облоги и преследования, невиданные удачи, осечки, промахи. И, конечно же, есть «охотничьи» истории.

Три года на Псковщине Бахтин гонялся за скоморохом. Настоящим скоморохом, бог весть как сохранившим свое ремесло от тех давних гусельных веков, от которых, казалось, одна только книжная память и осталась. То есть скоморохом никто Троху не называл, да и сам он такого слова, вероятно, не знал; но на его скоморошьи представления, длинные, связные и очень веселые, собирались любители со всей деревни. А за такую работу кормили Троху и поили тоже. Деревенские жители в ответ на расспросы пожимали плечами: «Это Троха-то Любытинский? Ну, сейчас здесь был, куда делся-то? В другую деревню, должно, ушел». И

ЖИВЕТ СКАЗКА

разводят руками и улыбаются. Улыбаются и разводят руками.

Сказку, сказал Бахтин, целый век хоронят, еще в конце девятнадцатого века скептики предсказывали ей конец, а она живет! Меняется, конечно... В сборнике «Сказки Ленинградской области» Бахтин старался записывать точно. Герой одной из сказок «поступил работать царем», а в другой сказке купец «уехал в командировку», в третьей купеческие дети, жених и невеста «поступили в один и тот же институт»... Обновляется, но живет сказка.

Но вот у Каргальского две дочки, химик и учительница, песен не поют, вполне современные женщины, и внук Марии Николаевны Тихоновой Коля, занявшись цветными телевизорами, давно не рассказывает сказок... На это Бахтин отвечает осторожно: поглядим. И рассказал о ребятах из спировской сельской школы.

Деревенька Спирово в глухом лесном районе области на условной карте фольклориста — заметная звездочка, почти столица: там записано много отличных песен и сказок. Записывал не только Бахтин, записывали у своих бабушек, дедушек и прабабушек, по его просьбе, дети из этой деревни.

Я листала их многолетнюю переписку, серьезную и трогательную, смотрела снимки. Вот фотография — сама школа в шесть окошек. Вот шесть ее выпускников-четвероклашек, на обороте их имена: Рассказов Сережа, Рассказов Коля, Рассказов Толя, Рассказова Наташа... Вот уже другой выпуск Рассказовых — школа-то всего лишь четырехклассная, смены часты, а эстафету собирательства Рассказовы все-таки держат! Они внимательны, дотошны, но дети есть дети, и маленький фольклорист пишет Бахтину: «Мы с папой поехали ловить рыбу, на пути встретилась речка. Мост был сломан, мы поехали через реку на машине. В машину набралось воды до самой кабины. Папа и говорит: не зная брода, нечего соваться в воду. Эту пословицу я записал и посылаю вам...» Зато Надя Кривушенко записала у своей бабушки Галахиной чудесную старинную песню «При вечери было вечером» — она тоже есть в записях Пушкина...

Таковы сказители. Несколько слов о самом «сказочнике». Фольклор и фольклористика (если она не книжная наука, а живое дело) — тоже от одного корня. Ибо, смею думать, непраздное любопытство к народной сказке или песне имеет в основе поэтическое чувство. Если вас от хорошей строчки не прознобило летучим морозцем восторга, если потом часами и неделями не повторяете ее наедине с собой, — вы фольклористом не станете.

Но фольклористика — труд, серьезный, нелегкий, требующий одновременно и одержимости, и редкой пунктуальности. Фольклористика — строгая наука. Но фольклористика — особая наука, требующая знания народной жизни, понимания людей, проникновения в их духовный мир, ибо все-таки не одним телевизором жив современный человек! Отсюда интерес Бахтина к неканоническим формам фольклора — партизанской или фронтовой песне военных лет, внимание и современной частушке. Собирательство приводило его в русские села и монастыри Румынии и Польши, Монголии и Финляндии.

Так, может, фольклор для избранных? Но стотысячный тираж «Сказок Ленинградской области» разошелся, можно сказать, мгновенно...

се меньше в жизни остается тайн. Иногда человеку кажется, что он все о себе и об окружающем мире знает. Мир повзрослел. А прибаутка, сказка, заговор — детство человечества, пора блаженного неведенья и страхов перед природой, когда наши чувства и предчувствия были чуть ли не единственным инструментом исследования действительности. Так ли? Да нет, не так. В истории мы чаще наблюдаем иную закономерность. Чем меньше человек о себе и о мире знает, тем больше ему кажется, что он знает. Нет существа самодовольнее и деспотичнее, чем средневековый епископ, осудивший Жанну д'Арк, слышавшую «голоса», немецкий бюргер или русский черносотенец: все, что было непонятно, легко объясняла религия... Этим троим было не до сказок.

Нет, сказка — не суеверие, а нечто ему противоположное. И не только потому, что нищий солдат в ней берет верх над попом. Но потому, что она, как одолень-трава, прорастала сквозь толщу косных узаконений и верований, разъедая их снизу, сберегая для потомков живой дух и смысл народной речи. Нет ничего по духу здоровее и вольнее, атеистичнее сказки!

Не надо путать: пусть наш технический век, век НТР, как привыкли повторять публицисты, воплотил в электро- и радиоприборах сказочные мечты предков. Но гусли-самоигры, волшебные зеркальца, золотые петушки и ковры-самолеты — это лишь принадлежность сказки, а не сама сказка. Главное в ней то, что во все времена главным было у людей: торжество справедливости, победа доброго над злым, умного над глупым, жизни над смертью, веселого над унылым, честного над лживым и коварным. И потому не умирает сказка и не умрет, перевоплощаясь в книги фантастов, статьи ученых или оставаясь в своем милом старом убранстве. Жили-были... Жили... Были...

ЖИВЕТ СКАЗКА

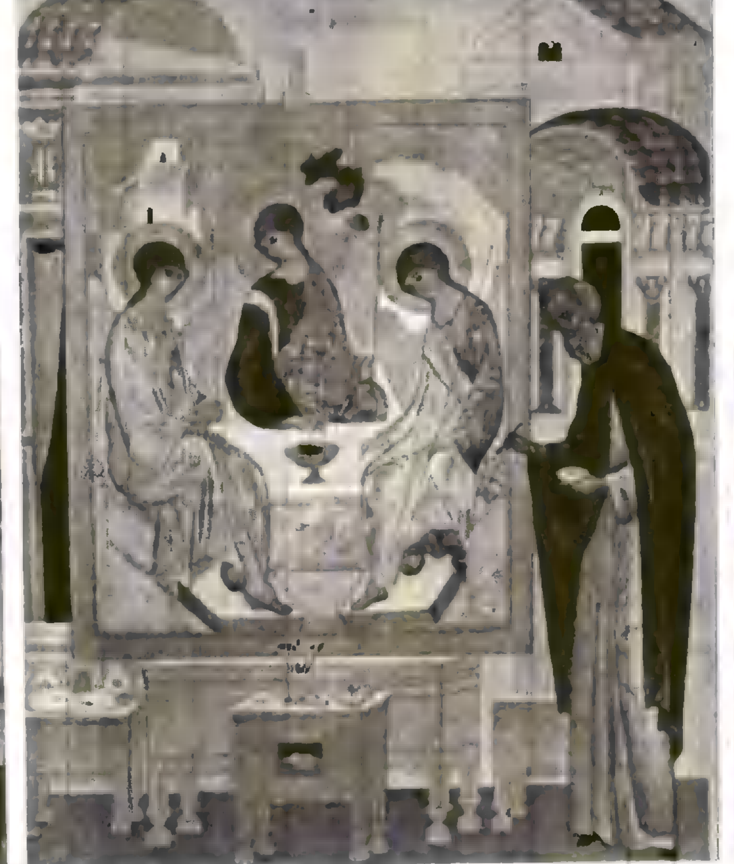

Василий Осипович Кириков.
Фото А. Казимирова.

Мы уже привыкли к тому, что творения древнерусских живописцев, размещенные на стенах просторных комнат и залов, первыми встречают посетителей десятков наших художественных музеев и картинных галерей, запечатлев исходное историческое звено в развитии национального искусства, став полноправным слагаемым практически всех значительных собраний художественных ценностей в нашей стране. Мы уже не можем и представить себе культурные сокровища Москвы без Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева, без первых залов Третьяковской галереи. И порой не задумываемся над тем, что почти все эти художественные богатства собраны, спасены, возрождены в первозданной красе, переданы широчайшим народным массам уже в советские годы самоотверженным трудом энтузиастов — собирателей и исследователей произведений русской иконописи, чудотворным искусством мастеров - реставраторов.

Особое место среди этих самозабвенно увлеченных людей по праву занимал недавно ушедший из жизни Василий Осипович Кириков, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина, крупнейший мастер советской реставрационной школы, талантом и трудом которого возвращено к жизни и подарено людям множество замечательных творений древнерусского и мирового искусства. Памяти мастера, вся сознательная жизнь которого являла собой пример высокого патриотизма и гражданственности, посвящена статья искусствоведа Ирины Александровны Ивановой, многие годы работавшей вместе с ним в Музее имени Андрея Рублева.

В. О. Кириков. Триптих «Житие Андрея Рублева».

ПАМЯТИ МАСТЕРА

И. ИВАНОВА

Василий Осипович Кириков одарен был многогранным художественным талантом — реставратор, художник, копиист. В каждой из этих областей искусства он достиг совершенства. Все три пути, все три русла, по которым протекала его неутомимая и многообразная работа, объединяет нечто общее и чрезвычайно важное. Это — Древняя Русь, к истории и культуре которой более 60 лет обращался художник, занимаясь спасением и раскрытием творений живописцев давних времен и серьезным исследованием их в процессе копирования. Кириков глубоко вошел в лабораторию древних живописцев, и многое из секретов их мастерства, казалось, утраченных безвозвратно, открылось ему благодаря пристальному вниманию, с каким изучал он искусство далеких эпох. В искусстве Древней Руси его особенно привлекало удивительное жизнелюбие мастеров, постоянное обращение их к земному миру.

Так художник нынешнего века на протяжении всей жизни ощущал связь с искусством далеких предшественников — связь, которая с годами крепла и давала силы для творческой работы.

Кириков тянулся к древнерусскому искусству с раннего детства, знал его не по книгам. Он родился в селе Мстера, знаменитом очаге русского народного искусства, в среде, где велик был интерес к творчеству древних иконописцев. Дед, отец, дядя были замечательными мастерами. В Мстере Василий Кириков получил художественное образование, отсюда его в 1914 году как лучшего ученика направили в Петербург, в Русский музей, для обучения реставрационному искусству. Василий Осипович любил вспоминать это первое в его жизни путешествие: о том, как замер он при виде паровоза, как в Петербурге, памятуя деревенский обычай, шел по Невскому, низко кланяясь всем встречным, и окончательно растерялся, увидев в дверях Русского музея швейцара, которого принял за царя.

С неизменной благодарностью говорил он об

учителях, называя в первую очередь Николая Ивановича Брягина. Два года юному художнику из Мстеры поручали участки для реставрации, которые не имели первостепенной важности. Постепенно вырабатывалось чувство ответственности за каждый шаг — ответственности, которая является основой реставрационного искусства.

С мая 1918 года Кириков с головой уходит в работу Комиссии по сохранению и раскрытию памятников живописи, возглавляемую И. Э. Грабарем. Комиссия была создана при Наркомпросе РСФСР по инициативе Владимира Ильича Ленина. Большая группа ученых, реставраторов, художников разъехалась по городам и селам в поисках произведений древнерусской живописи. Экспедиции сменяла кропотливая реставрационная работа, и старые, грязные доски под рукой реставратора постепенно превращались в бесценные произведения — свидетельства высокой художественной культуры. Так рождался новый, ранее невиданный подход к русской живописи.

Столетиями труд многих поколений русских живописцев был почти неизвестен народу. Все прежние попытки что-то сделать в этой области кончались поновлениями, новыми слоями красок, закрывавшими бесценную древнюю живопись. Так было, в частности, и с Троицей Андрея Рублева, которая после неполной и далеко небезупречной реставрации 1904 года вновь была скрыта под золотым окладом. А теперь иконопись обретала новую жизнь, и Кириков был среди тех, кто утверждал новый подход к иконе — как к произведению искусства. Он с радостью и увлеченностью возвращал к жизни шедевры старинных мастеров.

Ему было 19 лет, когда он, заменив незадолго до этого умершего В. Е. Горохова, впервые подошел к Троице Рублева. Он расчищал правую нижнюю часть иконы. С этой поры творчество великого художника будет постоянно привлекать его — Кириков через всю жизнь пронес благоговейное преклонение перед гениальным мастером.

В 1919 году из Звенигорода были привезены три случайно сохранившиеся иконы Рублева, найденные в сарае за дровами, близ церкви Успения на Городке и известные теперь как знаменитый Звенигородский чин. Они позволили увидеть новые грани живописи Рублева — смелую, выразительную манеру, его дар тончайшего колориста, приемы письма, основанные на умении добиваться гармонии цвета, линейного ритма, пластичной формы.

Участвовать в раскрытии этих произведений Андрея Рублева Кирикову не пришлось: его призвали в Красную Армию, и до 1922 года он сражался на полях гражданской войны. После — с 1923 года и до конца своих дней — Василий Осипович отдает все свои силы делу реставрации, работая в Центральных государственных реставрационных мастерских, в Третьяковской галерее, в музеях Московского Кремля, в Музее имени Андрея Рублева.

Многие шедевры древнерусской живописи, составляющие гордость отечественной культуры и широко известные теперь во всем мире, обязаны вторым рождением Кирикову. Среди них — богоматерь Оранта XII века (обнаруженная в Ярославле, в кладовке Спасского монастыря), Георгий — икона XII века. Сейчас мы привыкли видеть этот шедевр в экспозиции Успенского собора Московского Кремля, и нам трудно представить те дни, когда образ Георгия, исполненный величия, силы и мужества, в киноварном плаще и воинских доспехах, благодаря искусству реставраторов, представал впервые из-под темных слоев. Работу над этой иконой Кириков считал событием в своей жизни.

Среди его работ, методика которых признана совершенной, — блестящее возрождение в 1948 — 1950 годах уникального памятника XI века — иконы Петра и Павла из Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника. Многие специалисты скептически относились к возможности реставрации этого произведения. Кириков совершил подвиг, открыв живопись XI века под слоями войлока, воска, под многочисленными записями XV, XVII, XIX веков. Бывало, целый день уходил на то, чтобы раскрыть несколько квадратных сантиметров.

В 1954 году Василий Осипович впервые переступил порог только еще создаваемого Музея имени Андрея Рублева. В ту пору музей ютился в небольшой комнате, куда по вечерам, после работы в реставрационных мастерских, приходил Кириков, чтобы возрождать поступившие в музей иконы.

В юбилейную экспозицию, открытую в сентябре 1960 года в ознаменование 600-летия со дня рождения Андрея Рублева, вошли многие из этих икон. Одна из них — Иоанн Предтеча из Николо-Пешношского монастыря. Кириков первым отнес это произведение к кругу Андрея Рублева, увидев непосредственную близость приемов письма этой иконы и Троицы. Вскоре была расчищена икона середины XV века — «Кузьма и Демьян» из города Дмитрова. Она характерна стремлением приблизить образы византийских святых к облику русского человека. Простыми, бесхитростными простолюдинами представлены канонизированные церковью целители-врачеватели, и, глядя на них, забываешь о том, что жизнь их связана с далеким Востоком.

Тончайшее мастерство проявил Василий Осипович при реставрации иконы богоматерь Тихвинская (1680 г.). Это было в то время, когда музей начал широкую пропаганду древнерусской художественной культуры, показывая, что икона является «окном в ушедший мир», что она своеобразно отразила мечты и чаяния людей своего времени. Тихвинская икона давала богатый материал для иллюстрации различных сторон жизни русского человека XVII века.

Интересна судьба этой иконы. Своим спасением она обязана калужскому краеведу Н. М. Маслову, который нашел ее на чердаке. Он знал историю иконы, понимал ее ценность и сообщил о своей находке научным сотрудникам Музея имени Рублева... Сохранились кинокадры — Кириков раскрывает миниатюрные клейма иконы. Работая всю жизнь без очков, он на сей раз взял увеличительное стекло: живопись требовала исключительной осторожности, тщательности. На этих клеймах нашли отражение события не только из монастырской жизни, но и из жизни крестьян, ремесленников, воинов. Они рубят лес, возводят здания, отражают штурм монастыря. Мы видим узоры парчовых одежд, отделку книжных окладов, даже огонь в кадильнице — яркое пятнышко, которое едва можно рассмотреть.

Реставрация привлекала Василия Осиповича возможностью войти в творческий мир древних мастеров, проследить весь процесс создания иконы, оценить приемы письма. Он всегда чувствовал художника, мысленно устанавливал с ним контакт, искал в нем сотоварища, и это помогало ему увидеть сокровенные особенности живописной манеры.

Желание попробовать свои силы в живописи проявилось у Кирикова задолго до Великой Отечественной войны. Он начал с миниатюр на сюжеты сказок Пушкина и с композиции «Куликовская битва». На фронте, в свободное от боев время, рисовал портреты товарищей. Но не портрет стал ведущим в его творчестве. Кирикова привлекает пейзажная живопись, созвучная его лирической натуре.

Естественно, многие картины посвятил он родной Мстере. Часто и много изображал он весну, передавал тонкие переливы зелени, кружево листьев, прозрачность светлого весеннего неба. Он писал масляными красками настолько тонко, что пейзажи его кажутся исполненными акварелью.

Давно, еще в двадцатые годы, Василий Осипович поставил перед собой задачу овладеть искусством копирования. Эта работа научила его многое видеть и понимать в творчестве старых мастеров. Копирование было для него ступенью познания, изучения мастерства. В копии Троицы Андрея Рублева он повторил весь процесс работы древнерусского живописца — от обработки досок до тонкой передачи ляпис-лазурью знаменитого, ни с чем не сравнимого рублевского сине-голубого цвета, так называемого голубца. Даже все изъяны, вплоть до следов от гвоздей, которыми некогда прибивались оклады, изобразил художник, добившись поразительного сходства с подлинником.

Увлеченный живописью Рублева, восхищенный ее совершенством, Василий Осипович создает знаменитый триптих «Житие Андрея Рублева». Перед нами проходит жизнь великого живописца от рождения и до смерти в Андрониковом монастыре... Создание икон для Благовещенского собора Московского Кремля... Рублев во Владимире со своими другом Даниилом Черным... Работа над Звенигородским чином... Рублев в Троице-Сергиевом монастыре... Наконец, Рублев, пишущий образ Нерукотворного Спаса... На обороте триптиха Кириков написал свое посвящение Андрею Рублеву.

Последние годы Кирикова связаны с Третьяковской галереей, где он вел реставрацию произведений древнерусской живописи и передавал свой опыт, свои знания молодым. Всегда быстрый, собранный, он часто в утренние часы, до открытия галереи, обходил торопливой походкой залы древнерусского искусства. Его взгляд останавливался на каждом произведении, отыскивая мельчайшие повреждения. Удивительно спокойный, уравновешенный человек, Василий Осипович становился непримиримым, когда обнаруживалась небрежность, халатность. Тогда уж никому не было пощады. В галерее помнят, как Кириков заметил едва видные «больные» места на рублевском Звенигородском Спасе. Икона немедленно была положена на стол реставратора.

То, что сделано Кириковым, сделано с исключительным мастерством и гражданской самоотверженностью. И жаль, что в наших музеях на этикетках, сообщающих имена авторов произведений и время их создания, не упомянуты мастера, которые причастны ко второму рождению этих произведений. Имена их надо знать, о них надо помнить.

Первопроходцы

Шел 1923 год, шестой год Великого Октября. Но для Крыма, в частности для Севастополя, это был лишь третий год Советской власти.

Севастополь — сравнительно небольшой тогда город, насчитывал немногим более ста тысяч человек. А религиозных организаций в нем было немало: православных храмов — более десятка, два мужских монастыря — Георгиевский в районе мыса Фиолент и Херсонесский, три синагоги, несколько мусульманских мечетей, армяно-григорианская церковь, караимская кенасса, католический костел, лютеранская кирха, молитвенные дома баптистов и евангельских христиан (тогда эти секты существовали раздельно).

Духовенство в ту пору отличалось фанатизмом, враждебно относилось к Советской власти, устраивало крестные ходы, «обновление» икон, демонстрации «нетленных» мощей...

В этой-то обстановке произошло событие, по тем временам совершенно небывалое. В Клубе Красной Армии и Флота имени лейтенанта Шмидта организовали большую антирелигиозную выставку. В огромных залах и вестибюлях фешенебельного дворца бывшего офицерского Морского собрания были выставлены сотни экспонатов: муляжи, картины, рисунки, плакаты. И все это на высоком художественном уровне. В оформлении принимал участие замечательный художник Николай Семенович Самокиш, живший тогда в Крыму.

Первый раздел выставки устроители посвятили возникновению религии. Муляжи-макеты из папье-маше, картины и рисунки изображали первобытных людей, ритуальные пляски у костров, кровавые жертвоприношения, распростертые перед идолами тела.

Обширная экспозиция о происхождении христианства разъясняла, как оно заимствовало из других, более древних религий поклонение кресту, мифы о непорочном зачатии, о смерти и воскресении Христа.

Раздел выставки об истории православия в России показывал, как оно служило царскому самодержавию, как проклинало Пугачева и декабристов.

А уж как ярко — в карикатурах, рисунках, фотографиях, газетных вырезках — было показано участие церковников в подавлении революции 1905—1907 годов, их сопротивление Великому Октябрю, участие духовенства в гражданской войне на стороне белых!

Был представлен и Ленинский декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Насколько я помню, при всей остроте поднятых вопросов, на выставке не было ничего грубого, что могло бы оскорбить верующих, оттолкнуть их.

Месяца два-три Клуб имени Шмидта буквально ломился от наплыва людей. Вход, конечно, был свободный.

Многие проводили там по нескольку часов, задерживаясь в глубоком раздумье у особо поразивших их экспонатов. Многие приходили повторно. В залах то и дело вспыхивали споры. Находились и фанатики-кликуши, которые исступленно выкрикивали проклятия в адрес устроителей выставки. Но подавляющее большинство отнеслось к выставке с огромным интересом и сочувствием

Меня же эта выставка сделала на всю жизнь активным атеистом. И, думаю, я был не одинок.

Я считаю, что устроители выставки совершили тогда настоящий подвиг. Ведь изданные после Октября 1917 года антирелигиозные книги можно было пересчитать на пальцах одной руки, а из периодики выходил только журнал «Революция и церковь».

Отыскать бы имена тех людей и следы той замечательной выставки!..

Д. БРАУДЕ,
бывший председатель Союза воинствующих безбожников г. Горького

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

● Нечерноземье сейчас — огромная Всесоюзная стройка. Здесь претворяется в жизнь комплексная программа преобразования сельского хозяйства обширной зоны Российской Федерации. Успехи, достигнутые в ходе этой работы, значительны. «И все же, — как отмечал в докладе на июльском Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, — работа по подъему Нечерноземья еще не получила того размаха и той деловитости, которые необходимы для успешного решения поставленных задач».

● На Пленуме были высказаны критические замечания в адрес тех областей, которые снизили прирост продукции. Сейчас прилагаются все силы, чтобы выполнить планы, достичь намеченных рубежей. И как у нас повелось, в любом важном и трудном деле в первые ряды встает наша молодежь.

● Подъем Нечерноземья — это прежде всего напряженный труд. Вот почему столь важное значение приобретает ныне идейно-политическое, трудовое и нравственное воспитание.

● На страницах этого номера журнала мы рассказываем о том, как ведется такая работа в Мценском районе Орловской области.

Н. ЮДИН,
секретарь Мценского горкома КПСС

ДИАЛЕКТИКА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Встречаясь во время командировок со своими знакомыми — людьми, подчас весьма далекими от жизни современной деревни, я часто слышу: ну как там село? Ничего, отвечаю привычно, хорошо, а про себя улыбаюсь: кто поверит, что сам каждое утро переступаю с тем же порог кабинета. Но если серьезно, — замечу, что в вопросе этом, как на лакмусовой бумажке, обнаруживаю появившийся в последние два десятилетия явно повышенный интерес к реальной жизни села и его проблемам.

Так что же изменилось в отношении к деревне? И почему именно сегодня эта проблема стала общественно жгучей? Ответ подсказывает прежде всего характер нынешнего этапа развития социалистического общества — этапа зрелого социализма, требующего не только интенсивного, но и гармоничного развития экономики. А характер этот таков, что отставание села, по сравнению с резко вырвавшимся вперед промышленным производством, может стать тормозом, сдерживающим темпы нашего продвижения по пути коммунистического строительства. Вот почему деревня оказалась сегодня фактором социально и экономически значимым, а забота о ней, ее нуждах — актуальнейшей общественной потребностью.

Итак, сама жизнь настоятельно потребовала кардинального решения одной из самых сложных проблем, доставшихся в наследство социализму. И партия четко показала пути ее решения. Как отмечал в своем докладе на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, «главная задача, которую мы ставим перед сельским хозяйством, — добиться всестороннего, динамичного развития всех его отраслей, надежного снабжения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем с таким расчетом, чтобы рост их производства обеспечивал дальнейшее значительное повышение уровня жизни народа».

Замечу сразу: для нас, коммунистов, эта проблема не только экономическая. Оценивая на XXV съезде КПСС прошедшее 60-летие, партия подчеркнула, что одним из главных его итогов явилось формирование нового человека. Этот вывод в полной мере относится и к сельскому труженику — активному участнику событий, в сумме составляющих то, что мы называем историей социализма. А она, наша история, — не только рассказ о тех громадных изменениях, которые произошли в экономике страны. Это прежде всего впечатляющая эпопея коренных изменений в мироощущении людей, эпопея становления общества, в котором экономика — лишь необходимое средство для достижения главной цели: полного благосостояния и гармоничного развития каждого члена общества.

Сейчас уже неловко и говорить, что жизнь сегодняшнего крестьянина имеет мало общего с дореволюционной. Ведь даже по сравнению с 1966 годом, когда на основе решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС были расширены права колхозов и введена гарантированная оплата колхозникам, заметны резкие перемены — как в характере и содержании сельскохозяйственного труда, так и в уровне благосостояния сельского труженика.

В общем, жизнь меняется буквально на глазах, и люди видят это. «Раньше было много недостатков, — услышал я однажды от одного из ветеранов колхоза «Путь к коммунизму».* — Многого не хватало. А теперь деревня сравнивается с городом. Сегодня наша жизнь не нравится лишь тем, кто не любит работать, кто чурается звания хлебороба. А я за 50 лет не помню такой жизни. Живи и радуйся и у людей учись».

Сначала я записал эти слова для того, чтобы привести их на собрании актива в качестве доказательства того неоспоримого факта, как изменилось село за последнее десятилетие. А потом понял иное. Разве не любопытно, например, что изживание недостатков связывается с проникновением в село городского образа жизни? А ведь это факт огромного социального значения, особенно если вспомнить ставший чуть ли не нарицательным «замшелый крестьянский консерватизм».

Чтобы понять всю глубину происшедших в сознании крестьян изменений и одновременно — меру влияния «дедовского» мышления на психологию современного сельского труженика, оставим на время наш индустриальный век и мысленно перенесемся в не столь давнее прошлое.

Консерватизм крестьянского мышления, который так часто и не без оснований поминают все исследователи этой проблемы, равно как и его система ценностей, естественным образом вытекали из самого характера сельского труда. Во все времена главным и единственным источником существования крестьянской семьи была земля. «Мать-кормилица» — так и воспринималась она живущими на ней людьми. Земледелие требовало от них, обремененных поборами и повинностями, отдачи всех физических сил и смекалки. И эта самоотверженность в служении земле в конце концов стала в глазах крестьянина нравственным критерием личности. Любой другой род занятий казался ему делом праздным, а городской образ жизни нес прямую угрозу столетиями формировавшемуся нравственному идеалу. Короче говоря, все, что не имело прямого отношения к земледельческому труду, было для крестьянина «от лукавого», а потому категорически отвергалось.

Революция поколебала основы этого деревенского кодекса. Октябрь сделал крестьянина хозяином своей земли, а труд его из подневольного — свободным; коллективизация доказала огромные преимущества артели, чем положила начало формированию отношений подлинного коллективизма; город нес знания, технику, культуру. И если многовековой опыт предков нашептывал крестьянину, что не следует изменять извечным принципам и установлениям, то жизнь, здравый смысл заставляли понимать все преимущества нового.

Трудно, конечно, во всех нюансах реконструировать процесс трансформации психологии деревенского жителя, но здесь важно, что сегодня он сам уже остро чувствует ту грань, которая отделяет его от прошлого. В этом легко убедиться, если попросить любого из пожилых колхозников рассказать о своей жизни.

Один из лучших наставников колхоза «Путь к коммунизму» — бригадир механизированного звена по выращиванию сахарной свеклы Иван Яковлевич Бабинцев.

В библиотеке сельского Дома культуры.

* О некоторых сторонах жизни этого колхоза рассказывают фотоснимки, сделанные нашим корреспондентом В. Евсеевым.

Неизменным, пожалуй, остался лишь нравственный идеал, который, как и исстари, отождествлен с понятиями «труд» и «земля». И соответственно, особым почетом на селе пользуются люди, чей труд получил общественное признание. Их у нас в районе немало: это и комбайнер колхоза «Новый путь» В. А. Камшилов, который ежегодно обмолачивает свыше 13 тысяч центнеров зерна; и оператор откормочного совхоза-комплекса «Мценский» А. И. Фомин, получающий от каждой головы более чем по килограмму ежесуточного привеса; и доярки П. В. Самофалова и М. С. Афонина, которые подошли к четырехтысячному рубежу надоя от каждой коровы, и многие другие.

Хочу обратить внимание на совпадение нравственного идеала на селе с главным нравственным критерием социализма: положение человека в обществе определяют его трудовые дела. И нетрудно понять, какой огромной социально-нравственной силой становится в условиях села общественное поощрение любого добросовестного работника, а тем более прославление лучших — будь то чествование передовиков или, скажем, беседа с учениками школ о трудовых успехах их родителей. Сама жизнь дала нам в руки одно из самых действенных моральных средств поощрения к труду широких масс колхозников. Причем, и это особенно важно, в качестве главного регулятора выступает само общественное мнение.

Разумеется, нельзя еще сказать, что моральные стимулы стали ведущими для сельского труженика. Но их удельный вес растет день ото дня. Особенно интенсивно развивается этот процесс после целой серии социально-экономических мероприятий, осуществленных партией за последние полтора десятилетия. Взять хотя бы совхоз имени И. С. Тургенева (в прошлом колхоз). Расположенный на неудобных, малоплодородных землях, он до 1966 года был одним из самых отсталых в районе. После перехода на гарантированную денежную оплату, соответствующую тарифным ставкам работников совхозов, это хозяйство значительно окрепло. А в итоге — резко возросла и роль моральных стимулов. Уже в следующем, 1967 году можно было услышать: «За последнее время дела в колхозе пошли лучше и работать стало интереснее». Вот мы часто говорим об огромной потенциальной силе социализма, в частности, в нравственной сфере. Но как известно, возможность не реализуется сама по себе. Задача как раз и состоит в том, чтобы, используя все имеющиеся в нашем распоряжении средства, сделать эту возможность повседневной реальностью.

Всего один пример. Как известно, до 1966 года главной формой оплаты в колхозах был трудодень, цена которого прояснялась лишь в конце года. Совершенствование же принципа материальной заинтересованности принесло крестьянину еще большую уверенность в завтрашнем дне, а с ней, естественно, окрепло и чувство хозяина собственной судьбы.

Немало сил отдает работе с молодежью депутат Воиновского сельсовета бригадир первой комплексной бригады кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Александра Егоровна Барановская.

Колхоз предоставил четырехкомнатную квартиру семье молодого механизатора Ивана Торгачева. На снимке — Иван Торгачев с женой Верой.

Но это чувство обладает не только огромной нравственной силой. Точнее, как истинно нравственное, оно неизбежно становится и более глубинным. Тысячелетия земледелец был зависим от капризов погоды: засуха, ураган, проливные дожди — все это могло свести на нет его тяжелый, зачастую непосильный труд. И не удивительно, что земледельческий цикл в конце концов оброс системой ритуальных обрядовых действий, став, по существу, непрерывным диалогом с богом: в борьбе со своим извечным врагом — стихией — крестьянин вынужден был звать на помощь сверхъестественные силы.

Октябрьская революция положила начало процессу духовного раскрепощения многомиллионной массы крестьян. Прежде всего тем, что сделала их активными строителями нового мира. И освободила от вековой нищеты и невежества. Однако в течение довольно-таки продолжительного времени крестьянин с большим трудом воспринимал радикализм новых для него идей, инстинктивно рассуждая, примерно так: ну, ладно, пусть бога нет, пусть я — высшее существо на свете, но ведь опять засуха свела на нет весь мой труд. И как бы мы ни доказывали, что польза, приносимая человечеству религией, похожа на пользу костыля: «Кто не нуждается в нем, тот лучше ходит», — чувства крестьянина требовали прежде всего аргументов откровенно материального свойства.

Решение этой проблемы нужно искать, разумеется, не только в конструкторских бюро и цехах промышленных предприятий, хотя их вклад дает возможность полностью механизировать сельскохозяйственный труд. Оно зависит и от того, какими темпами будет развиваться процесс приобщения колхозного крестьянства, особенно старшего поколения, к духовным ценностям.

Как известно, труд в общественном хозяйстве — хотя и основной, но не единственный источник материального благополучия сельского труженика. Немаловажна и роль личного хозяйст-

ва, влияние которого — в силу его социально-экономической противоречивости — на психологию колхозника далеко не однозначно. Не касаясь многочисленных аспектов этой проблемы, замечу лишь, что с одной стороны, оно — хозяйство товарное, то есть является источником дополнительной продукции для населения, а с другой — и источником личного обогащения.

Правда, и здесь в психологии крестьянина уже произошел определенный сдвиг: если, скажем, раньше у него было ярко выраженное желание копить добро «на всякий случай», то сегодня, если речь и идет о накоплении, то для того, чтобы потреблять — построить новый дом, купить автомашину или мотоцикл, мебель, одежду и т. д. Но в большинстве случаев нечто сугубо практическое, материальное. Я не раз бывал в таких семьях: дом, как говорится, полная чаша, а вот духовная жизнь небогата. И это, может быть, — одно из самых тяжелых наследий прошлого.

«Если правильно понятый интерес составляет принцип всей морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами», — писали основоположники марксизма в «Святом семействе». Какие же каналы мы можем сегодня использовать, чтобы решить эту важнейшую задачу? Более чем очевидно, что основные наши усилия должны быть направлены на нейтрализацию частнособственнических и накопительских настроений среди крестьянства. Ведь именно здесь деформируется принцип сочетания общественных и личных интересов, а значит, и ослабляется действие социалистического принципа коллективной материальной заинтересованности. Что же касается каналов, то уже сама терминология — «сочетание общественного и личного», «коллективный материальный интерес» — показывает, что наилучшим регулятором отношений подобного рода является, безусловно, производственный коллектив.

Коллективный труд уже сам по себе заставляет человека заботиться не только о собственном благополучии, но и о благе своих товарищей. Но многое, разумеется, зависит и от воспитательной работы, от силы влияния на коллектив партийной организации. Именно коммунисты, будучи примером добросовестного отношения к труду и общественному хозяйству, должны воспитывать у всех колхозников чувство ответственности за артельное производство, сплачивать их для решения общих задач и на этой основе вести непримиримую борьбу против любых проявлений эгоизма, индивидуализма и частнособственнических настроений. А руководители хозяйств, со своей стороны, должны, как это и записано в Конституции СССР, всячески помогать в обработке личных приусадебных участков, высвобождая таким образом руки колхозников для труда на благо общества.

Много внимания молодежи уделяет председатель колхоза Михаил Петрович Трактиров.

Пока родители на работе (в детском саду колхоза).

Что же касается проблемы формирования духовных потребностей, то здесь необходимо учитывать тот факт, что крестьянин оценивает все и вся прежде всего через свой кровный, личный интерес, а он, как известно, тесно связан с землей, с жизнью села. Проблема, следовательно, состоит в том, как в этих условиях психологически верно ориентировать идеологическую работу. Совершенно очевидна необходимость формировать духовный мир колхозника прежде всего через систему тех отраслей знания, которые имеют прямое или косвенное отношение к сельскому хозяйству. Не важно, что это — рассказ о достижениях науки и техники, цикл лекций об освоении Космоса, беседы о наиболее важных событиях внутриполитической жизни страны, обсуждение образа нашего современника в кино, в литературе или учебный курс в школе начальных знаний о природе, обществе и человеке, — главное, чтобы все происходящее в стране осознавалось сельским тружеником как касающееся его лично.

Но как бы ни была сложна проблема груза прошлого, тем не менее ее можно отнести к разряду уходящих. Фактически на селе уже прочно утвердился новый тип сельского труженика — активного, грамотного, обладающего достаточно высоким уровнем духовной культуры, активно включенного в трудовую и общественную жизнь. Я говорю прежде всего о механизаторе. И недаром июльский Пленум призвал усилить заботу о подготовке и воспитании специалистов среднего звена, особенно механизаторов, которым отводится особая роль в развитии сельскохозяйственного производства.

Процесс утверждения на селе нового человека-труженика протекал довольно быстро, поскольку его психологические истоки лежали, как это ни парадоксально, в той же традиционности крестьянского мышления, оценивающего все происходящее с позиции заземленной практичности: «лучше» или «хуже». Преимущества человека, владеющего техникой, очевидны: высокие заработки — раз; более легкий и, я бы сказал, более чистый, по сравнению с традиционным, труд — два; наконец — всеобщее уважение... Все это закономерно вызывало стремление получить одну из механизаторских специальностей. Так общественное мнение соединилось с государственной идеей о механизаторском всеобуче.

Сегодня престиж этой профес-

сии на селе очень высок. Но особенно в почете механизаторы широкого профиля, у кого агротехнические знания сочетаются с умением управлять самой современной сельскохозяйственной техникой. Это работа интересная, требующая инициативы. И не удивительно, что именно механизаторы более других удовлетворены своей работой — качество, которое в любом виде деятельности всегда рождало желание трудиться на совесть, в полную меру сил.

Уважительно на селе и отношение к труду агронома, зоотехника, ветеринара, других специалистов сельского хозяйства — в общем, ко всем, кто находится на ключевых, «умственных» участках производства. Так характер и содержание труда постепенно превращаются в фактор, помогающий колхозному крестьянству осознать свои далеко еще не использованные возможности.

Осуществить их люди, естественно, надеются прежде всего в детях. Но отнюдь не все из них стремятся остаться на селе. И это вызывает закономерную тревогу у родителей, о чем, в частности, говорят их ответы на вопрос социологов: «Что считаете самым важным для дальнейшего улучшения дел в колхозе?» Неизменно в числе первоочередных называлось сокращение ухода молодежи.

Проблема «молодого землепашца» — одна из самых сложных среди тех, что существуют у нас на сегодняшний день. Это вполне естественно, если учесть, какими мощными темпами идет ныне промышленное развитие района. В области он, пожалуй, один из самых индустриальных: только за 60-е годы в самом Мценске были построены или расширены заводы вторичных цветных металлов, алюминиевого литья, коммунального машиностроения и другие предприятия. Мощными темпами развивается и жилищное строительство: к концу 1977 года было сдано свыше 50 тысяч квадратных метров. Таких цифр мы еще не знали. Но все это потребовало огромного притока людей, и нет ничего удивительного, что с 1965 по 1975 год численность населения Мценска возросла почти вдвое. И половину прироста, естественно, дало село.

Но есть и факторы иного порядка... Лет 10 назад мы изучали причины, побуждающие молодых колхозников принять участие в социалистическом соревновании. И оказалось, что очень сильны моральные побуждения: желание не отставать от товарищей («совестно работать хуже других»), стремление завоевать почет и уважение окружающих, интерес к своей профессии, чувство ответственности за коллектив («плохо будешь работать — товарищей подведешь») и т. д. Естественно возникает вопрос: а чем мы стимулируем, как развиваем эти высокие нравственные побуждения?

Казалось бы, что может быть проще: зная точку приложения сил, найти соответствующие методы и средства. Но возьмем, к примеру, только один из этих стимулов — интерес к избранной профессии. Как известно, для большей части молодых людей он во многом определяется престижностью, главным критерием которой является общественное признание социальной значимости этого труда. А для сельской молодежи — особенно. И в качестве доказательства приведу ответ одного молодого человека на вопрос о том, что является целью его жизни: «Цель — работать так, чтобы приобрести уважение окружающих, чтобы больше пользы принести людям. И еще работать на такой работе, чтобы ценилась она не меньше, чем участие в строительстве плотин и в других комсомольских стройках». Но, положа руку на сердце, можем ли мы сказать, что сельскохозяйственный труд сегодня столь же престижен, как, скажем, труд инженера, летчика, врача или высококвалифицированного рабочего?

Правда, мы кое-что делаем в этом направлении. Трудно, например, переоценить значение той работы, которую проводят руководители колхозов и совхозов, партийные и комсомольские организации с выпускниками школ: рассказывают им о будущих профессиях, о перспективах роста, а оставшимся в родных местах не только помогают материально, но и дают возможность получить интересную специальность, продолжить свое образование.

И здесь нам, очевидно, следует обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство. Как известно, любой молодой человек, когда ему исполнилось 16 лет, может стать колхозником. Выбор и начало трудовой деятельности — важнейшее событие в жизни человека, а мы обязаны сделать его и памятным. И мне думается, что нужно самым срочным образом разработать и всячески популяризировать церемонию посвящения в колхозники. Причем в ней обязательно должен присутствовать ритуал торжественного вручения «Акта передачи земли на вечное пользование», который сейчас, как правило, пылится в шкафу правления. Это поможет молодому человеку, решившему отдать свои силы, энтузиазм, способности благороднейшему труду земледельца, не только мыслью, но и чувством осознать всю глубину принимаемой на себя ответственности за землю, хозяином которой он отныне становится.

Не сомневаюсь, это событие долго останется в памяти молодого человека. Не сомневаюсь потому, что вижу, насколько действенна эмоциональная сила обряда, на примере уже ставших у нас в районе традиционными посвящений в механизаторы, награждений званием лучшего по специальности, а также трудовых праздников, посвященных завершению сельскохозяйственных работ.

Проблема «молодежь и земля» — лишь одна из животрепещущих. Но и ее достаточно, чтобы понять, насколько насущно постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» — этой комплексной социально-экономической программы, осуществление которой в конечном итоге даст возможность максимально раскрыть все способности каждого сельского труженика. И этот же принцип — «все во имя человека, для блага человека» — мы положили в основу разработанного нами комплексного плана социально-экономического развития района на 1976—1980 годы.

Сейчас этот план успешно претворяется в жизнь. Активно про-

водятся специализация и концентрация производства в полеводстве и животноводстве. В частности, построены крупные высокомеханизированные молочные и овцеводческие комплексы в колхозах «Новый путь» и имени Горького, а также в совхозе «Алябьевский». А межхозяйственный комплекс по откорму крупного рогатого скота «Мценский» дает сегодня почти пятую часть всего производимого в районе мяса.

Сделан крупный шаг и в механизации уборки наиболее трудоемкой сельскохозяйственной культуры в районе — сахарной свеклы, высокими темпами осуществляется широкая программа сельского строительства, колхозы и совхозы получили большое количество новой техники и минеральных удобрений. И результат не замедлил сказаться: за последнее время в районе значительно возросло производство зерна, картофеля, мяса, молока и овощей.

Но главным действующим лицом комплексного плана развития района, конечно, был и остается сельский труженик. Стали выше наши экономические показатели — значит, и он стал жить лучше, построены новые объекты культуры — значит, жители села стали ближе к духовным ценностям, пришла новая техника — значит, десятки людей освободились от тяжелого ручного труда. Словом, каждый наш успех — еще один шаг на пути формирования человека — творца своей судьбы.

Разумеется, мы понимаем, что изменения в психологии происходят гораздо медленнее, чем в экономике. Поэтому планом социально-экономического развития района предусмотрена самая активная воспитательная работа (идейно-политическая, мировоззренческая, нравственная и т. п.), направленная, с одной стороны, на формирование ценностных установок, соответствующих характеру решаемых обществом задач, с другой — на противодействие всему, что не соответствует социалистическому образу жизни. Однако, подчеркиваю, степень эффективности этой работы во многом зависит от того, — в чем, собственно говоря, и состоит суть комплексного подхода, — насколько она подкреплена другими мерами.

Возьмем, к примеру, проблему религиозных традиций, обычаев и обрядов, то есть так называемой бытовой религиозности, пока еще знакомой орловской деревне. Только одна эта проблема требует претворения в жизнь целого комплекса мер.

Социологи, например, уже давно обратили внимание, что чем менее квалифицированной работой занят человек, тем с большей вероятностью искажено его представление о жизни. И наоборот, квалифицированный труд способствует формированию правильного, научного, взгляда. И это вполне закономерно. Квалифицированный труд невозможен без хорошей общеобразовательной подготовки, без знания техники и основ агробиологии. А закрепляемые в процессе работы, эти знания становятся и убеждением. Таким образом, нетрудно понять, что чем более индустриализован сельскохозяйственный труд, тем уже оказывается база воспроизводства религиозных предрассудков.

Или возьмем другую сторону религиозности — так называемую «верность традиции». Кстати, ссылки на нее довольно характерны для большинства верующих Средней России. И по той же причине, замечу, религиозные обычаи, особенно праздники, не осуждаются и общественным мнением села.

Я, очевидно, погрешу против истины, если стану уверять, что, скажем, православные праздники насильно навязаны крестьянину церковью. Они были просто искусно наложены на старославянский аграрно-праздничный календарь. И слились с ним, поскольку внерелигиозной альтернативы не существовало. Многовековье сделало эти праздники привычными, тем более что они, как правило, совпадают с окончанием или началом различных сельскохозяйственных работ. Этим, я думаю, и объясняется их живучесть. В селах Меркулово и Прудище, например, приходская церковь, поставленная в честь Иоанна Богослова, была упразднена еще в 1825 году. А тем не менее праздник в честь этого святого регулярно отмечается и поныне, то есть спустя полтора века.

В бытность свою директором Спасско-Лутовиновской средней школы я не раз наблюдал, как проходит празднование так называемого яблочного спаса. В каждом доме — человек по 10 приезжих. Гостей — как правило, это горожане, приехавшие на праздник к родственникам, — так много, что местных в общей массе не сразу углядишь. И люди едут сюда отнюдь не для удовлетворения своих религиозных потребностей: вот уже почти полвека, как в селе перестала действовать церковь. Едут на первые яблоки, в красивейшее место, воспетое Тургеневым, к радушным и гостеприимным хозяевам. Идиллия, не правда ли? Но повод-то ведь религиозный! И здесь нам, очевидно, нужно, подумать, как, сохранив главное — естественное желание людей встретиться со своими близкими и с природой, — сделать эту традицию сугубо мирской, истинно человеческой. В частности, почему бы не организовать в эти дни, скажем, тургеневские чтения? Ведь 22 августа — день смерти писателя — дата, хорошо известная его биографам.

Что же касается собственно воспитательной работы, то здесь мы стараемся использовать все имеющиеся в нашем распоряжении формы, методы и средства, при условии, конечно, что они естественным образом вплетены в реальную, социально-психологическую ткань жизни.

Но прежде всего в своей воспитательной работе мы исходим также из того, что перед нами — не объект идеологического воздействия, а личность, формирование которой происходит в каждодневной созидательной деятельности и в борьбе с... самим собой. (Кстати, только такой взгляд и дает возможность понять, почему человек порой отказывается принять, казалось, бы, бесспорное, а берет лишь то, что соответствует его представлению о жизни). Свою же задачу мы видим в том, чтобы найти и подсказать сельскому труженику наилучшие пути и средства, которые ведут к решению всего комплекса вопросов одной из сложнейших на сегодняшний день социальных проблем — уничтожения векового разрыва между городом и деревней.

Записал К. СТЕПИН

НЕ ГОСТЬ, А ХОЗЯИН

Н. КАЛИНИН

ОДНАЖДЫ я был свидетелем интересного разговора учителя сельской десятилетки со старым бригадиром, который переселялся из своего маленького опустевшего поселка на главную колхозную усадьбу.

— Знаешь, Михаил Павлыч, никогда не думал, что вот так все выйдет. Как оно на старости-то обживаться? — высказал наболевшее бригадир.

— Известное дело, штука не из приятных. Это, можно сказать, неправильно сросшуюся кость заново ломать. Молодым-то проще.

— А где они, твои молодые? Вон, все гуськом туда, один за другим, — бригадир махнул рукой в сторону города. — От сиськи оторвался — и побег. Их сюда агитируют, а они — туда.

— Да и городу они вот так нужны, — учитель черкнул рукой по горлу. — Там они баклуши не бьют. Ты загляни в газету: требуются, требуются, требуются...

— Ладно, все это ты, может, и правильно говоришь, — условно согласился бригадир. — А вот скажи мне: наши в город мчатся, бросают землю, а городские пачками едут на поля, изводят рабочее время — это как по-твоему?

— Согласен, непорядок. Но вечно не будет же так продолжаться. Ученые-то над машинами работают, социологи, экономисты тоже мозгами шевелят, над эффективностью всерьез задумались. Один двоих заменит — решится вопрос. Вон, Мураевка — кто оттуда уехал?

— В Мураевке Артюхов — один за целую сотню.

— Тем более. Вот тебе и ресурсы... Так что нечего тужить, старина.

Да, проблема механизаторских кадров на селе сейчас самая, самая... Городских, как бы там ни было, хозяевами на земле колхозной не назовешь, они здесь люди временные. Самый верный путь — готовить специалистов из молодежи, готовить так, чтобы они, как выразился бригадир, не бежали гуськом в город.

Хорошим поставщиком механизаторских кадров стали сельские профтехучилища. Тут надо искать главные резервы. В Мценске есть среднее профтехучилище СПТУ-14 — одно из лучших в области. Не так давно здесь едва набирали две неполные группы механизаторов, и мастера производственного обучения, преподаватели поговаривали, что интерес молодежи к этой профессии упал, а если так будет продолжаться и дальше, как бы не пришлось закрывать учебное заведение.

Однако после выхода постановления ЦК КПСС о перестройке системы профессионально-технического обучения возросло внимание к профтехучилищам, изменилось и отношение к ним. Как результат — потянулись юноши в училища, причем многие со средним образованием. Сейчас в Мценском СПТУ-14 на трех курсах 10 полных механизаторских групп, а всего на дневном и вечернем отделениях учатся более 400 человек. И каждый, с кем пришлось мне разговаривать, имел самые серьезные намерения насчет будущей работы. Да что там разговор! Об отношении учащихся к своей профессии говорят их дела. Многие ребята с первого и второго курсов уже имеют поощрения за ударный труд на полях, а некоторые получили награды. Разумеется, при этом прежде всего сказались трудовые навыки, заложенные еще в школе, воспитание в семье, собственные наблюдения за жизнью в колхозе.

Иван Будкин пришел в СПТУ-14 в 1975 году из колхоза имени Горького. Шел ему тогда 17-й год. Обычный парень, каких в училище немало. «Но что бросалось в глаза, — говорит мастер производственного обучения И. А. Волобуев, — так это его сознательное отношение к труду, привычка доводить любое начатое дело до конца». И скоро выяснилось, что многое Иван перенял от отца, Василия Ивановича, который работает в этом же колхозе механизатором. Известное дело, ребятишки — народ дотошный и любознательный. Иван с малых лет бегал к отцу на трактор. Все, как обычно: восхищался, приглядывался, трогал рычаги, помогал шприцевать узлы в машине и т. д. Позже самостоятельно делал первые загоны, случалось, подменял отца.

Проучившись в училище год, Иван возмужал. А летом в родном колхозе попросил жатку, отремонтировал ее и начал косить хлеба. Скосил 860 гектаров — это заметный показатель на Орловщине. И медаль «За трудовую доблесть» стала ему достойной наградой.

— А отец, как он тебе помогал? — вот первое, что спрашиваю у Ивана Будкина.

— Отец? — переспрашивает тот. — Он сам на комбайне был, и его в это время видел редко. Если погода хорошая, я в поле дотемна. Прихожу — отец уже спит. Ухожу раньше его.

— Ну, а вообще-то, интересовался? — все еще рассчитываю хоть на какой-нибудь положительный ответ, чтобы заполнить очередную клеточку своей схемы.

— Да нет, — пожимает Иван плечами. — Чего ему особо-то интересоваться?

Только тут ловлю себя на мысли: как быстро мы привыкаем к шаблону. Дескать, отец постоянно контролировал сына, опекал, наставлял на путь истинный. И вот результат. А оказалось все много проще. Отец привил сыну в детстве умение работать добросовестно. И сейчас был спокоен за него.

Год назад Мценское сельское профтехучилище справило новоселье. Два учебных корпуса, благоустроенное общежитие, жилой дом для работников, светлые мастерские, гаражи — все здесь добротно, обстоятельно. Возросла и культура учащихся. Успехи в спорте, художественной самодеятельности, техническом творчестве получили признание за пределами области. Но, пожалуй, самая давняя и приятная традиция — приглашать в училище передовиков сельского производства.

За несколько дней до нашей беседы с Иваном Будкиным здесь прошла встреча с бывшим выпускником, знатным на Орловщине комбайнером В. С. Камшиловым. И узнал я о ней случайно, от самого Ивана.

— Пересяду летом на «Колос», на СК-6, — сказал Иван.

— А почему непременно на «Колос»?

— Я его знаю, хорошая машина. На той неделе был у нас Камшилов, он на «Колосе» работает.

Кажется, мне стал понятен Иванов прицел на нынешний сезон, но все-таки я не удержался, попытал:

— А почему бы не наступить ему на пятки?

Иван застеснялся так, словно все узнали про тайну, которая еще не успела до конца обжиться в его сознании.

— С ним тяжеловато тягаться ,у него все условия: и техническое обслуживание, и отвоз зерна вовремя, и поля другие.

Потом, помолчав, подвел итог:

— Ладно, там видно будет.

Мне подумалось, что таких парней, уверенных в своих силах, в училище немало, что у каждого из них обязательно есть свой пример для подражания, есть свой кумир, на которого они равняются, но которого надеются и обойти.

Мастер группы Волобуев назвал нескольких ребят, достойных того, чтобы о каждом из них рассказать отдельно. Товарищ Будкина Александр Ушаков живет в совхозе «Тельченский», тоже сын механизатора. Как и Иван, Саша с детства влюблен в технику. В первый год учебы начинал работать на комбайне «Нива» в паре с отцом, Сергеем Яковлевичем, потом, когда тот уехал по неотложным делам, остался один и неплохо закончил уборку. А уже в прошлом году Саша работал самостоятельно, если не считать помощи младшего брата семиклассника Павлуши, и был награжден значком «Победитель социалистического соревнования».

...Многое изменилось в училище за последние пять лет: и техническая база, и учебно-производственный процесс, и педагогический коллектив — здесь мастера и преподаватели в большинстве своем с высшим образованием. Иными стали и формы работы с учащимися. Сейчас новичок, поступивший в училище, с первых же дней чувствует всю ответственность, которая на него возглагается.

Начало всех начал — посвящение в рабочие. В торжественной обстановке в городском парке Героев ребята присягают на верность рабочим идеалам, и этот день для многих из них становится отправным в их трудовой жизни. А сколько таких памятных дней будет за три года учебы! На всю жизнь запоминаются ставшие традиционными вечера «Забота у нас такая», встречи с Героями Социалистического Труда, ветеранами войны, старыми коммунистами, знатными рабочими и колхозниками. Ведь именно одна из таких встреч и зажгла страстным огоньком Ивана Будкина, навела на мысль пересесть на другую уборочную машину, чтобы на равных работать с самыми передовыми. А все это вместе взятое (от торжественной встречи в училище до последнего, выпускного дня) воспитывает у человека сознательное отношение к труду, гордость за свою профессию, стремление быть среди лучших, сознание того, что ты на земле живешь для добрых дел.

Стремление быть среди лучших поддерживается духом соревнования в колхозах и совхозах. Теперь в пору полевых работ в каждом хозяйстве можно увидеть флаг трудовой славы и честь самого лучшего. Подводятся итоги и среди молодых механизаторов. А завершается соревнование в масштабах района первенством пахарей, где они состязаются на одном поле — и ветеран, и начинающий. И ни у кого, наверное, не вызвала удивления победа третьекурсника СПТУ-14 Николая Гриценко в последнем первенстве Мценского района (кстати сказать, молодые всегда отличались в таких первенствах). Свой успех Николай повторил и в областном соревновании.

Выпускники училища — это первый резерв механизаторских сельских кадров. Забота о них и строгий спрос непременно дадут свои плоды.

Беспокоит только одно. Сотни ребят выпущены из стен училища, но далеко не все они остались в родных колхозах и совхозах. Не в каждом хозяйстве тепло, по-отцовски встречали даже тех, кого направляли на учебу. Порой не было доверия и внимания, давали разбитую технику и уж, конечно, ни о каком шефстве старших не было и речи. Приведут выпускника к старому трактору: покажи, мол, свое лицо, собери и выезжай в поле. Повозится парень неделю-другую около убогой машины, наслушается шуток, а то и откровенной грубости вместо помощи — и уходит слесарничать на завод или в автохозяйство. «Ну и работничков нам прислали», — скажут ему вслед. И ждут «готовых» механизаторов из города, тех самых, которых шефы присылают из года в год на прорыв. Получается круговорот: свои — в город, городские — в село.

Конечно, забота о молодом механизаторе — дело сложное, требует затрат и усилий. Да еще неизвестно, каков будет работник. А если бы со вниманием, так, как учили отцы Ивана Будкина, Александра Ушакова, Геннадия Левшина и других? Сколько Камшиловых было бы на мценской земле! Один заменил бы пятерых приезжих, каждый из которых обходится в копеечку прежде всего предприятию, достойно заменил, потому что он не гость на земле, а хозяин. И наоборот, где с пониманием относятся к молодым, где оказывают им всяческую помощь и поддержку, там вопрос о механизаторских кадрах на повестке дня не стоит. Примеры того есть уже сейчас на нашей мценской земле.

...В восьми километрах от Мценска, на трассе Москва — Симферополь, расположен совхоз «Мценский». Крепкое хозяйство, специализирующееся на откорме скота и на выращивании продуктов полеводства. Это единственное хозяйство в районе, которое обходится без помощи горожан. Из 32 тракторов здесь ни одной машины без хозяина. Совмещение профессий, взаимозаменяемость — основа успеха технических кадров в полевых работах. В горячую пору весеннего сева и комбайнеры и шоферы идут на помощь трактористам, в уборочную страду все внимание — комбайнерам.

Забота о постоянном пополнении механизаторских кадров за счет молодежи — это линия дирекции и общественных организаций совхоза. Несмотря на полный «комплект» механизаторов хозяйство за последние два года направило в СПТУ-14

шестерых ребят, закончивших восьмилетку, и выплачивает им солидную стипендию.

— На этом наши заботы не кончаются, — рассказывает директор совхоза Михаил Иванович Мальцев. — Мы поддерживаем постоянную связь с училищем. Ребятам даем хорошую технику и во время практики, и по окончании училища, чтобы у них на первых порах не создалось превратное представление о труде механизатора. Торжественно провожаем в армию. Ну и стараемся достойно встретить со службы. Если женится, — хлопочем о квартире. У нас два 16-квартирных дома, строим еще...

Директор называет молодых трактористов Василия Плешивцева, Виктора Кузнецова, Александра Бирюлина, Николая Корягина, Владимира Федотова, Владимира Бирюлина и других, которые вернулись со службы и не изменили своей профессии. И все они работают на совесть. Как хозяева на своей земле.

Правда о Синем колодце

А. МАКАШОВ, краевед

СРАЗУ за околицей небольшой деревушки Дубовой начинается лес. С незапамятных времен называют его Синим. В лесу — колодец. В округе он пользуется исключительной славой. За хрустальной чистоты воду, ее удивительный вкус, необычную мощь студеных ключей. Специалисты прикинули: один этот источник может обеспечить отличной питьевой водой поселок с 25-тысячным населением.

Синий колодец издавна известен своей «чудодейственной» силой. Сюда шли и ехали больные и убогие, чтобы исцелиться от недугов: окунувшись в студеную воду, слепые якобы становились зрячими, а те, кто от рождения не говорил, начинали распевать песни. Но особенно популярным был рассказ об одной полтавской крестьянке, не ходившей более полувека. Окатив себя водой из Синего колодца, она так резво побежала в лес, что люди не смогли ее догнать.

Удивительно ли, что еще в XVIII веке подле колодца появились часовня и пещера? Просуществовали они вплоть до начала 40-х годов нынешнего века. Вконец разрушили их лишь годы и война, но и после нее, добрых два десятка лет еще шли к колодцу люди...

После революции, когда пришла новая жизнь, Синий колодец стал терять свою былую притягательную силу. Казалось, еще год-другой и его история станет лишь вызывающей улыбку сказкой. Но грянула война, огненным смерчем прокатилась по здешним местам.

Яков Иванович Чухонцев родился в здешней округе, неподалеку от Дубовой. Он отважно дрался с врагами Родины на поле брани, а после Победы вернулся домой. В дни, когда партия мобилизовала 30 тысяч своих лучших представителей для работы в колхозах и совхозах, он был секретарем Тельченского райкома партии. Одним из первых откликнулся на призыв — стал председателем колхоза «Коммунар». В хозяйство входила и Дубовая. Вспоминаю одну из своих встреч с Яковом Ивановичем. Было это в 1957 году. Тогда я впервые приехал в «Коммунар», и мы проехали по бригадам. Как водится в таких случаях, заговорили о житье-бытье, о трудностях, с которыми приходится сталкиваться председателю.

— Их много, — рассказывал Яков Иванович. — Недостает техники. Мало получаем минеральных удобрений. Непочатый край дел на фермах. Да вот еще: меня и всех коммунистов очень волнует Синий колодец... Трудная жизнь была после войны. Хлеба собирали мало. Болезни сопутствовали недоеданию, врачей не хватало. Кликуши нашептывали: надо молиться, идти к святому колодцу. Там, мол, в молитвах можно обрести покой, которого так хотелось измученным, исстрадавшимся людям. И потянулись вереницы людей к Синему колодцу. И сегодня в престольные праздники собирается в Синем лесу еще немало людей. Зачастую в ущерб работе... Не обходилось и без курьезов. Ехал как-то в уборочную страду один из руководителей района на «газике». Видит, идет в ту же сторону старушка. Остановился, посадил ее в машину, довез до Дубовой. Старушка поблагодарила и засеменила к лесу. Немного проехал, — механизатор останавливает. Показывает деталь: надо срочно в МТС отвезти, комбайн стоит.

— Не по пути, — объясняет ему товарищ, — что-нибудь другое надо тебе придумать...

— Конечно, — с обидой говорит комбайнер, — богомолок к Синему подвозить время есть, а комбайн — пусть стоит...

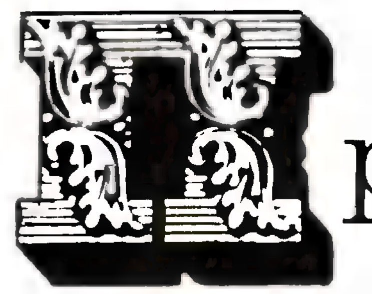
Об этом случае на партийной конференции рассказывали. Зал хохочет, а мне не по себе. Поверьте: ночами не спал, думал об этом колодце...

Шли годы. На базе колхозов имени Ленина, Воейкова и «Коммунар» был создан крупнейший в районе совхоз «Тельченский». Его директором стал Яков Иванович Чухонцев. К тому времени в Тельчье уже работала новая больница — со стационаром и амбулаторией. Врачи Зинаида Семеновна и Николай Иванович Мосаловы не одну беседу провели с теми, кто пытался прибегнуть к помощи Синего колодца. Со временем в селе стал работать постоянный лекторий общества «Знание». С лекциями выступали учителя, медицинские работники, специалисты сельского хозяйства.

Сейчас в селе три школы, больница, магазины, аптека, Дом пионеров. Вот-вот откроется музыкальная школа. Вечерами яркие электрические зори заливают село. Долго не гаснет свет в Доме культуры, сельской библиотеке. Встали современные многоэтажные дома. Открыли интернат для престарелых и инвалидов. Здесь хорошее питание, необходимое медицинское обслуживание, библиотека.

Ну, а что же Синий колодец? Его вода по-прежнему холодна и приятна на вкус, и ей всегда рады те, кто жарким днем оказался в Синем лесу. Вот только забыли сюда дорогу паломники: не выдержала легенда испытания хорошей жизнью.

В. ЕВСЕЕВ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

Прошлое рядом с будущим

Вам предстоит большая обязанность перед самим собою: Вы должны себя *делать, человека из себя делать... Думайте меньше о своей личности, о своих страданиях и радостях; глядите на нее пока как на форму, которую должно наполнить добрым и дельным содержанием; трудитесь, учитесь, сейте семена: они взойдут в свое время и в своем месте.*

Из письма И. С. Тургенева поэту А. Н. Апухтину.

Музей-усадьба И. С. Тургенева Спасское-Лутовиново.

Фото В. Евсеева.

За Мценском, на трассе Москва — Симферополь, установлен большой щит: «Спасское-Лутовиново. 6 км». Всего десять минут идет отсюда автобус по крутояру до места, которым гордится Россия, — усадьбы Ивана Сергеевича Тургенева, огромного заповедного парка, в тени которого различим воздушный полукруг одноэтажного дома с мезонином.

Дом будто замер за оградой старого парка с прудом, застыл в своей музейной величавости. Иной век, иные герои — кажется, что может связывать их, столетних, с нами, сегодняшними, устремленными в завтра?..

■ В небольшом кабинете директора Спасско-Лутовиновской средней школы И. Е. Ивлева мы ведем неторопливый разговор о ее задачах, проблемах и, конечно, традициях. «Наша школа, — говорит Ивлев, — носит имя Ивана Сергеевича Тургенева. И это не просто дань уважения нашему великому соотечественнику, это и знак благодарности...»

«Невозможно допустить, чтобы в моем имении, в имении человека, который обязан всем своим значением перу, существовала плохая и неудовлетворительная школа», — писал в свое время Тургенев. И на свои средства построил рядом с усадьбой школу — добротно рубленную избу с двускатной крышей и широкими резными окнами. За парты усаживались 30 мальчиков и девочек. Первым учителем у них был бывший дворовый человек Тургеневых П. М. Серебряков — незаурядный педагог-самородок.

Писатель ревностно относился к своему детищу: выплачивал учителям жалованье, покупал учебники и школьные принадлежности. Приезжая в имение, обязательно приходил сюда, подолгу беседовал с ребятишками, радовался их успехам. И очень огорчался, если узнавал, что те не всегда посещают школу. Неза-

долго до смерти Иван Сергеевич писал крестьянам Спасского: «...По слухам, ваши дети мало посещают школу. Помните, что в наше время безграмотный человек то же, что слепой или безрукий».

После смерти писателя его наследники не захотели содержать школу. Она была закрыта. Казалось, мечте Тургенева — «школа в Спасском не должна быть только подобием школы — надлежит поставить ее на высокую точку» — так и не суждено было сбыться. Но вскоре усилиями земства школа открывается вновь — в

Идет Ленинский зачет.

другом конце села под нее было отведено каменное здание.

Здесь работали хорошие учителя. По мере своих сил они стремились обучить детей грамоте. Но школу заканчивали немногие: в своих детях родители видели прежде всего помощников в каждодневном тяжелом труде. В полной мере мечта Тургенева смогла осуществиться только после революции. Сначала в обновленном здании дети оканчивали семилетку, а с 1937 года — уже среднюю школу.

1941 год принес жителям села все ужасы оккупации. Из 100 домов Спасского-Лутовинова уцелели только пять. Около 200 воспитанников и учителей школы не дожили до Победы. Но люди вновь подняли ее из пепла.

...В школьной библиотеке — архив стенных газет, выпущенных в разные годы и к разным датам. Но есть и тематические. Знакомство с одной из них — «Юный историк» — привело меня в исторический кружок, которым руководит Валентина Михайловна Оленичева. Кружковцы ведут большую поисковую и краеведческую работу — пишут историю совхоза (в прошлом — колхоза) имени И. С. Тургенева. «Нельзя понять и оценить настоящее, не зная прошлого», — таков девиз членов кружка. Основная их работа направлена на поиск материалов о Великой Отечественной войне. Ведь орловская земля была мес-

Частые гости в музее — ученики Спасско-Лутовиновской школы. С большим интересом слушают они рассказ заведующего филиалом музея И. С. Тургенева Бориса Викторовича Богданова.

том одного из величайших сражений Великой Отечественной войны — Орловско-Курской битвы. Освобождали Мценский район и село Спасское-Лутовиново и бойцы 283-й и 287-й стрелковых дивизий.

Ежегодно десять экспедиционных отрядов отправляются в походы по местам жестоких боев. В зоне пионерского поиска — Спасское-Лутовиново, Большая Каменка, Верхняя Зароща, Меркулово, поселок Красный Октябрь. Во время походов ребята приводят в порядок братские могилы, собирают материалы для школьного музея. И всегда вместе с ними Иван Иванович Молоканов — комсомолец 30-х годов — и Иван Николаевич Фатеев — первый избач села.

«Мы, ветераны войны, выражаем глубокую благодарность за заботу по уходу за братскими могилами погибших воинов.

Мусакин Леонид Борисович».

«Мы, первогвардейцы, сражаясь за свободу вашего края, положили немало жизней, пролили много крови. И хочется сказать... наши сердца спокойны — вы оправдали наши жертвы. Молодцы! Хочется, чтобы молодое поколение тургеневцев было достойно не только своих дедов и отцов, но и тех людей, которые отдали свои жизни за счастье Мценского края.

М. Лавров, г. Новороссийск».

«Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится».

Первые два высказывания я выписал из школьного альбома. Их написали участники освобождения мценской земли, побывавшие в гостях у школьников Спасского-Лутовинова. Последнее — из романа «Рудин». Столетие лежит между ними. А связь неразрывна.

Лучший в дружине пионерский отряд носит имя выпускника школы Героя Советского Союза Федора Трофимовича Донкова. Учительница начальных классов Ефросинья Васильевна Ржевцева хорошо знала Федю в детстве. Вместе с ним вступила в первый пионерский отряд, который создала здесь в 1929 году комсомолка Аня Косова.

Федя Донков был первым помощником боевой вожатой. После школы, как и многие, он пошел в ФЗУ, потом — на завод. Стал кадровым военным, танкистом. И когда на страну напали фашисты, встретил врага в боевой

машине. Был неоднократно ранен и снова возвращался в строй. Под молдавским городом Бельцы «тридцатьчетверка» комбата Донкова уничтожила несколько вражеских танков и противотанковых пушек, автомашин с живой силой. За участие в освобождении города Бельцы Федору Трофимовичу Донкову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Свой последний бой отважный комбат провел, освобождая еще одно молдавское село — Пырлицы. В ожесточенном бою танк героя был подбит. Он пересел в другую машину, но подожжен был и этот танк. Горящая машина вела огонь до последнего снаряда. «Погибаю, но не сдаюсь!..» — услышали по рации танкисты слова своего командира.

«Мы учились у него выдержке, смелости, уверенности в победе», — писал ребятам бывший член экипажа Б. В. Мажеев, удостоенный вместе со своим командиром звания Героя... Героем Советского Союза стал и другой выпускник школы — военный летчик И. Н. Фатеев.

Директор Спасско-Лутовиновской средней школы имени И. С. Тургенева Иван Егорович Ивлев вместе с завучем Михаилом Федоровичем Макаровым обсуждают план работы.

Служение Родине — именно в этом видел назначение человека Тургенев. Эта мысль лейтмотивом проходит через все его творчество. Известно, что писатель провел за границей — в частности, во Франции — многие годы, но известно также, что свои лучшие произведения он написал именно здесь, в Спасском. Оно олицетворяло для него всю Россию. И когда сегодняшний школьник читает слова Тургенева: «Я подобен Антею — не могу оторваться от родной почвы, не утратив при этом той малой толики сил, которой способен располагать», — то в полной мере понимает, где лежали истоки его могучего таланта.

Я слушаю Валентину Михайловну Оленичеву и думаю: ведь подобные качества не проявляются сами собой. Они воспитываются в человеке. Ежедневно и ежечасно...

...С группой восьмиклассников иду на экскурсию в музей-усадьбу. Нас встречает заведующий филиалом музея И. С. Тургенева Борис Викторович Богданов. Невысокий, с окладистой бородой, он говорит неторопливо, напевно.

На уроке машиноведения.

Центр экскурсии — кабинет писателя. Именно здесь, в небольшой комнате, ведет свой главный рассказ Богданов:

— Тургенев ездил много. И при этой беспрестанной смене мест и впечатлений он особенно ценил уединение в Спасском. В одном из его писем ярко выражено кредо писателя: «Собственно говоря, в нашем ремесле удовольствий довольно мало — да оно так и следует: все... должны жить в поте лица... а у кого лицо не потеет, тем хуже для него: у него сердце либо болит, либо засыхает».

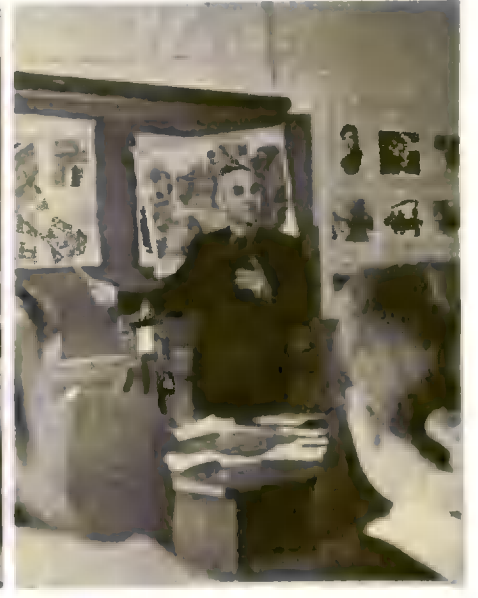
И писатель всю жизнь неукоснительно следовал этому принципу. Его рукописи испещрены пометками, вставками, вычеркиваниями — следами напряженной, упорной работы. Если «Пушкины и Гоголи трудились и переделывали десять раз свои вещи, — говорил Тургенев, — так уж нам, маленьким людям, сам бог велел».

И еще одну деталь неизменно отмечает Богданов:

— В бумагах Тургенева никогда не было «поэтического беспорядка». Его рукописи — аккуратно переписаны в тетради, где обязательно проставлены даты начала и окончания работы. Он любил новое перо и хорошую бумагу...

...Урок машиноведения в девятом классе. Светлое, чистое помещение. На вращающемся стенде рядом с учительским столом — двигатель трактора, а вот и сам трактор (не модель, а настоящий трактор!), только в разрезе.

Урок ведет Василий Никитич Желябин. Учительствует он давно. Пришел сюда еще в 1949 году преподавателем географии. А вскоре понял, что настоящее его призвание — машины. Самостоятельно изучил сельскохозяйственную технику, сдал экзамены на тракториста-машиниста первого класса, потом окончил курсы шоферов и стал преподавателем машиноведения. Педагог и механизатор, он не только учит премудростям техники, но и прививает ребятам любовь к профессии.

Урок ведет Василий Ниинтич Желябин.

А начинается процесс трудового воспитания с малого. Едва сойдет весенний снег, как учащиеся младших классов отправляются на пришкольный участок. Они как бы принимают эстафету от старшеклассников, которые зимой трудятся на животноводческой ферме. А летом все едут в трудовой лагерь. Ребята работают помощниками комбайнеров, а девочки — в садоводческих и растениеводческих бригадах.

Основа хозяйства в совхозе — сады. Каждую осень, когда поспеет урожай, на помощь хозяйству выходит вся школа. Руководители совхоза неизменно высоко оценивают труд учащихся. На Празднике урожая лучших награждают часами, фотоаппаратами, радиоприёмниками...

Много лет существует школьное лесничество. Начало ему положил преподаватель биологии Владимир Григорьевич Мельников. В настоящее время зеленый патруль, которым руководит Антонина Михайловна Агошкова, ухаживает за парком в музее-усадьбе. Под надзором ребят находятся Галаховский и Пчелкин леса. Сами школьники посадили свыше 10 тысяч деревьев. Особенно гордятся тем, что в охраняемых ими лесах не было ни одного пожара даже в памятный великой сушью год. Ученики очищают лес от мусора, охраняют муравейники, по весне развешивают скворечники и дуплянки, собирают лекарственные травы.

Заметим: в Спасском-Лутовинове ребята занимаются не трудом вообще, а конкретным, нужным прежде всего селу и району. Недаром многие выпускники этой школы остаются в родных местах. Окончил, например, в свое время тургеневскую школу Александр Герасимович Михайлов, стал трактористом. Потом учился в Воронежском сельскохозяйственном институте. Сейчас — главный инженер в родном совхозе. И надо думать, рад был директор совхоза Виктор Андреевич Волков, когда его первым помощником стал его бывший соученик по тургеневской школе.

Окончив школу, не уехали в город, а работают в совхозе и других хозяйствах района нынешние выпускники Василий Марфин, Николай Фатеев, Владимир Селезнев, Михаил Початкин, Владимир Мухин, Николай Симонов, Владимир Волков, Анатолий Сухов, Владимир Маркин.

Разными путями приходит человек к пониманию чувства неотрывности от родных мест, сопричастности всему, что происходит здесь, рядом. В Спасском-Лутовинове я часто слышал: «тургеневская земля». Непосвященному человеку может показаться, что речь идет только об этом селе. Но «тургеневская земля» — это и Колотовка, где состязались певцы, и Бежин луг, где забавлялись сказками и бывальщинами приехавшие в ночное ребятишки. Понять это помогает и роспись вестибюля школы на мотивы «Записок охотника», сделанная студентами художественно-графического факультета Орловского педагогического института, и школьный тургеневский зал, где выставлены их картины и развешены фотоснимки самых красивых уголков родного края, и огромное панно в галерее музея-усадьбы, где даты работы писателя над его произведениями соседствуют с картой знаменитых тургеневских мест: Бежин луг, Красивая Меча, Хоревка и т. д.

Много интересных дел придумывают комсомольцы Спасско-Лутовиновской школы.

Преподаватель биологии Антонина Михайловна Агошкова.

На уроке литературы в шестом классе ребята знакомятся с рассказом «Бежин луг» из «Записок охотника» — тех самых, о которых М. Горький сказал: «Эти книги вымыли мне душу, очистив ее от шелухи впечатлений нищей и горькой действительности...» Урок идет и в классе, и на самом Бежином лугу. Там разжигают костер, пекут картошку, спорят, играют, смеются.

Бежин луг совсем не изменился за прошедшие 100 лет. И вот сегодня, как и век назад, сидят на берегу реки крестьянские дети. Только жизнь у них другая и образ мыслей иной.

О чем говорили тургеневские дети? О леших, о нечистой силе, о том, как ищет по ночам покойный барин «разрыв-траву».

— А сегодня, — говорит преподавательница русского языка Мария Александровна Белоусова, — ребята мечтают о том, кем они станут, когда вырастут. И мечты их вполне реальны, в нашей стране каждый может выбрать любую дорогу в жизни. «Мы народ юный и сильный, который верит и имеет право верить в свое будущее». Это слова Тургенева, и именно такими и представлял себе писатель потомков ребятишек из «Бежина луга». И как тут не задуматься им, сегодняшним, над крепостной судьбой тех симпатичных и умных ребятишек.

Ну, а перед четвероклассниками лежит в это время повесть, которая вот уже более века продолжает волновать любого, прикоснувшегося к ней. Это — «Муму» Нет человека в

нашей стране, кто не читал бы ее. И каждый знает, что такой случай действительно произошел в доме Тургенева. Не буду останавливаться на антикрепостнической направленности произведения. Эта мысль звучала и будет звучать на всех уроках литературы. Но в Спасско-Лутовиновской школе на примере «Муму» учат и состраданию. Ведь у Герасима, по сути дела, все было отнято: сначала Татьяна, любимый человек, потом и единственный друг — собака.

Мария Александровна Белоусова руководит деятельностью школьного «Тургеневского общества». В Спасском-Лутовинове она преподает уже 30 лет и, как сама говорит, учит уже второе поколение — детей своих первых учеников. Окончила Орловский педагогический институт, приехала сюда по распределению. И когда разговор заходит о связи творчества Тургенева с современными задачами воспитания, прежде всего подчеркивает, что ее ученикам выпала редкая возможность изучать произведения одного из классиков русской литературы в его родных местах.

— А что касается воспитательного воздействия творчества писателя на духовный мир подростка, то в этих условиях оно просто огромно. Я припоминаю много случаев, когда произведения Тургенева оказывали самое благотворное влияние на ребят, заставляли их задумываться над своими поступками. Был у меня такой ученик Саша Егоров. Окончил школу уже давно. Сейчас он кадровый военный. В школе был на редкость упрямым. Причем характер проявлял по большей части на родителях. И тем частенько приходилось просить у нас помощи, чтобы как-то урезонить не в меру резкого парня. Но и наши беседы не помогали. А вот после изучения в девятом классе романа «Отцы и дети» мы Сашу не узнали. Впоследствии он рассказывал мне, какое неизгладимое впечатление произвело на него отношение Базарова к старикам родителям...

Вообще, и в музее и в школе, когда ведется разговор о творчестве Тургенева, внимание ребят обращается на то, что в своих произведениях писатель часто употребляет такие понятия, как доброта, любовь, сострадание, говорит о «святых чувствах». Но в то время, как известно, эти слова чаще всего употреблялись по большей части людьми верующими, служителями православного культа. Они считались в первую очередь языком религии. Так каким же в действительности было мировоззрение Тургенева?

...И снова мы в рабочем кабинете писателя. Борис Викторович Богданов обращает внимание ребят на старинную икону — фамильную реликвию хозяев усадьбы. В описи имущества она значилась первой. А семейное предание гласило, что икона хранится в Спасском чуть ли не со времен Ивана Грозного. Она досталась матери Тургенева после смерти ее дяди И. И. Лутовинова, к которому она бежала от жестокого отчима. Вот что сообщал Гюставу Флоберу писатель об этой иконе: «Передо мной в углу комнаты висит старинная византийская икона, вся почерневшая, в серебряном окладе, виден лишь огромный мрачный и суровый лик — он меня немного угнетает, — но я не могу распорядиться, чтобы икону убрали — мой слуга счел бы меня язычником — а здесь этим не шутят».

Выдержка из этого письма И. С. Тургенева рождает много вопросов, и один из них: почему писатель хотел убрать икону?

Мировоззрение Тургенева было атеистическим (этот факт отмечают все исследователи его творчества[1]). Формировалось оно в довольно необычных по тем временам условиях. Ни мать его — Варвара Петровна, ни отец — Сергей Николаевич не были людьми религиозными. Церковных книг в доме не держали и дружбы со священниками не водили, хотя церковь, здание которой сохранилось и по сей день, всегда содержали в неизменном порядке. (Церковь была выстроена И. И. Лутовиновым вместо старой деревянной, давшей название селу.) Однако хозяева усадьбы не могли не выполнять религиозных обрядов, понимая, насколько одиозно они выглядели бы в глазах соседей. Впрочем, Варваре Петровне ничего не стоило, например, по причине плохого настроения запретить на пасху звонить в колокола.

Вот в какой обстановке воспитывался Тургенев. И нет ничего удивительного, что в конце концов от простого сомнения он пойдет дальше — увидит в религии «уничижение всего, что составляет достоинство человека...» Но это будет после нескольких лет жизни в революционном Париже, завершения учебы в Берлинском университете и знакомства с философией Фейербаха, о котором он скажет, что это «единственный человек, единственный характер и единственный талант».

Определив для себя отношение к религии — «какой бы я ни был атом, я сам себе владыка; я хочу истины, но не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати», — Тургенев, однако, не считал вправе навязывать свое мнение дворовым, понимая, что крестьян к религии толкает нужда и придавленность жизнью. Иными словами, крепостнический строй. И боролся с этим строем не иконоборчеством, а своими произведениями. И школой, которая здравствует и поныне.

Главная задача школы — выпустить в жизнь не только грамотного, но и осознающего свою ответственность перед обществом человека, то есть мировоззренчески зрелую личность. Не следует, конечно, думать, что учителя зовут сегодня на помощь Тургенева по любому поводу. Но то, что жизненная позиция писателя близка нашим представлениям о смысле жизни и назначении человека, — факт неоспоримый. И это обстоятельство педагогический коллектив старается использовать в полной мере. Изучение произведений писателя лишь помогает решить эту задачу, поскольку они пронизаны любовью к Родине, заставляют подростка задумываться над собственными поступками, вызывают желание сделать полезное людям — короче говоря, формируют в нем лучшее человеческое качество: желание стать настоящим гражданином своей страны. А где это качество проявится, в кабине боевого самолета или на прополке моркови, в конце концов не так важно.

Чтобы лучше узнать поэта, нужно побывать на его родине. Это слова Гёте. Сегодня я уезжаю из Спасского-Лутовинова. Последний раз иду через все село из школы в музей-усадьбу. Снова брожу по заповедному парку. В глубине его — братские могилы солдат, павших на этой земле ради того, чтобы жил и цвел этот парк. Чтобы каждый, кто приходит и приезжает сюда, понял: здесь прошлое сливается с настоящим во имя будущего.

[1] См., например,: Г. Винникова. Тургенев и Россия. М., 1977, стр. 39; Б. Богданов. Спасское-Лутовиново. Тула, 1977, стр. 94.

На месте бывшего карьера.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ

МОНОЛОГ С ОТСТУПЛЕНИЯМИ

А. ХАРЬКОВСКИЙ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр,.. растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды.

Конституция СССР, статья 18.

Поезд шел к Донбассу. Степь с волнующейся нивой сменила степь с карьерами, голыми, как лунные цирки. А Гоголь писал о степи, где травы — конь забредет — не видно. Что же произошло? Земля — кормилица, однако идиллическими наши отношения с ней никогда не были, даже во времена гоголевского Тараса. Только меньше нас было тогда на планете, слабее мы были и земля легче выдерживала людской натиск. Но пришел XX век с развитой горной промышленностью, химией, металлургией, сельским хозяйством. Человек с помощью техники стал «властелином» земли и вместе с тем... еще больше от нее зависимым. Ведь все, что нами создано, — дома, продукты питания, одежда, машины, — все уходит своими корнями в землю.

К. Маркс писал: «Человек **живет** природой. Это значит, что природа есть его **тело**, с которым человек должен оставаться **в** процессе постоянного общения, чтобы не умереть». Земля — основа нашего богатства, земля, кормившая поколения людей до нас, должна кормить и детей наших, и внуков, и самых дальних правнуков...

А за вагонным окном, словно оспаривая эту истину, проносились карьеры — гигантские язвы земли, на которых ничего расти уже не может: пыль набивалась в вагоны, скрипела на зубах.

... Поезд остановился на станции Чертомлык. Пересаживаясь в автобус, я заметил, что воздух здесь заметно чище, пыли меньше. Машина тронулась, и скоро мы въехали в степной оазис: густая тень листвы перекрывала дорогу, дома утопали в садах. Это был украинский город Орджоникидзе, крупнейший в мире центр по добыче марганцевой руды.

Руда здесь добывается в карьерах, а карьеры, по сути, несут гибель почве. Здесь же — зеленый город. Как удалось создать его в степи? Вопрос этот следовало адресовать руководителю Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината Григорию Лукичу Середе. Так я и сделал.

— Дело не во мне — в людях, — начал Середа, невысокий крепкий человек со звездой Героя Социалистического Труда на груди. — А то пишут, что вот, мол, Середа, словно бог, взял и оживил пустыню. Люди — главное. Ведь когда я лет 20 назад приехал сюда, был тут не город — и даже не поселок, всего четыре дома. Воду, и ту привозили в цистернах и раздавали ее как великую ценность:

ключ от цистерны мастер носил на груди. Не все выдерживали такие условия жизни, надолго здесь мало кто оставался.

Приехав в поселок, я понял, что вот так, среди голой степи, человек долго жить не может. Значит, нужно строить дома и сажать вокруг них деревья. Кое-кто пытался возражать: мол, земля здесь неплодородная, растения не приживутся.

В общем, первые деревья мы растили, поливая их своим потом да привозной водой. Но и это было еще не самое главное. Здесь, в степи, нужно было создать передовое производство — отсталое тут существовать не имело права. Все мы мечтали о социалистическом городе — вот он перед вами. Но предшествовала всему беспощадная война с землей.

Конфликт сложный: это и «руда против чернозема», «человек против природы». Здесь, на юге Украины, под богатейшими, плодороднейшими почвами находятся залежи марганцевой руды. Известно, руду нельзя добыть, не повредив верхнего плодородного слоя земли. Так возникает дилемма: либо хлеб наш насущный, либо «хлеб черной металлургии» — марганец.

Еще четверть века назад шахты в этом районе давали в 23 раза больше продукции, чем карьеры. В 1960 году цифры подземной и наземной добычи сравнялись. И вот — шахты ушли в прошлое. Исчез тяжелый труд шахтера: руду добывают наземные машины. За десятилетие травматизм сократился на две трети. Убыточное предприятие стало давать миллионный доход.

И одновременно плохо: на каждую тонну продукции нашего комбината приходится 20 кубометров «вскрыши». А это значит, что комбинат «нарушил» миллиарды тонн плодородной земли! Впрочем... поехали на карьеры.

Мягко шуршат шины «Волги». Вокруг — цветущие поля и какие-то неправдоподобно аккуратные карьеры. Где же та нарушенная земля, о которой с болью говорил директор?

«Волга» затормозила у края карьера, и передо мной открылась картина, напоминающая кадры из фантастического фильма. Всюду работали гигантские машины — шагающие экскаваторы и транспортно-отвальные комплексы. Одни вскрывали черное чрево земли, другие выбирали оттуда марганцевую руду, третьи укладывали почву так, как она лежала раньше, а на месте отработанных карьеров колосилась пшеница, плодоносили сады.

Это был конвейер, где шло восстановление плодородия земли.

— Здесь нечему удивляться, — ответил на мой немой вопрос Григорий Лукич, — нарушил землю — восстанови. У нас организован цех рекультивации. У него, как и у любого производственного коллектива, свой план, свои задачи. Мы считаем, что после нас должна остаться не «промышленная пустыня», а цветущая земля. Ведь она не нам, а всему народу принадлежит, и детям нашим и внукам. Помните, как об этом написано в «Капитале»? «Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и... должны оставить ее улучшенной последующим поколениям».

У директора комбината существует план: добыть столько-то тонн руды. А почва? Она ведь по другому ведомству. Но Середа не просто хозяйственник, он прежде всего коммунист, для которого превыше всего не узковедомственные цели, а интересы народа.

С самого начала меня интересовал вопрос, почему Середа — горняк, руководитель промышленного предприятия — стал радетелем земли? Я стал искать ответ в биографии этого человека.

С молоком матери впитал крестьянский сын Григорий Середа любовь к родной земле. Но не к огородному участку и даже не к колхозному полю. Любовь эту следует понимать шире, она сливалась у него с любовью к своей Родине. Середа хотел учиться и уехал в город, поступил в горный институт. Потом его увлекло небо. Осоавиахим, полеты на неуклюжих еще самолетах. Войну он «отлетал» на штурмовиках, этих «летающих танках», — видел землю сверху, искореженную снарядами, и у него, крестьянского сына, сердце обливалось кровью.

— Фашисты вывозили из оккупированной Украины чернозем, грабили, так сказать, первооснову нашего богатства, — говорил он. — Наши чувства, чувства советских воинов, отлично выразил поэт Михаил Светлов:

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей...

Кончилась война. Я вернулся домой, закончил горный институт. А потом, уже зрелым человеком, хотя еще молодым инженером, приехал сюда, в Орджоникидзе.

Работая на комбинате, добывая руду, я думал о том, что марганец, конечно, ценный металл, но нет ничего ценнее земли, которая кормила наших предков и должна кормить внуков и правнуков. Волновала меня и другая, этическая сторона проблемы. Я видел, что рвутся многосложные связи людей с землей, остаются лишь самые простые — потребительские. Человек любит природу — «окружающую среду» любить нельзя.

А мы изо дня в день побеждали ее и побеждали. Но я понимал — это пиррова победа. Земля — мать, мы ее дети. Так разве можно воевать против собственной матери, даже если сил достаточно?

Бродил я вечерами по поселку, и казалось мне, стоит над домами безмолвный крик: «Чернозем уничтожают!» А наутро читал сводки: сколько за день добыто руды...

Я думал: вот мы — люди — не только знаем законы природы, но и умеем правильно их применять. Так почему же губим землю? Неужели мы, словно завоеватели, пришли на эти поля, чтобы вскрыть их чрево, взять руду и оставить бесплодными на веки веков?

Нет, я не сентиментален. Глубоко прав был рационалист Базаров, когда говорил: «Природа — не храм, а мастерская и человек в ней работник». Но мы-то уничтожали самою мастерскую, почву, основу наших богатств. И мне приходилось это делать своими руками.

Правда, комбинат вышел в передовые предприятия — это, конечно, радовало. Мы перевыполняли планы по добыче руды, но карьеры все больше наступали на город, душили его, и люди уходили из этих мест. А без людей — какое может быть производство?

Пустыня наступала на город день за днем. Промышленная, рукотворная пустыня — вдумаемся в эти слова. И прежде чем настал день действия, должен был прийти час осознания. Как ни странно, все началось с... Луны.

Съемочная группа одной киностудии работала над фильмом, где по ходу действия герои попадают на Луну. И так режиссеру приглянулись наши карьеры — ну просто тебе лунные кратеры. Он — ко мне: «Разрешите здесь съемки!» А у меня на душе темно, думы одолевают: «Ведь здесь же земля была, травы росли, птицы пели. А теперь... Что же мы наделали? Нет нам прощения».

Получалось, рубим сук, на котором сидим. Окружим город карьерами, а потом — куда деться? Власть у нас рабочая, вот мы и собрали на совет рабочих. Вопрос был один: что делать?

Так столкнулись узковедомственные интересы горного министерства с народной необходимостью восстановить и сохранить землю.

Однако восстанавливать землю на карьерах тогда еще не умел никто, горная наука на это ответа не давала, сельскохозяйственная — промышленной зоной не занималась. И тогда Г. Л. Середа занялся наукой (он даже защитил кандидатскую диссертацию по проблеме рекультивации земель): на отработанном карьере он создал опытное хозяйство, которое возглавил большой энтузиаст возрождения земли профессор Днепропетровского сельскохозяйственного института Н. Е. Бекаревич.

Не было никакого чуда — только сотни экспериментов по реанимации, оживлению земли, поиски и находки решения множества сложнейших проблем. Вот одна из них.

Тогда считалось, что почва — чуть ли не живое тело: снятую при вскрытии земли, ее предлагалось хранить не более чем метровым слоем. Но для хранения требовались огромные площади, которых у комбината, увы, не было. Что же делать? И тут орджоникидзевцев выручило открытие археологов.

Во всем мире город Орджоникидзе известен не только залежами марганцевой руды: несколько лет назад экспедиция Академии наук Украины раскопала здесь знаменитое захоронение скифов — Толстую могилу. Археологи нашли несметные богатства скифских царей. Середа увидел другое — землю предков, более двух тысячелетий пролежавшую в курганах. Ее разложили нетолстым слоем, высеяли в нее злаки, и они, хоть и не сразу, а на третий-четвертый год, дали обильный урожай. Земля, веками отдыхавшая толстым слоем в курганах, не утратила способности плодородить! Так рухнула старая теория, требовавшая складировать почву не более чем метровым слоем.

А что делать со старыми отработанными карьерами? Их решили превратить в... зону отдыха. Энтузиасты сделали проект, энтузиасты работали там не за страх, а за совесть. Администрация изыскала средства для всего, даже на покупку страусов и пони. И вот перегороженная река залила котлован карьера, образовав озеро.

— Мне бы хотелось подчеркнуть еще и воспитательную сторону этой нашей работы, — говорит Середа. — Создавали зону отдыха собственными руками. И сами отдыхаем здесь вместе с семьями.

И действительно, разговаривая с орджоникидзевцами, я заметил у них явно выраженное чувство гордости за свой город, за свою землю. Бывая в соседних Днепропетровске, Запорожье, Кривом Роге, они настойчиво приглашают коллег-горняков заехать — посмотреть их житье-бытье. Не все охотно едут в «какой-то районный центр». А как приедут, увидят диковинных зверей, сады на бывших карьерах да отведают в тех садах слив и яблок, то начинают интересоваться, как и у себя создать такое же. Но опыт — не дерево, его так просто на другую землю не пересадишь

— Конечно, у нас еще не все вопросы землепользования решены, — продолжает Григорий Лукич. — Ведь есть такая штука, как психология человека, а ее переделать в одночасье — ох как трудно! Ведь сколько лет утверждалось мнение, что земли у нас очень много: отчуждай — не хочу. А это неверно. Да и к рекультивированной земле относятся иногда как к земле второго сорта.

Был такой случай. Как-то соседний колхоз, получивший землю, возрожденную на месте карьера, решил ее не обрабатывать, не засевать: мол, гиблая земля — и точка. Я приехал к председателю колхоза, привез его на наши, комбинатовские опытные поля, организовал там для колхозников учебу и доказал им, что возрожденная земля родит хлеб не хуже обычной.

Да, психологические барьеры — самые трудные. Вот видите — лесок за озером. Так вот, деревьев здесь ни при скифах, ни при киммерийцах не было. А при нас — они есть!

Мне часто задают такой вопрос: «Вот вы столько сил и средств тратите на рекультивацию. А ведь это же нерентабельно, не окупится ни за 10, ни за 100 лет. И зачем вы, горняк, так стараетесь?» Я не люблю высокий слог, а в таких случаях срываюсь. Это ведь земля. Земля! Разве к ней — в широком смысле — применимы наши обычные понятия окупаемости? А рентабельно ли небо или океан? Рентабельно ли наше с вами существование в расчете на тысячелетия? Земля эта будет кормить наших потомков во веки веков, и поэтому ее существование так же рентабельно, как существование человечества...

В день отъезда мне удалось еще раз повидать Г. Л Середу.

— Итак, теперь вашу деятельность по возрождению земли охраняет новая Конституция — Основной Закон государства, — начал я разговор. — Вам остается лишь возвращать землю такой же плодородной, как вы ее получили.

— Не такой же — лучшей! — парировал Середа — Так сказать, конкурируя с господом богом, — улыбнулся он.

— Как это — лучшей?

Вместо ответа он повел меня в плодоносящий на бывшем карьере сад.

— Смотрите, раньше здесь был овраг. А мы при культивации улучшили рельеф, сделали площадь удобной для обработки, чуть вогнутой, то есть способной собирать влагу. А вон дальше — почва под пшеницу. Раньше мощность чернозема была 40 сантиметров, здесь получали урожай 53 центнера с гектара. Сейчас — 70 сантиметров, а урожай — 65 центнеров пшеницы.

По дороге домой я думал о значении того, что делает Г. Л. Середа, все труженики Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината. Они добиваются гармонии между промышленностью и природой, доказывают, что в нашем, социалистическом обществе нет и не может быть антагонистических противоречий между плановой экономикой и необходимостью сохранения и улучшения окружающей среды. По сути, в этом — смысл социалистического природопользования. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев отмечал:

«...Использовать природу можно по-разному. Можно и история человечества знает тому немало примеров — оставлять за собой бесплодные, безжизненные, враждебные человеку пространства. Но можно и нужно, товарищи, облагораживать природу, помогать природе полнее раскрывать ее жизненные силы. Есть такое простое, известное всем выражение «цветущий край». Так называют земли, где знания, опыт людей, их привязанность, их любовь к природе поистине творят чудеса. Это наш, социалистический путь».

Думается, это вполне можно отнести к труженикам украинского города Орджоникидзе.

«Известно, что православная церковь и деспотизм взаимно поддерживают друг друга; эта круговая порука очень понятна», — отмечал Н. А. Добролюбов. Сугубую поддержку царизм получал от церкви для борьбы с «крамолой». Священнослужители в России издавна специализировались на сыскном деле, главным образом на духовном разоружении революционеров. Еще при Петре I святейший синод узаконил полицейскую функцию исповеди (в явное нарушение ее «святой тайны»). Указ синода от 17 мая 1722 года гласил: «Если кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое несделанное, но еще к делу намеренное от него воровство, наипаче же измену или бунт на государя или на государство», то духовный отец обязан «тайно сказать», где надлежит, «чин и имя» злоумышленника, который «без всякого медления пойман и заарестован быть должен»[1]. Этот указ уже тогда засвидетельствовал, что в России «полицейское самодержавие... даже религию... пропитало духом кутузки»[2]. С тех пор попы в России стали по совместительству штатными осведомителями правительства, а в XIX веке, когда развернулось революционное движение против царизма, они приняли на себя и еще более незавидную роль нравственных палачей.

История царской тюрьмы знает, как часто «святые отцы» по заданию карателей духовно пытали арестованных революционеров увещаниями, проповедями, посулами и угрозами, чтобы вырвать у них раскаяние и нужные показания. Протопоп Петр Мысловский «обрабатывал» таким образом декабристов, священник Алексей Малов — деятелей Кирилло-Мефодиевского общества, протоиерей Михаил Архангельский — М. Л. Михайлова, протоиерей Василий Полисадов — Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева и Д. В. Каракозова.

На заре русского революционного движения такие духовные пытки нередко приносили успех. Однако среди первых русских революционеров далеко не все разоружались перед духовными отцами. Например, декабрист М. С. Лунин решительно отказался и от мирского, и от церковного покаяния, а на каторге, вспоминая о той роли, которую играли за кулисами процесса декабристов священники, называл их «переряженными жандармами»[3].

Со временем же, по мере того как революционное движение набиралось сил и опыта, крепло идейно и социально, становилось более зрелым, все реже удавались «святым отцам» их психологические диверсии. Как ни старался, к примеру, Алексей Малов деморализовать кирилло-мефодиевца Н. И. Гулака, чтобы «ввести его в русло откровенности, требуемой от него правительством», Гулак согласился принимать его в своей камере лишь «для утешения меня в моем узничестве, а не для преклонения меня к открытию истины»[4]. Д. И. Писарев не принял от приставленного к нему «святого отца» и утешения: «раздражившись» на него (как рассказывал об этом, со слов самого исповедника, Н. В. Шелгунов), он «выгнал его из своей камеры и бросил за ним по коридору книгой»[5].

---

1 «Полное собрание законов Российской империи», собр. 1, т. VI. СПб., 1830, стр. 685.
2 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 264—265.
3 С. Я. Гессен, М. С. Коган. Декабрист Лунин и его время. Л., 1926, стр. 273.
4 Д. Г. Венедиктов. Попы: провокаторы, тюремщики, погромщики. М., 1930, стр. 20—21.
5 Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания в 2 томах, т. I. М., 1967, стр. 202.

Этим «святым отцом» был Василий Петрович Полисадов — настоятель Петропавловского собора и профессор богословия Петербургского университета. 7 мая 1864 года он попытался склонить к исповеди только что осужденного на каторгу Н. Г. Чернышевского, но и здесь потерпел неудачу, хотя на этот раз исповеднику не пришлось спасаться от узника бегством: отказ от исповеди был облечен в безукоризненно корректную форму. «Отставной титулярный советник Чернышевский исповедаться и святой тайне приобщаться решительно не желает, — докладывал он коменданту Петропавловской крепости. — ...Совершать келейную у него в каземате службу... он мне не дозволил, и... когда я предложил ему, что к нему, если ему угодно это, будет прислан другой священник, Чернышевский ответил мне, что он имеет совершенное ко мне доверие и уважение, и присылать к нему другого священника совершенно излишне»[6].

Долго и упорно пытали каратели (и физически, — например лишением сна[7], и духовно) Д. В. Каракозова — первого из русских революционеров, который пошел на цареубийство. Против него был отряжен тот же Полисадов. Именно ему да матерому жандармскому полковнику Лосеву царь высочайше разрешил свободный допуск в камеру к «цареубийце... с целью разъяснения совершенного им преступления». Полисадов при этом так определил свою задачу: «Я буду беседовать с преступником, собственно, о его великом преступлении, вызывая его на откровенные объяснения»[8]. Полисадов цинично, в подробностях, доносил коменданту крепости о своих стараниях довести Каракозова «до состояния ангелоподобного». Каракозов, однако, ни в чем не раскаивался и никого не выдавал. Зато он был так измучен, что впал в душевное расстройство. Воспользовавшись этим, Полисадов уже перед самой казнью Каракозова сочинил за него черновик заявления о раскаянии с мольбой к царю и «всей царелюбивой России» «простить и благословить на исход из сей жизни» его, «изверга окаянного». Комендант крепости, которому Полисадов показал свой черновик, и тот устыдился столь неблаговидной затеи, задержал полисадовскую бумагу и не дал ей хода[9].

В 1870-е годы, когда революционная борьба против царизма достигла небывалого прежде размаха, каратели все чаще прибегали к услугам «святых отцов», но пользы для себя из таких услуг извлекали все меньше. Окрепшее к тому времени новое, разночинное поколение революционеров относилось к религии без всякого почтения, держась взгляда, который М. А. Бакунин в 1873 году формулировал таким образом: «Церковь представляет для народа род небесного кабака, точно так же, как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле... Одно опьянение стоит другого»[10]. Герои политических процессов 70-х — начала 80-х годов часто даже в ответах на формальный вопрос о вероисповедании афишировали свою нетерпимость к религии. И. Н. Мышкин: «Крещен без моего ведома по обрядам православной церкви»[11]. А. К. Соловьев: «Крещен в православной вере, но религии не признаю»[12]. А. И. Зунделевич: «Вероисповедания никакого». С. Г. Ширяев: «Вероисповедания атеистического»[13]. А. И. Желябов, отвечая на этот вопрос, сумел обернуть в пользу революционного дела несоответствие официальной религии социальным идеям первоначального христианства:

И. Е. Репин. Д. В. Каракозов перед казнью.

В. В. Верещагин. Казнь заговорщиков в России.

И. Н. Мышкин.

6 «Дело Чернышевского». Сборник документов. Саратов, 1968, стр. 438—439.
7 См. признание в этом жандармского генерала П. А. Черевина (П. А. Черевин. Записки. Новые материалы по делу каракозовцев. Кострома, 1918, стр. 5).
8 ЦГАОР, ф. 109, I экспедиция, 1866, д. 100, ч. I, л. 24 об.; л. 25 об.
9 См.: П. Е. Щёголев. Алексеевский равелин. Книга о падении и величии человека. М., 1929, стр. 62—77, 84—87.
10 М. А. Бакунин. Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1907, стр. 251—252.
11 «Государственные преступления в России в XIX в.», т. 3. Париж, 1905, стр. 2.
12 «Заседание Верховного уголовного суда, происходившее 25 мая 1879 г. по делу об А. К. Соловьеве». СПб., 1879, стр. 2.
13 «Процесс 16-ти террористов» (1880 г.). СПб., 1906, стр. 1.

Софья Перовская и Андрей Желябов. Рисунок Пясецкого, сделанный во время суда.

В. А. Осинский.

«Крещен в православии, но православие отрицаю, хотя сущность учения Иисуса Христа признаю... Я верю в истину и справедливость этого вероучения и торжественно признаю, что вера без дела мертва есть, и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за права угнетенных и слабых, и если нужно, то за них и пострадать: такова моя вера»[14].

Борцов, столь предубежденных против религии, трудно было умилить божьим милосердием. Они хорошо понимали смысл увещаний, с которыми священник подступает к арестованному или осужденному революционеру, и считали их особого рода духовным палачеством. «Священник и палач помогают друг другу, — указывал И. Н. Мышкин в заявлении прокурору. — Если первому не удастся запутать душу человека в расставленные им сети, запугать его адом, то второй действует на тело арестанта в надежде, что физическое страдание победит упорство его»[15].

Безошибочно распознавая в «святом отце» своего врага, «жандарма во Христе», революционеры не только не допускали его в души свои, но и вообще не желали иметь с ним дела, наотрез отказывались даже от предсмертной исповеди, как это увековечено в знаменитой картине И. Е. Репина. Попытки духовно разоружить революционеров, приговоренных к виселице, в 70—80-х годах ни к чему не приводили, а иногда ставили отряженное для этой цели христово воинство в неловкое положение. Многозначительные подробности о казни народников-террористов В. А. Осинского, В. А. Свириденко и Л. К. Брандтнера сообщал в III отделение 16 мая 1879 года начальник Киевского губернского жандармского управления В. Д. Новицкий: «Брандтнер один первый раз принял пастора[16], но заявил, что он атеист, ни во что не верит и потому будет с ним беседовать, как частный человек, но о религии — ни слова; затем уже не захотел и впускать к себе пастора. Антонов (под этой фамилией был казнен — неопознанным — В. А. Свириденко. — Н. Т.) и Осинский не приняли священников, прямо сказали, что ни бога, ни религии они не признают, а в загробную жизнь не верят, и что если священник явится на место казни, они ему сделают скандал. Несмотря на это, пастора и священников хотели поместить в карету с приговоренными при следовании из тюремного замка до места казни, но трое приговоренных объявили, что если с ними их посадят, то они побьют их в карете, почему и приказано было священникам ехать отдельно за каретою». В последний момент, уже на эшафоте, попы еще раз подступили к смертникам, но и тогда «они приговоренными резко были прогнаны» [17].

Отстранив энергичным жестом священника с распятием, Валериан Осинский дал понять, что «так же мало признает небесного царя, как и царей земных»[18]. Эти слова можно отнести почти к любому из 30 революционеров, казненных в России только за 1879—1882 годы. Документы свидетельствуют, что отвернулись от священника на эшафоте Д. А. Лизогуб и С. Ф. Чубаров, «с усмешкой отклонил обращение к нему священника» И. О. Млодецкий, оттолкнули попа В. Д. Дубровин и А. Я. Гобет, а А. К. Соловьев в тот момент, когда священник попытался напутствовать его «святым крестом», «отрицательно покачал головою» и дважды произнес: «не хочу, не хочу»[19]. Наблюдательный современник генерал А. А. Киреев в 1882 году усматривал не только греховность революционеров, но и силу «крамолы» в том, что от святого креста «так настойчиво и с такой дикой злобой отворачиваются Дубровины, Осинские, Брандтнеры и Соловьевы»[20].

Правда, народовольцы, осужденные по делу о цареубийстве 1 марта 1881 года, на эшафоте приложились к кресту. Они сделали это перед многотысячной толпой народа, чтобы поколебать, если не рассеять, ее предубеждение против них, цареубийц, как «антихристов». О церковном покаянии с их стороны (разумеется, исключая предателя Рысакова) не могло быть и речи. Священники уже поняли это при свиданиях с ними в камерах смертников перед казнью. Как явствует из официального отчета о казни, только Рысаков «приобщился святых тайн»; «Кибальчич два раза диспутировал со священником, от исповеди и причастия отказался. В конце концов он попросил священника оставить его. Желябов и Софья Перовская категорически отказались принять духовника» [21].

Героически, отказываясь от церковного покаяния, шли на смерть и народовольцы второго призы-

---

14 «Дело 1 марта 1881 г.». Правительственный отчет. СПб., 1906, стр. 6—7.
15 ЦГАОР, ф 112, оп. 1, д. 827, л. 16 об.
16 Людвиг Карлович Брандтнер считался лютеранином.
17 Я. Д. Б (аум). Суд и казнь Л. К. Брандтнера, В. А. Свириденко и В. А. Осинского (в освещении жандарма В. Д. Новицкого). «Каторга и ссылка», 1929, № 7, стр. 71.
18 С. Степняк-Кравчинский. Соч., т. I., М., 1958, стр. 415.
19 «Голос», 1879, 30 мая (11 июня); «Революционная журналистика семидесятых годов». Ростов-на-Дону, 1907, стр. 299; «Новый журнал литературы, искусства и науки», 1908, т. 1, № 2, стр. 19.
20 (А. А. Киреев). Избавимся ли мы от нигилизма? СПб., 1882, стр. 24.
21 «Былое», 1918, № 4—5, стр. 322, 316.

ва — середины и конца 1880-х годов [22]. О К. Г. Неустроеве — иркутском учителе, расстрелянном за то, что он заклеймил пощечиной лютого генерал-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина, — реакционная газета «Московские ведомости» 22 декабря 1883 года с раздражением писала: «Перед казнью к преступнику являлся священник, но преступник объявил себя атеистом и заставил священника удалиться».

Александр Ульянов и его сопроцессники тоже не стали исповедоваться. На эшафоте, как видно из доклада министра внутренних дел царю, Василий Генералов и Пахомий Андреюшкин воскликнули: «Да здравствует «Народная воля»!», а Петр Шевырев «оттолкнул руку священника» с крестом» [23].

Отказались от благословения перед казнью и трое осужденных на виселицу по Якутскому делу 1889 года (о вооруженном сопротивлении политических ссыльных карателям): Н. Л. Зотов, А. Л. Гаусман, Л. М. Коган-Бернштейн.

Очень точно и ярко выразил отношение народовольцев к «жандармам во Христе» поэт Н. М. Минский в драматической поэме «Последняя исповедь». Герой поэмы — революционер, осужденный на смерть, — говорит священнику, явившемуся к нему в камеру перед казнью:

Из всех врагов презреннейшие — вы!
Трусливые, со сладкими словами,
Изменники, лжецы и лицемеры!..
Поверь, что мне палач стократ милее,
чем лживый поп!

Эту поэму народовольцы опубликовали в первом же номере своей газеты «Народная воля» — как своеобразный наказ погибших живым. Под ее сильнейшим впечатлением Репин написал и подарил Минскому свой «Отказ от исповеди» [24].

В годы активизации народовольческого движения в конце 70-х годов роль церковников в борьбе с «крамолой» несколько изменилась. Уже к середине 70-х годов, на примере первых же политических процессов десятилетия (нечаевцев, долгушинцев и др.), царизм убедился в тщетности психологических диверсий церкви против революционеров и в дальнейшем реже стал прибегать к помощи священников. В борьбе с «Народной волей» он использовал церковь иначе, полагаясь не столько на психологию, сколько на политику. Во-первых, «святые отцы» должны были освящать авторитетом своего сана и божьего имени законность расправы с революционерами. Священнослужитель с крестом на эшафоте как бы облагораживал и оправдывал палача с веревкой. Характерно, что особая инструкция о порядке исполнения смертных приговоров от 30 апреля 1879 года обязывала священника шествовать вслед за осужденным на казнь рядом с палачом. Символично для того времени и место священнослужителя на переднем плане картины В. В. Верещагина «Казнь заговорщиков в России» — рядом с жандармом.

Во-вторых, церковь была призвана вести рука об руку с государством всероссийскую кампанию пропаганды против революционеров — с целью их изоляции и дискредитации. Ради этого синод и предписал 8 мая 1881 года, вскоре после казни первомартовцев, возгласить по всем церквам империи особую ектенью — молитву, чтобы бог истребил «все неистовые крамолы супостатов» [25]. Такого рода общероссийский молебен был затеян впервые с тех пор, как в июле 1826 года по случаю расправы с декабристами синод распорядился отслужить по всем церквам благодарную ектенью «господу-спасителю» за избавление империи от «неиствующих крамол» [26]. Теперь, с мая 1881 года молитвы «против крамолы» стали постоянным компонентом литургии до конца царизма. «Крамола» проклиналась в них как самая страшная ересь и наихудшее зло. Например, архиепископ Платон в «Херсонских губернских ведомостях» 27 февраля 1880 года возглашал, что «красный террор» «Народной воли» «гораздо хуже» и опаснее «нашествия галлов» 1812 года.

Наглядно отразилась позиция священнослужителей по отношению к деспотизму и демократии в таком, казалось бы, частном факте, как столкновение осужденного на каторгу И. Н. Мышкина с попом в иркутской тюремной церкви при отпевании тела каторжанина Л. А. Дмоховского 22 декабря 1881 года. Мышкин произнес над гробом товарища пламенную речь, которую закончил словами: «На почве, удобренной нашей кровью, вырастет могучее дерево русской свободы». Священник раньше, чем стоявшие в церкви тюремщики, успел среагировать на речь Мышкина и злобно прокричал: «Врешь, не вырастет!» «Врешь, не вырастет!». За эту речь Мышкину прибавили к 10 годам его каторжного срока еще 15 лет [27].

С 1884 года, когда в Шлиссельбургской крепости была построена так называемая «государева тюрьма», ставшая главным политическим застенком империи, именно сюда, в одиночные казематы царизм стал замуровывать навечно, без срока, наиболее опасных своих врагов. Здесь десятилетиями томились народовольцы. Многие из них гибли, сходили с ума, кончали с собой. «Отсюда не выходят, а только выносят» [28] — хвастались шлиссельбургские тюремщики.

В течение первых 20 лет существования «государевой тюрьмы» даже священники не имели доступа к ее узникам. Но через 20 лет власти сочли, что шлиссельбуржцы, оставшиеся к тому времени в живых (14 из 60), достаточно исстрадались и могут поддаться религиозному внушению. В 1904 году первой к ним была впущена престарелая княжна М. М. Дондукова-Корсакова, известная религиозная фанатичка и благотворительница. Она вела душеспасительные беседы со всеми узниками, кроме Г. А. Лопатина (тот уклонился от встреч с ней, сказав: «На что мне эта старушка?!»), причем «особенное внимание она уделяла Новорусскому, Стародворскому и Попову. Эти трое принадлежали к ду-

[22] В 90-х годах смертных казней над революционерами в России не было и политические процессы с 1894 г. временно (до начала следующего столетия) прекратились.
[23] «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М.-Л., 1927, стр. 351.
[24] «И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка», т. 2 (1877–1894). М.-Л., 1949, стр. 128.
[25] «Церковный вестник», 1881, № 22, часть официальная, стр. 1.
[26] «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», т. 1 (Декабристы). СПб., 1905, стр. 467.
[27] Этот эпизод описан в ряде источников, в частности в «Истории моего современника» В. Г. Короленко.
[28] Цит. по кн.: Е. Е. Колосов. Государева тюрьма — Шлиссельбург. М., 1930.

ховному сословию, и в отношениях Марии Михайловны к ним был как бы расчет, что семейные традиции, воспоминания детства и условия воспитания... — все это сулит наиболее подходящую почву для возврата к прежним верованиям». Однако ни один из шлиссельбуржцев не прибегнул к религиозному утешению.

Тогда, озадаченный и уязвленный неудачей княжны, к шлиссельбуржским узникам явился сам митрополит петербургский Антоний. Он допытывался, действительно ли революционеры в трудные минуты не искали утешения в религии, и если это так, что же поддерживало их. Вера Фигнер ему ответила: «Меня поддерживало то самое, что двигало и на свободе. Я стремилась к общественному благу, как его понимала. В мою деятельность я вкладывала все силы и шла без страха на все последствия, которыми грозит закон, охраняющий существующий строй... Когда же наступила расплата, то искренность моих убеждений я могла доказать только твердым принятием и перенесением всей возложенной на меня кары». Другие узники (дворянин, бывший подполковник царской армии М. Ю. Ашенбреннер, солдатский сын М. Ф. Фроленко, попович М. В. Новорусский, рабочий П. Л. Антонов) говорили примерно то же самое. Митрополит был потрясен силой духа шлиссельбуржцев, хотя, конечно, не мог оценить всей меры их стойкости: «Так как видел оставшихся в живых узников твердыми и несломленными, то считал, что им хорошо. О мертвых, покончивших с собой и сошедших с ума, он не слыхал»[29].

Впрочем, о революционерах, повешенных и расстрелянных вне «государевой тюрьмы», митрополит Антоний, конечно, слышал. Он мог представить себе, какой ценой платят они за верность своему делу. Но как служитель культа и веры в святость и божественную предопределенность существующего порядка вещей митрополит не мог понимать и не понимал, что источником силы революционеров является идея исторического прогресса — самая могучая из идей, которая всегда удостоверяет правоту и служит залогом неодолимости освободительного движения.

«Преследуйте нас — за вами пока материальная сила, господа,—обращалась к судьям от имени русской революции со скамьи подсудимых на «процессе 50-ти» Софья Бардина, — но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи... на штыки не улавливаются!»[30].

---

[29] В. Н. Фигнер. Запечатленный труд. Воспоминания. В 2 томах, т. 2. М., 1964, стр. 242, 247, 248, 249, 250.

[30] «Революционное народничество 70-х годов XIX в.», т. 1. М., 1964, стр. 357.

О чем писали русские газеты и журналы в ноябре 1878 года

В заседании великолуцкого уездного земского собрания гласный священник Пульхеров заявил, что ни один из сельских учителей не был у исповеди и святого причастия, и требовал, чтобы заявление его было занесено в журнал...

Заявление это имело последствием то, что в настоящую минуту директор народных училищ требует, чтобы каждый учитель представил ему удостоверение церковных приставов о бытии на исповеди... Для получения двух удостоверений каждому учителю придется заплатить церковным причтам по крайней мере один рубль, да на гербовые марки к двум удостоверениям нужно 80 коп., значит каждый учитель должен издержать около двух рублей, тогда как учитель (примите во внимание человека семейного), получая 19 руб. жалованья, в течение нескольких месяцев не может отложить столько денег, чтобы сшить себе сапоги.

«Голос»

В настоящее время в нашей церковно-общественной жизни замечается в высшей степени прискорбное явление, которое грозит отразиться самым неблагоприятным образом на религиозно-нравственном состоянии нашего общества. Мы разумеем замечаемый во всех епархиях весьма ощутимый недостаток не только вполне достойных кандидатов священства, но и вообще людей, которыми можно было бы заместить остающиеся по местам не занятыми священнические вакансии. В прежние времена этот недостаток замечался лишь в отдаленных и малонаселенных епархиях, что же касается епархий центральных и густо населенных, то в них скорее был избыток, чем недостаток в кандидатах на церковные должности. В настоящее время и в сих последних епархиях замечается то же самое явление... По малочисленности оканчивающих курс в казанской духовной семинарии воспитанников преосвященный вынужден рукополагать в сан священника дьяконов, не окончивших семинарского курса, но и этот источник почти иссяк...

«Странник»

Светскому обществу не люба наша богословская литература. Наше время есть время болезненного порывания вперед, недовольства прежним, время отрицания установившихся мнений, будто бы нелепых и несогласных со здравым смыслом. Эта болезненная жажда нового взамен наскучившей старины проявляется в нашем светском обществе и по отношению к нашей богословской науке. Это общество с восторгом слушает всякого залетевшего к нам из дальней стороны религиозного оратора, с наслаждением вчитывается в те места, попадающиеся теперь в книгах нередко, где чем-нибудь стараются уязвить церковь и ее постановления.

«Чтения в Обществе любителей духовного просвещения»

В Саратове 5 ноября происходило открытие епархиального «духовно-просветительного союза», имеющего целью борьбу против социалистических учений. Преосвященный епископ Тихон сказал при этом речь, в которой, сославшись на известный правительственный призыв к русскому обществу, выразил, что «ответом на этот призыв и служит между прочим учрежденный ныне «духовно-правительственный» союз, к участию в котором приглашается все население Саратовской губернии».

«Неделя»

В августе месяце я (протоиерей Д. Богоявленский) отправился в село Богородское. При самом выходе из Богородского в Сокольничью рощу нам встретились три дамы, которые, увидя нас, начали о чем-то беспокоиться... Я понял, что они заражены нелепым предрассудком — бояться встречи со священником. Поравнявшись с нами, они начали поворачивать с дорожки в сторону, чтобы, понятно, не перешел им дорогу...

Оставляя в стороне бессмысленное бросание булавок вслед встретившемуся священнику, заплевания и другие грубости и пошлости, делаемые при встрече с ним, да будет позволено предложить суеверным только один вопрос: за что они ненавидят священников и желают им всего недоброго?

«Миссионер»

150 лет со дня рождения Л. Н. ТОЛСТОГО

БЕССМЕРТИЕ ДЕЛА

Александр НИКИТИН

ПОЖАЛУЙ, НЕ было среди русских революционеров ни одного, кто бы еще в ранней юности не задумывался над смыслом жизни, не размышлял: что такое счастье и судьба, не высказывал отношения к религии, по-своему трактовавшей эти вопросы. Рука об руку с такими людьми в поиске счастья шла великая русская литература, ставившая перед ними назревшие проблемы развития общества, обнажавшая и врачевавшая раны отечества,— Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Толстой, Горький... А многие из тех, кого «разум возмущенный» вел в бой за народное дело, становились героями литературных произведений, сами сочиняли стихи, писали рассказы и повести. К таким людям, твердо верившим в бессмертие дела народного, относится и Петр Заломов.

Галина Петровна Заломова, дочь сормовского революционера, положила на стол передо мной пожелтевшие страницы большого формата.

— Эта рукопись,— сказала она,— сохранилась в нашем семейном архиве. Она написана рукой отца...

Осторожно расправляю хрупкие листы бумаги, густо усеянные рукописными строками, и вижу пометку синим карандашом: «В клинике города Москвы. 1924 год». Начертано рукою автора и название рукописи: «Палата № 11».

— Эта находка,— замечает Галина Петровна,— проливает свет на многие вопросы, в том числе на совершенно ранее не известное отношение Заломова к Льву Толстому и его учению. Рукопись была написана во время поездки отца в Москву зимой двадцать четвертого года.

— Отец приезжал из Нижнего Новгорода?

— Нет, из города Суджи Курской губернии, где наша семья жила с 1906 года...

Знаменосец Сормовской политической демонстрации 1902 года Петр Заломов, ставший прообразом Павла Власова в романе М. Горького «Мать», оказался в Судже, можно сказать, случайно. В 1905 году он бежал из сибирской ссылки, участвовал в Московском вооруженном восстании. После поражения революции Заломов вынужден был поселиться в маленькой захолустной Судже. Там потомственный нижегородский рабочий-металлист оказался в окружении крестьян, в большинстве своем малограмотных, религиозных, забитых нищетой.

— Суджанский исправник,— рассказывает Галина Петровна,— вызвал отца и объявил, что он как бывший ссыльный находится под надзором полиции и не имеет права ни служить, ни торговать. Поэтому вначале никакой постоянной работы отец не имел — заводов и фабрик в Судже не было. Жили на учительский заработок матери. Потом отец занялся садоводством и огородничеством. Это помогло ему близко сойтись с окрестными крестьянами, и он стал осторожно вести среди них пропагандистскую работу...

К революционной пропаганде, которую нижегородец, сообразуясь с обстановкой, вел всю свою жизнь, добавилась в те годы и пропаганда антирелигиозная.

Об этом говорит и автобиографическая повесть Петра Заломова «Петька из вдовьего дома», более полувека пролежавшая в рукописи и только в 1977 году увидевшая свет на родине революционера. Многие ее страницы посвящены критическому восприятию подростком догм православия, а неопубликованный рассказ — спорам между взрослыми людьми о человеческом счастье и цели жизни, о религии и политике, о Льве Толстом — писателе и философе.

Религия и церковь, предстающие сначала на страницах повести, казалось бы, как неизбежные атрибуты забитого нищетою мира, постепенно осмысливаются и переоцениваются, а потом целиком отрицаются главным героем книги. В начале повествования мы видим первоклассника Петьку на первой исповеди в церкви, а в эпилоге книги узнаем, что рабочий, к которому юный Петька определен слесарным учеником, считает несовместимыми веру в бога и революционную борьбу рабочих.

Рассказ Петра Заломова «Палата № 11» переносит нас совсем в другую эпоху, когда сокрушительный натиск революционной бури позади, когда старый мир уже разрушен, а новый еще только нарождается, с трудом залечивая раны. Действие происходит в одной из московских клиник. Люди здесь встретились случайные. Они приехали из разных концов «нэповской» России, в которой недостает дров, керосина, хлеба, не говоря уже об электричестве...

Еще много в жизни имелось неустроенного и нерешенного. Но самое главное, конечно, уже было решено — взят курс на социализм. И это понимали, это чувствовали многие. Люди, еще вчера жившие под гнетом самодержавия, стали уже совсем другими. Они успели пройти первые, самые трудные шаги практической школы революции и гражданской войны.

Сосед Петра Заломова — 22-летний рабочий кожевенной фабрики Григорий, в прошлом политический комиссар на польском фронте и чекист, много раз раненный. В клинике ему ампутируют больную ногу, когда-то простреленную в бою. Но он уйдет отсюда, чтобы «бороться до конца». Бывший боевой командир полка, а теперь счетовод на маслобойном заводишке часто корчится от страшных болей в желудке и мечтает застрелиться. Молодой электротехник из Ташкента сломал ключицу в маленькой дымной кузнице.

А вот — и сам Петр Заломов! Но и он уже не тот богатырь, бесстрашно шагавший со знаменем на штыки царских солдат. Тяжкие годы борьбы, тюрьма и ссылка, наконец, три смертных приговора, вынесенных ему белыми в годы гражданской войны, не прошли бесследно. Ему еще нет сорока семи лет, а товарищи дают за семьдесят, врачи насчитали с десяток болезней. Сложную операцию делали без общего наркоза — иначе не выдержало бы сердце. И здесь снова он одержал победу: за час операции никто не услышал ни единого стона. Непоколебимыми, как и прежде, остались взгляды и железная воля сормовского знаменосца.

Людям, встретившимся в больничной палате, есть о чем рассказать, есть чем поделиться. Они открыто говорят о своих скупых радостях, не скрывают горестей и сомнений. Они яростно спорят, стараясь вместе найти ту самую главную истину, смысл которой — цель жизни. Не все прямым путем шли к верной цели, некоторые оступались, не понимают многого и теперь. Для таких больничная палата стала одновременно местом и духовного, идейного врачевания. И первая роль в этом, бесспорно, принадлежит седобородому Петру Андреевичу Заломову, «старому коммунару», как называют его в клинике.

Обратимся к тексту заломовского рассказа «Палата № 11», вернее, лишь к части его — диалогу старого революционера с молодым рабочим Григорием о своем вступлении в подпольный кружок. Уже в этих деталях безошибочно угадывается биография сормовского знаменосца, хотя изложена она, понятно, в несколько беллетризированном виде, а сам рассказ написан не от первого лица, а от третьего.

«— Мне хорошо! — говорит Григорий. — В этой палате я как дома, здесь нет нэпманов. Очень рад, что рядом со мной старый коммунар, который нес свое знамя десятки лет и донес до конца...

— Постой, постой!..— поднимает руку Андреич.— Мы все вместе несли это знамя!..

Григорий сбивается с мысли, но быстро находится и продолжает:

— Но ведь вы, Андреич, начинали раньше всех нас!.. Расскажите, как начинали?

Андреич задумывается, глубокие складки на его лбу становятся еще глубже.

— Это было давно, тридцать с лишним лет назад,— говорит он.— В пятнадцать лет я уже работал на заводе. И хотя был слесарным учеником, работал как взрослый, за жалкие гроши, не зная ни праздников, ни выходных. Познал сполна, что такое каторжная работа на хозяина...

Анна Кирилловна Заломова, мать революционера. 1902 г.

П. А. Заломов в центральной московской пересыльной тюрьме. 1902 г.

Петр Андреевич с внуками. 30-е годы.

Помрачневшее было лицо Андреича снова оживляется.

— На заводе со мной частенько заговаривал один рабочий. Очевидно, он присматривался ко мне, изучал. И вот однажды, выбрав подходящий момент, без всяких предисловий сказал мне: «Я член тайного политического общества! Мы стремимся организовать рабочих в одну могучую партию, чтобы уничтожить капитализм, уничтожить эксплуатацию человека человеком. Мы хотим, чтобы все привилегии были отменены, чтобы каждый получал по потребностям, а работал по способности. Я принесу тебе «Манифест Коммунистической партии», и ты сразу все поймешь. Но помни, мы не доживем до полной победы. Только наши внуки раздавят мировой капитал, а нас ждут тюрьма, каторга, ссылка. Мы все погибнем, и это неизбежно, ведь бьемся за великое дело — за освобождение и счастье всего человечества. Хочешь ли ты вступить в наше общество?»

— Что вы ответили ему? — спрашивает Григорий.

— Я сказал, что не могу в одну минуту решить важного дела, касающегося всей моей жизни, и что мне надо подумать.

— И что же он?

— Он спросил лишь, сколько мне лет и, когда я ответил, сказал: «В п'ятнадцать я долго не думал...»

— А что было дальше?

— Через две недели я пришел к нему за нелегальной литературой, а, прочитав «Манифест», стал на всю жизнь коммунистом... Такие великие моменты, как переживаемые нами, бывают раз в тысячу лет, и потомки будут нам завидовать. Я уже стар

П. А. Заломов в Сормове в годы Великой Отечественной войны.

Московский скульптор Ирина Короленко работает над бюстом сормовского знаменосца.

и все же в полной мере наслаждаюсь счастьем новой жизни, употребляю в дело остаток своих сил...»

Не все в палате думают так. И разговор, начатый Григорием и Заломовым, продолжают уже другие. В спорах о «сумме человеческого счастья» и его «интенсивности» органично и непринужденно заходит разговор о Льве Толстом, который становится незримым соучастником раздумий этих людей о смысле жизни.

«— Люди никогда не будут счастливыми! — откликается со своей койки запасной комполка.— Наши первобытные прародители, пожирая сырое мясо после долгого голодания, наверное, были счастливее!

— Это почему же? — раздается голос электротехника.

— Обилие потребностей делает человека несчастным. Недаром такой гений, как Лев Толстой, говорил, что наиболее счастливое духовное состояние человека то, в котором находятся крестьяне. Все завоевания цивилизации, все нагромождения культуры,— все эти телефоны, телеграфы, радиотелеграфы, не говоря уже о лесе фабричных труб, отравляющих воздух,— делают человека все менее и менее счастливым...

Электротехник вскакивает с койки:

— Значит, мы должны стремиться к жалкому прозябанию полуобезьян, а не к покорению природы, не к величайшему развитию техники, не к мировой коммуне?

— Вы меня неверно поняли! — горячится комполка.— Я вовсе не отрицаю прогресс. Я только хотел сказать, что сумма человеческого счастья не увеличивается с ростом цивилизации... Мужик, который работает до упаду, наслаждается черным хлебом и квасом не меньше современных Лукуллов, в распоряжении которых все блага цивилизации. А о наслаждении отдыхом и говорить не приходится. Час отдыха после напряженнейшей работы стоит месяцев курорта бездельника-барина. Я уверен, что сумма и интенсивность счастья не возрастают с ростом культуры, а счастлив лишь тот человек, потребности которого сведены до минимума.

— Вы противоречите себе на каждом шагу! — кричит электротехник.— Вас невозможно понять!..

— Вы не хотите меня понять,— не отступает запасной комполка.— Ведь я лишь говорил, что счастье познается в сравнении. Современное человечество не может быть счастливее потому, что слишком резки контрасты между жизнью богатых бездельников и жизнью задавленного непосильной работой трудового люда.

— Нет, я отказываюсь с вами спорить! — горячится техник.— У вас нет никакой логики.

Техник, улегшись на койку, углубляется в польский роман о крестоносцах. А комполка, большой любитель поговорить и поспорить, переносит свое внимание на старого коммунара:

— Как вы думаете, товарищ! Я прав или он?

Андреич отрывает глаза от бумаги и поднимает голову:

— Я писал письмо, но нить вашей мысли, кажется, уловил. Не могу согласиться...

— Но почему же?

— Если вы хотите быть искренним с самим собой, то должны признать, что сумма человеческого счастья все время возрастает. Я считаю, что мы неизмеримо счастливее своих предков уже потому, что можем мыслить и сознательно бороться за изменение социального строя в интересах большинства трудящихся.

— А я нахожу, что способность мыслить как раз и делает человека несчастным! — возражает комполка. — Вот у меня дома больная туберкулезом жена и ребенок, и мысли о них превратили мою жизнь в ад.

— Странные люди вы, интеллигенты! — говорит Андреич. — Я даже представить себе не могу более высокого наслаждения, чем способность мыслить. Быть может, это оттого, что сначала я испытал жизнь вьючного скота, когда моя мысль спала, когда она готова была умереть. Человек, который умеет мыслить, в тысячу раз интенсивнее наслаждается жизнью по сравнению с человеком, поставленным в условия бессловесного существа. Помните чикагские бойни Эптона Синклера? Неважно, что я, как говорится, пороха не изобрел. Но то, что являюсь обыкновенным рабочим, доставляет мне, напротив, большое удовольствие. Это служит мне гарантией, что мы придем к победе в нашей борьбе. Что возможно и достижимо для меня, то возможно и достижимо для всех. Что бы я ни делал, я делаю сознательно, учитывая результаты, которые должны получиться от затраченных мною усилий. В силу этого всякая исполняемая мною работа является творчеством и дает истинное наслаждение. Я непременно увлекаюсь и напрягаю максимум усилий для того, чтобы сделать любую работу с возможным для меня совершенством. Если каждый человек будет относиться к своему труду сознательно, то будет чувствовать себя творцом, и в сумме коллективных достижений человечество будет двигаться быстрее вперед...

Старый коммунар сделал паузу, вытер со лба серебристые капельки пота, сел на койку. Было видно, что речь стоила ему немалых усилий.

— Я не могу объективно построить цепь доказательств,— сказал он.— В моем распоряжении лишь жалкие обрывки знаний. И возможно, мои выводы субъективны, источником их в большей степени является не ум, а чувство. Но скажите с полной искренностью, верите ли вы в то, что отстаиваете? Верите ли, что сумма человеческого счастья не возрастает?

— Я сдаюсь! — говорит комполка. — Но Толстой...

— Вы хотите сказать вместе с Толстым, что счастье возможно и без материальных благ, без материальной базы, что оно должно быть построено на нравственном самоусовершенствовании человечества?

— Позвольте! — кричит комполка. — Но ведь Толстой гениальный писатель. Он поставил перед человечеством множество вопросов. Разве его философия не проникнута любовью к людям, не направлена на их пользу? Разве вы не знаете, что он сам пахал и хотел отдать свою землю крестьянам? Весь цивилизованный мир был погружен в траур, когда он умер. Мировой гений Толстой — гордость России!

Старый коммунар, помолчав немного, твердо говорит:

— Вы правы! Толстой был гениальным человеком. Я восторгаюсь им как художником небывалой силы. Он отразил в своих романах и повестях целую эпоху. Да еще как отразил! Революционная Россия никогда не забудет его обличительные статьи против царизма. Могуществом писательского таланта, небывалой смелостью обличения сильных мира Толстой на деле, может быть, сам не зная того, служил революции. Вот это и есть главное!..

— А я что говорил! — сияет комполка.

— А вы говорили, что он землю пахал! — улыбается Андреич. — Не надо упрощать Толстого.

–Но в чем суть его идейных противоречий? Как вы этого не понимаете? — удивляется старый коммунар.— Скажите, какую роль играют буржуазные экономисты и философы по отношению к пролетариату? Одни из них пытаются «научно» доказать законность и неизбежность капиталистического строя, как высшего порядка развития цивилизации, другие высмеивают и опровергают научный социализм, стараясь убедить, что коммунистический строй — утопия. Понятно, они наши злейшие враги. Понятна и роль духовенства, которое обещает за земные страдания небесное царство. Здесь обман налицо. Если бы такое царство существовало, то господа и алчное духовенство уже давно захватили бы его для себя.

— Это ясно! — кивает комполка.

— Теперь возьмите Толстого. Помните, Ленин назвал его «зеркалом революции». Очень метко назвал! Зеркало и впрямь может отразить в себе все противоречия. Толстой ведь не был человеком односторонним, он действительно сумел отразить все противоречия первой революции, особенно силу и слабость крестьян. Силу — в бунте, слабость — в стихийности. Как мы все знаем, Толстой нападал и на самодержавие, и на войну, и на эксплуатацию. Это, повторяю, он делал правильно! И это мы, подпольщики, использовали. Но справедливость требует сказать и другое. Ненавидя царя и церковь, любя трудовой народ, он в то же время советовал «не противиться злу насилием», а заниматься нравственным самоусовершенствованием, в результате которого наступит благоденствие на земле. Видели ли вы, как бегает белка в колесе? Ее стремление вперед бесполезно: она может бегать до смерти и все же останется на одном месте. В такое же колесо своей религии гениальный старец хотел, вольно или невольно, направить подымающийся пролетариат и трудовое крестьянство.

Бесспорно, Петр Заломов в этом своеобразном рассказе в диалогах специально не задавался целью определить свое отношение к счастью, богу, к Льву Толстому. Нет. Рассказ большой по объему, в нем затрагиваются многие вопросы, волновавшие тогда обитателей клинической палаты. Но рассуждения, пожалуй, наиболее интересны, потому что дают представление о самих принципах подхода Заломова к анализу различных явлений.

Чисто эмоциональное, одностороннее восприятие, скажем счастья и личного опыта, преобладает у комполка. А у Заломова оно непременно выливается в общественное русло, основывается не только на личном опыте, но и на опыте коллективном, социальном по своему характеру. Особенности восприятия счастья революционер связывает не с контрастами жизни и не с цивилизацией вообще, а прежде всего с завоеванием социалистических свобод, с развитием на этой основе творческой личности, осознанного стремления посвятить свою жизнь обществу. Для Заломова счастье — не узко личное дело, а общественное достояние, как и героизм, который он отождествляет с «глубоким социальным инстинктом», окрыляющим человека на самопожертвование. Героизм — не ради честолюбия и корысти, героизм — ради общественного блага! Мысль, глубокая и верная по своей сути, уже не раз становилась руководством к действию в жизни Петра Заломова.

— Отец не любил говорить о своих героических поступках — вспоминает Галина Петровна. — Но если все-таки упрашивали рассказать о первомайской демонстрации, он так передавал события, чтобы все поняли: подвиг его не являлся личным делом и меньше всего он думал тогда о себе. Отец готов был умереть на штыках солдат, лишь бы таким способом как можно сильнее революционизировать многотысячную толпу рабочих, которые еще далеко не все сознательно участвовали в классовой борьбе.

Столь последовательно и целеустремленно Заломов отстаивает свою, в основе научную, точку зрения и в оценке Льва Толстого, с творчеством которого он, бесспорно, был хорошо знаком. Несмотря на несколько резковатую форму суждений (кстати, свойственную автору и в других ситуациях), в целом его выводы верны, передают самую суть вещей. Революционер становится на пролетарскую точку зрения в оценке Толстого, неприемлемость его учения он связывает не только с трудовым крестьянством, а прежде всего с рабочим классом. В связи с этим очень интересно замечание одного из первых русских марксистов Н. Е. Федосеева, относящееся к девяностым годам прошлого века. «К чести графа Л. Толстого, — писал Федосеев, — должен отметить следующий факт: несколько человек рабочих пришли к нему с мучительным вопросом — что делать им в их тяжелом положении; Лев Николаевич подробно расспросил их о фабричном житье-бытье, которое рабочие характеризовали «невозможностью сохранить образ человеческий»; после горячих сочувственных слов Лев Николаевич сказал им: «Боюсь, что мое учение не поможет вам в вашей жизни...»[1].

Итак, «учение не поможет» — то есть не поможет проповедь новой, очищенной религии. Но Толстой помогал другим — своей борьбой с полицейским государством и официальной церковью. И Петр Заломов совершенно справедливо ссылается на революционный опыт использования обличительной публицистики Толстого. Подтверждение тому мы находим в письме одного из корреспондентов «Искры» к В. И. Ленину, написанном как раз в год Сормовской демонстрации, рассеянной вооруженной силой самодержавия. «Ввиду происходящего теперь рекрутского набора — говорится в письме, — Киевский комитет решил издать... «Солдатскую памятку» Л. Н. Толстого, находя, что никто лучше, ярче и проще Толстого не сможет изобразить ту позорную и ужасную роль, какую играет армия как одно из средств порабощения народа... Ввиду того, что настоящая прокламация, если не ошибаемся, первый опыт социал-демократического комитета утилизировать в целях агитации ту громадную художественную, умственную и нравственную силу, какую представляет из себя Толстой... было бы весьма желательно и интересно узнать мнение «Искры» по этому вопросу, узнать, достаточно ли ярко, по ее мнению, подчеркнуты пункты несогласия с Толстым». В конце письма автор высказывал небезынтересную мысль о специфике революционной пропаганды среди религиозно настроенных людей: «Толстовство, надлежащим образом использованное, без искажения принципов социал-демократии, — превосходный переход от Евангелия к «Манифесту»[2].

Может быть, и не совсем точно выражена эта мысль, но одно бесспорно: революционеру, ведущему пропагандистскую работу в религиозно настроенной среде, в частности, в крестьянской массе, надо было досконально знать не только православие, но и «толстовство».

В тридцатые годы Заломов писал директору Литературного музея В. Д. Бонч-Бруевичу: «У меня было несколько писем от известного «толстовца» князя Хилкова, но они пропали во время гражданской войны...» Все это говорит о том, что Петр Заломов изучал Толстого как профессиональный революционер — с целью поставить лучшие его творения на службу народу, а заблуждения — нейтрализовать, опровергнуть и, в конечном счете, увлечь бывших последователей учения Толстого в ряды борющегося пролетариата и трудового крестьянства.

Так оно впоследствии и получилось. В двадцатые годы пожилой крестьянин села Ясная Поляна Тит Иванович Полин на вопрос: есть ли среди яснополянских крестьян так называемые «толстовцы», весело махнул рукой:

— Какой там! Все дочиста отошли, многие даже в коммунисты подались: время теперь такое горячее. У нас на 100 дворов — 28 коммунистов, да еще и комсомольцы есть[3].

Споры вокруг Толстого велись в течение полувека. Споры были яростные. Они, как видим, дошли и до палаты № 11, дошли до 1924 года. Кстати, в том году впервые были собраны вместе и изданы вновь все статьи Ленина о Толстом. С приходом Советской власти интерес к Толстому, как и ожидал Владимир Ильич, не угас, а разгорелся с новой силой. В 1928 году в нашей стране широко отмечался столетний юбилей со дня рождения писателя, вызвавший множество восторженных откликов, а порой и недоуменных вопросов со стороны рабочих, крестьян и красноармейцев. Отвечая на них в «Правде», революционер-ленинец А. И. Свидерский писал в те дни: «Все эти вопросы, задаваемые в большом количестве на митингах и в письмах, являются в высшей степени знаменательными. Они свидетельствуют о том, что в широких слоях рабочего класса и крестьянства за последние годы произошли колоссальные сдвиги. Трудящиеся стали горячо и по-своему отзываться на такие явления жизни, которые еще не так давно были предметом внимания лишь немногочисленных кругов интеллигенции...»[4]. Об этом же красноречиво говорит и заломовская «Палата № 11».

Обостренное пролетарское чутье, классовый подход характерны для Петра Заломова не только по отношению к Льву Толстому и его учению, но и к религии вообще. Интересно в этом плане аллегорическое стихотворение Петра Заломова «Рабочий и бог», написанное в 1923 году и публикуемое здесь впервые:

И рабочему в гости бог старый зашел:
«Знать, плохо тебе жить, бедняга?
Забыл ты меня и из церкви ушел.
Дала ль тебе счастье отвага?
Ты вспомни, я мир для тебя сотворил.
Пришлось мне шесть дней потрудиться,
Душою бессмертной тебя одарил.
Ты должен всю жизнь мне молиться!»
«Здорово!.. Из всех своих сил
И я новый мир строю тоже —
Все руки в мозолях. А ты их набил?..

В этом стихотворении Петр Заломов сознательно не идет по пути традиционного в подобной ситуации низвержения бога с небесных высот. Наоборот, он разрешает богу самому спуститься на землю, чтобы посочувствовать рабочему, напомнить о бессмертии души. Но бог застает совсем другого рабочего — созидающего свой новый мир. И подобно тому, как вчера он уже прогнал хозяина-капиталиста, прогоняет буржуазного бога. И прогоняет его не с заоблачных высот, а с земли, на которой теперь есть настоящий хозяин жизни.

Для рабочего — собеседника бога — бессмертие общего дела дороже бессмертия собственной души. Когда ученик нижегородского уездного училища Заломов задумался над этим впервые, он еще не решался навсегда отказаться от бога, потому что вместе с ним должна была рухнуть и его вера в бессмертие души, чем мальчик очень дорожил: «Мысль исчезнуть бесследно казалась Петьке особенно нетерпимой, он хотел жить вечно». Революционер Петр Заломов раз и навсегда понял: бессмертие человека — не в молитвах, а в бессмертии того великого дела, которому отданы силы и жизнь!

---

[1] Н. Е. Федосеев. Статьи и письма. М., 1958, стр. 130—131.
[2] «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900 — 1903 гг.», т. 2. М., 1969, стр. 407.
[3] «Правда», 14 сентября 1928 г.
[4] «Правда», 11 сентября 1928 г.

В. ПОРУДОМИНСКИЙ

„Лучшая картина, которую я знаю"

ПОРТРЕТ

Печальная слава «неудачного» прочно закрепилась за написанным Николаем Александровичем Ярошенко портретом Л. Н. Толстого с того самого дня, когда портрет этот впервые предстал перед зрителями на Передвижной выставке 1895 года... «Ничего от великого писателя и моралиста», — заметил один из рецензентов и тут же указал причину «неудачи»: «реализм в приемах». В этом суждении немалая доля истины. Почти позабытый портрет никак не заслуживает отрицательной оценки, но Лев Толстой на холсте — действительно не «великий» в том расхожем представлении, какое часто связывается с этим определением, и виноват в этом действительно «реализм в приемах». Можно утверждать, что портрет поэтому и не понравился, что на первом впечатлении сразу сказалось разочарование — не тот Лев Николаевич, каким зрители его себе представляли и (что не менее важно) каким хотели его себе представлять.

Даже признавая сходство портрета с оригиналом, критики не умели скрыть разочарования: почему «не библейский пророк», почему просто «здоровый старик с проницательными глазами»? В самом деле, ничего от великого моралиста, ничего от пророка, учителя жизни, классика: на портрете — старый, усталый человек, умудренный жизнью, но не нашедший мира ни в мире, ни в собственной душе, не успокоенный, напротив — огорченный и неудовлетворенный тем, что творится вокруг. Человек, вопреки общему мнению, не нашедший ответа на главные вопросы жизни. Человек, написанный с уважением, но без преклонения перед «пророком» и «учителем».

Портрет был создан весной 1894 года... Девятью годами раньше В. Г. Чертков (один из ближайших единомышленников Толстого) после встречи в Петербурге с Крамским и Ярошенко сообщал Льву Николаевичу, что оба художника находятся «в петербургском настроении, т. е. отвлеченном и враждебном тому, в чем для нас все значение жизни...»

«Петербургское настроение» — термин, понятный ближайшему окружению писателя. Еще двенадцатью годами раньше, рассказывая в письмах знакомым, что в Ясную Поляну приехал художник Крамской и пишет с него портрет, Толстой прибавлял: «Для меня же он интересен, как чистейший тип петербургского новейшего направления... Я же во время сидений обращаю его из петербургской в христианскую веру...» «Петербургское настроение» (или «направление») Ярошенко, не приемлющее толстовского учения, остается неизменным. В пору работы над портретом он бескомпромиссно спорит с В. Г. Чертковым, доказывая неправомочность «ограничивать задачу искусства одною моралью и педагогической стороной», утверждая, что задача художника помочь людям «бодро и энергично участвовать» в решении выдвигаемых жизнью задач.

Слова Ярошенко во многом противоречат требованиям, которые предъявлял к искусству Толстой, но в полной мере соответствуют его художественной практике. В послесловии к рассказу Чехова «Душечка» Толстой писал о том, что правда жизни и правда искусства уберегают настоящего поэта-художника от назидательности, предвзятости, иллюстративности: нередко он «хочет проклинать и вот благословляет». Что до самого Толстого, то не реже, пожалуй, он намеревался «благословить» — но проклинал.

В рассказе «Свечка» лютого приказчика победил тихий мужик, который не гневался, не отвечал на зло злом, покорно

пахал и пел «тонким голосом». Но Толстой гневался: он убил злого приказчика и описал его смерть с жесточайшими подробностями. Чертков просил его придумать другой, «добрый» конец. Толстой было и придумал, да тут же отказался от него: «добрый» конец «не может годиться», иначе вся история будет фальшивою. Толстой не умел петь «тонким голосом».

В те дни, когда писался портрет, Толстой глубоко, мучительно размышляет над острейшими, злободневными, для него неразрешимыми вопросами действительной жизни. Во время сеанса он диктует письмо немецкому экономисту Б. Эйленштейну: «исключительное право на землю людей, не работающих на ней и лишающих доступа к ней сотни и тысячи бедствующих семей, есть дело прямо столь же злое и подлое, как обладание рабами», но «правительство и правящие классы, зная, что с земельным вопросом связано их выгодное и преобладающее положение в обществе... делая вид, что они озабочены благом народа... старательно игнорируют вопрос земельный».

В те же дни Толстой хлопотал о создании биографии одного из своих последователей. Герой ее должен был «стать образцом для жизни». Тем замечательнее совет (даже установка!), который Толстой дает будущему автору биографии: «не забывать элемент человеческий». Он не верит, что на людей способно сильно подействовать «описание святого без слабостей». В этой установке — торжество «реализма в приемах», за который упрекали портрет, написанный Ярошенко, те, кто ожидал увидеть на холсте канонизированного Толстого, святого без слабостей, и который роднит искусство Толстого и искусство Ярошенко.

Портрет Л. Толстого, 1894 г.

«Всюду жизнь». 1888 г.

Автопортрет.

Толстой ищет также возможность опубликовать свою антивоенную статью «Тулон», в которой доказывает «безумие милитаризма» и гонки вооружений, утверждает, что военные приготовления правительств противостоят интересам большинства людей на земле.

В дни, когда писался портрет, Толстой озабочен и опечален, душевное спокойствие утрачено. Мир в душе (да и был ли он когда-либо?) «отравлен» отсутствием духовной близости с детьми, энергичной «заботой» Софьи Андреевны о том, чтобы детей не коснулась «эта зараза» — то есть его учение. Главное же, уясняя себе положение свое и своих последователей — людей близких по духу, по мировоззрению, Толстой как всегда беспощадно правдив: «Приготовились к делу, к борьбе, к жертве, а борьбы и жертвы и усилий нет, и нам скучно».

Все это — при том «реализме в приемах», который исповедовал Ярошенко, — не могло не перейти на холст.

КАРТИНА И ТОЛСТОЙ

В главе о Ярошенко, написанной для книги «Московская городская галерея П. и С. Третьяковых» (М., 1909), известный критик Сергей Глаголь, касаясь картины «Всюду жизнь», отметил: «Ярошенко был в это время под сильным впечатлением идей Л. Н. Толстого, очень увлекался мыслью о том, что любовь есть основа жизни и что жизнь всегда там, где есть любовь. Он даже намеревался дать картине название «Где любовь, там и бог».

Пожалуй, именно с этого времени в литературе стало встречаться утверждение о влиянии толстовского учения на замысел картины. Художник И. С. Остроухов, человек близкий и Ярошенко, редактируя текст Глаголя, на полях только что процитированных строк оставил помету карандашом: «Верно ли это?» Глаголь на помету внимания не обратил (или не за-

хотел обратить). Но никаких собственных источников при составлении биографии Ярошенко у Глаголя, как показывает изучение его архива, не было. Возможно, он знал что-то понаслышке, не исключено, что запамятовал или неверно понял то, что слышал.

В книге «Памятные встречи» Ал. Алтаев (псевдоним писательницы М. В. Ямщиковой) рассказывает, как в 1888 году приняли картину «Всюду жизнь» первые зрители:

«Первая встреча была пышная, многолюдная, полная горячих слов и восхищений.

— «Всюду жизнь» — ведь в этом символ...

— Заметьте, женщина в своей невыносимой скорби находит великое чувство любви к божьей пташке... «Где любовь, там и бог...»

— Ну, запахло толстовщиной!

В толпе сдержанный смешок.

— Гораздо глубже надо подойти, психологичнее... Здесь выражение социальной психологии, понимаете...»

Суть воспроизведенного Ал. Алтаевым диалога в том, что «ярошенковская публика», зная художника, встречает насмешкой предположение, будто автор героического «Заключенного», огненного «Кочегара» — первого в русской живописи заводского рабочего, «Студента», «Курсистки» мог свести смысл картины к формуле «Где любовь, там и бог». В его картинах надо искать «социальную психологию», к ним «глубже надо подойти».

Впрочем, ведь и к Толстому надо «глубже подойти», а не так, что раз «Где любовь, там и бог» — значит «запахло толстовщиной». Рассказ с таким названием Толстой написал за три года до появления картины Ярошенко. Он хотел проиллюстрировать стих евангелия о том, что делающий добро людям делает добро богу. Но творит добро у Толстого бедный сапожник из подвальной каморки, жена и дети у сапожника все померли. Сапожник согревает старого солдата-инвалида, дает приют бездомной женщине с ребенком, спасает от побоев и полиции, от объявления «преступником» голодного мальчонку, укравшего яблоко с лотка. В притче, написанной Толстым, из-за стихов евангелия поднимается и выпирает живая, без прикрас, жизнь.

Любопытное свидетельство оставила писательница Стефания Караскевич-Ющенко: сначала Ярошенко предполагал назвать картину «Чем люди живы», «так как первую мысль о ней навеял рассказ Толстого». Пренебречь свидетельством С. Караскевич нельзя: она участвовала в работе над картиной — с нее написана женщина с ребенком. Свидетельство осторожное: речь не о «сильном впечатлении» от идей Толстого — рассказ лишь навеял первую мысль о картине.

Рассказ «Чем люди живы», тоже напечатанный во имя пропаганды учения, привлекает образами простых людей, их словами и поступками, их взглядами на жизнь и отношением друг к другу, множеством реальных — нередко жестоких — подробностей. Рассказ пленяет изображением высочайшей нравственной силы простого народа. Настоящий художник, Толстой, как всегда, ломал рамки «задачи».

Не исключено, что на замысел Ярошенко повлияли (навеяли первую мысль о картине) рассказы Толстого, в их числе и рассказ «Чем люди живы». Не исключено, что рассказ этот повлиял на замысел более, нежели какой другой. Но влиял на Ярошенко художник Толстой, а не толстовство. В ту пору, когда Толстой, ради проповеди учения, решил отказаться от художественного творчества, Чертков, сопоставляя впечатление, произведенное на читателей рассказом «Чем люди живы» и статьей «Так что же нам делать?», вынужден был признать, что «те же мысли, те же чувства в образах, в притчах» действуют сильнее формулировок. Тогда же Чертков писал Толстому о беседе с Ярошенко, который, выступая против ограничения задач искусства одной моралью, «доказывал, что и прежде Вы писали для всех, так как, действуя на культурный слой, Вы действовали косвенно и на народ».

Толстой утверждал: «Я человек, весь занятый одним очень определенным вопросом, не имеющим ничего общего с оценкою современных событий: именно вопросом религиозным и его приложением к жизни». Но приложение к жизни «очень определенного вопроса» делало Толстого человеком весьма современным, поворачивало его к современным событиям, требовало их оценки, а художническая мощь Толстого превращала его творения в «замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши»[1].

...За решеткой тюремного вагона Ярошенко собрал людей всех возрастов и сословий: бородатый крестьянин, солдат, рабочий, женщина с ребенком и в глубине вагона, у противоположного окна, спиной к зрителям, — политический (художник написал его в позе своего же «Заключенного», задумчиво глядящего в окно, и тем подсказал зрителям, кто это).

Зрители подчас принимались додумывать прошлое героев картины, сочиняли «истории», приведшие за решетку женщину с ребенком или бородатого крестьянина. «Истории» обычно соответствовали выстраданному народному представлению об арестантах как о «несчастных»: преступники, а не виноваты, не злой умысел — жизнь довела, искалечила, потому что «такая» жизнь!..

Некоторые критики упрекали Ярошенко в идеализации изображенных лиц. Один из критиков писал: «За решеткой вы увидите святое семейство: мадонну, худую и бледную, держащую на коленях младенца Спасителя с простертою для благословения ручкой и возвышающуюся позади фигуру лысого Иосифа...» «Но как же это святое семейство за решетку-то попало?» — иронизировал критик. И задавал, иронизируя, самый важный вопрос. Картина может показаться идеализированной, сентиментальной, если взглянуть на нее вполглаза, не увидеть, не почувствовать главного, разглядеть только, что люди, упрятанные за решетку, тоже способны умилиться, если вопроса — а как эти люди за решетку-то попали? — не задавать.

Через два года после картины «Всюду жизнь» Чехов совершил свое знаменитое путешествие на Сахалин, чтобы с цифрами и фактами в руках доказать жестокость и бессмысленность того, что одни люди присвоили себе право распоряжаться свободой и жизнью других людей в стране, где нет ни права, ни свободы.

Народное представление о «несчастных» арестантах рождалось несправедливостью общественного уклада. Понимание этой несправедливости в свою очередь рождало отношение к жертвам царского суда как жертвам произвола.

Образы Ярошенко — воплощенная реальность, а не дешевые аллегории, не бутафория, сочиненная для искусного выражения некой мысли или тезисов некоего учения. Символика картины — обобщенная реальность. Реальность, поднятая до символа. Арестанты и вольные птицы — тема не только песенная: рассказы о птицах, подлетавших к тюремным окнам, ходили устно, попадали на страницы книг и на газетные полосы. Во дворе петербургского тюремного замка стояла издавна построенная голубятня, голуби прилетали к окнам и кормились насыпаемыми из-за решеток крошками. Ребенок в тюремном вагоне во времена Ярошенко тоже не редкость. Женщины с детьми — частые обитательницы каторги и ссылки. Толстой в «Воскресении» рассказывает, как отправляется по этапу партия арестантов: «Некоторые из женщин несли грудных детей за полами серых кафтанов. С женщинами шли на своих ногах дети, мальчики и девочки. Дети эти, как жеребята в табуне, жались между арестантками».

В предисловии к сочинениям Мопассана Толстой приводит (не называя имени художника) свой разговор с Репиным о его картине «Крестный ход в дубовом лесу»: художник уклонился от ответа на вопрос, считает ли нужными изображенные им обряды, сочувствует им или ненавидит их, объясняя, что его дело изображать жизнь. Толстой же видел одно из «необходимых условий для истинного художественного произведения» — в «непритворном чувстве любви или ненависти к тому, что изображает художник». В этом плане замечательны слова Крамского о Ярошенко: «Вы думаете, что Ярошенко не мог бы написать иначе. Мог бы, если бы захотел, но в том-то и дело, что он не сможет захотеть».

Смелое обращение художника к тревожащим мысль и чувство зрителя явлениям действительности, открытое выявление им своей позиции, понятной миллионам зрителей, сделали «Всюду жизнь» одной из популярнейших картин русской живописи. Ленин, рассматривая репродукцию с этой картины, хорошо ему знакомой, произнес слова, содержащие определение творчества Ярошенко: «Прекрасный психолог действительной жизни»[2].

ТОЛСТОЙ И КАРТИНА

14 марта 1889 года Толстой записал в дневнике: «Пошел к Третьякову. Хорошая картина Ярошенко «Голуби» (примечательна ошибка в названии: г о л у б и с первого же взгляда на

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 209.

[2] Воспоминания М. В. Фофановой. «Исторический архив», 1956, № 4, стр. 171.

картину становятся для Толстого ее «опознавательным знаком»).

Отныне Ярошенко — один из любимейших художников Толстого. «По моему мнению, все же лучшей картиной, которую я знаю, остается картина художника Ярошенко «Всюду жизнь» — на арестантскую тему», — заметил Толстой несколько лет спустя.

Объясняя однажды в беседе, как должен действовать на зрителя художник, Толстой опять-таки вспомнил «Всюду жизнь»: «Видели ли вы картину Ярошенко — арестанты смотрят из-за решетки тюремного вагона на голубей? Какая чудная вещь! И как она говорит вашему сердцу! Вам жалко этих бедняков, лишенных людьми по недоразумению света, воли, воздуха, и этого ребенка, запертого в вонючий вагон...» В этом «по недоразумению» слышатся отзвуки «Воскресения».

В 1897 году к Толстому приехал молодой французский журналист Андре Бонье, напечатавший затем серию очерков «Неделя в Москве. Вблизи Толстого». Со слов Толстого, в очерках пересказываются некоторые положения его учения. Учение это, писал Бонье, «не имеет никаких мистических оснований, и, по уверениям Толстого, оно выросло непосредственно из реальности... Нравственное учение Толстого реалистично, как реалистична современная русская живопись. Репин и Ярошенко так же, как и Толстой, считают... что цель искусства выразить те истины, которые провозглашает действительность, а нравственное учение указывает, как переустроить жизнь в соответствии с этими истинами...»

Параллель с русской живописью, обнажающей явления жизни и тем указывающей на острую необходимость ее переустройства, — очень знаменательна. Знаменателен и выбор художников (тоже со слов Толстого): Репин и Ярошенко.

Через несколько лет в Париже вышла книга Андре Бонье «Заметки о России». Сопоставление учения и творчества Толстого с современной ему русской живописью дано в ней более развернуто. Упомянут Ге, утверждавший в своей живописи христианство не как мистическую, религиозную, а как реальную нравственную доктрину. «Тюремные сцены, так часто встречающиеся в новейшей русской живописи», упомянуты в связи с самыми мрачными страницами «Воскресения». В качестве ярчайшего примера такой «тюремной сцены» приводится «Всюду жизнь».

Толстой начал работу над «Воскресением» в декабре 1889 года — через год с небольшим после появления на выставка ярошенковской картины. Однако нынешнее начало романа сложилось во время работы над второй его редакцией, завершенной шесть лет спустя. Хотя первые страницы «Воскресения» написаны после картины Ярошенко, они помогают понять, в какой степени и в каком направлении влияла на художника сформулированная в образах мысль Толстого и как воздействовали на творчество того и другого явления действительности. Первые строки романа — о прекрасном весеннем утре, которому радовались птицы, растения, насекомые, дети, и о больших, взрослых людях, для которых «священно и важно» было не это весеннее утро, а потребность «властвовать друг над другом», «обманывать, мучить себя и других», — звучат как своего рода эпиграф к картине Ярошенко.

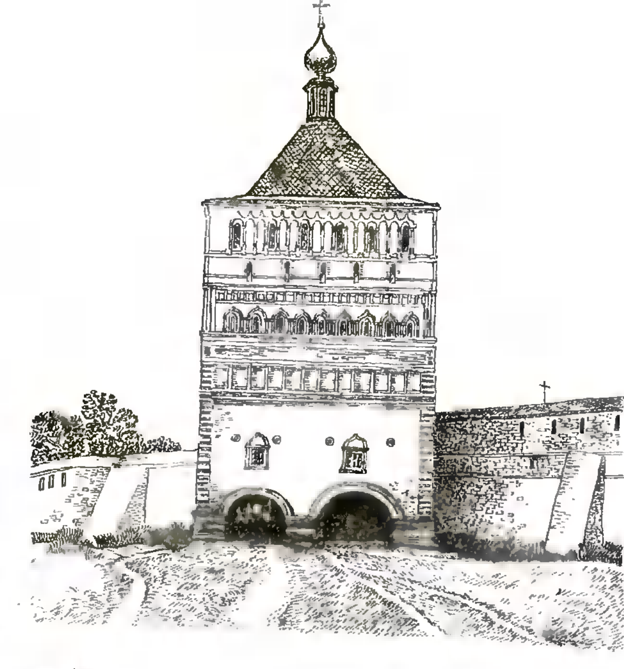
Но похоже, и Толстой, когда писал эти строки, не забывал ярошенковскую картину. Вот Катюша Маслова, накинув на голову платок (платок «мадонны» на картине Ярошенко был особо замечен зрителями и критикой), выходит из острога на свежий весенний воздух: «Проходя мимо мучной лавки, перед которой ходили, перекачиваясь, никем не обижаемые голуби, арестантка чуть не задела ногою одного сизяка; голубь вспорхнул и, трепеща крыльями, пролетел мимо самого уха арестантки, обдав ее ветром. Арестантка улыбнулась и потом тяжело вздохнула, вспомнив свое положение...»

Толстой писал в «Воскресении»: «Узнав ближе тюрьмы и этапы, Нехлюдов увидел, что все те пороки, которые развиваются между арестантами... — не суть случайности или явления вырождения, преступного типа, уродства... Нехлюдов видел, что людоедство начинается не в тайге, а в министерствах, комитетах и департаментах и заключается только в тайге; что ...всем тем судейским и чиновникам, начиная от пристава до министра, не было никакого дела до справедливости или блага народа».

Эти выводы писателя читаются как толстовский подтекст картины «Всюду жизнь», толстовский ключ к ней. Толстовский не от толстовства («толстовщины»), но от Т о л с т о г о, беспощадного, правдивейшего обличителя, исполненного любви к людям и веры в человека.

Призрак монастырского застенка

Александр ШАМАРО

НА ОКРАИНЕ СУЗДАЛЯ, НА ВЫСОКОМ и обрывистом берегу речки Каменки, высятся мощные, 12-башенные стены старинной крепости — Спасо-Евфимиевского монастыря, основанного в середине XIV века. Много бед претерпела за долгие века древняя иноческая обитель: разоряли ее казанские татары, выжигал опустошительный пожар. В 1767 году по воле самой «матушки-государыни» Екатерины II монастырь получил новое предназначение — стал, так сказать, «по совместительству», тюрьмой для лиц, «виновных в преступлениях против веры».

Мрачное прошлое Спасо-Евфимиевского монастыря предстает ныне перед глазами бессчетных посетителей города-музея в экспозиции, открытой недавно в стенах бывшей обители. Обличители крепостнического рабства и самодержавно-помещичьей государственности, участники народных бунтов и восстаний заживо сгнивали в каменных мешках вместе с предводителями старообрядческого раскола и иных антицерковных, «еретических» учений.

В этой впечатляющей экспозиции мы могли бы увидеть и изображение Льва Толстого. Призрак монастырского застенка возник над ним в начале 90-х годов прошлого века...

В 1891 году жесточайшее народное бедствие охватило центральные губернии России — недород и голод. Через три десятилетия после «освобождения» крестьян в 1861 году стихии природы в который раз проявили со всей ужасающей очевидностью грабительский характер царизма: наиболее плодородные земли были отданы помещикам, русская деревня обречена на обнищание, разорение и постепенное вымирание. Передовая общественность ударила в набат, призывая без промедления оказать помощь миллионам крестьян — собирать пожертвования, везти зерно, открывать бесплатные столовые в голодающих селах.

Борьбе с народным бедствием отдал всего себя 63-летний Лев Толстой. Осенью 1891 года он объехал деревни нескольких уездов в Тульской и Рязанской губерниях и на следующий же

день после возвращения домой сел писать статью «О голоде». Ею Лев Николаевич надеялся привлечь внимание самых широких слоев населения к великой беде, увеличить приток пожертвований.

Но напечатать статью в России не удалось: ноябрьская книжка журнала «Вопросы философии и психологии» с этой статьей была арестована властями по распоряжению цензуры.

Лев Николаевич узнал об этом, находясь в рязанской деревне Бегичевке, где он решил поселиться, чтобы иметь возможность оказывать непосредственную, реальную помощь гибнущим от голода крестьянам. Благодаря ему были открыты бесплатные столовые во многих окрестных деревнях. Когда Толстому стало известно об изъятии цензурой статьи «О голоде», он решил предложить ее иностранным газетам, чтобы собрать за границей средства для помощи бедствующим.

И вот в январе 1892 года статья Толстого появилась на страницах одной из английских газет. Об этом сразу же проведали в редакции верноподданнических «Московских ведомостей». Ее сотрудники быстренько перевели на русский самые, по их мнению, крамольные места и напечатали их на первой полосе номера за 22 января 1892 года, сопроводив публикацию редакционным комментарием, который нельзя было назвать иначе, как печатный донос на «подстрекателя и бунту»:

«Граф Толстой задается «самоважнейшим вопросом», понимают ли сами крестьяне серьезность своего положения и необходимость вовремя проснуться и самим предпринять что-нибудь, ввиду того, что никто другой им помочь не может...»

О чем же писал Лев Толстой в этой знаменитой статье? Пафос ее совершенно ясен; по существу, это пафос революционного обличения всего общественного и государственного устройства царской России:

«Народ голоден оттого, что мы слишком сыты... Зачем скрывать то, что мы все знаем, что между нами, господами, и мужиками лежит пропасть? Есть господа и мужики, черный народ...

Зачем обманывать себя? Народ нужен нам только как орудие. И выгоды наши (сколько бы мы ни говорили противное) всегда диаметрально противоположны выгодам народа».

«...Наше богатство обусловливается его бедностью, или его бедность нашим богатством... Все ясно и просто, особенно ясно и просто для самого народа, на шее которого мы сидим и едем...»

И представители правящего класса, политические и идеологические «стражники» его устоев, интересов и привилегий сразу же — и в этом надо отдать им должное — поняли, нутром своим почувствовали дух толстовской статьи и всю ту опасность, которую несли им ее разящие строки.

«Пропаганда графа, — потрясали кулаками сотрудники «Московских ведомостей», — есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, пред которой бледнеет даже наша подпольная пропаганда... Граф открыто проповедует программу социальной революции, повторяя... фразы о том, как «богатеи пьют кровь народа, пожирая все, что народ имеет и производит».

После Октябрьской революции были изданы дневники многих «столпов» России, содержащие массу любопытных фактов и свидетельств. Среди них были и дневниковые записи генеральши А. В. Богданович (хлебосольной хозяйки одного из самых модных салонов Петербурга) и В. Н. Ламздорфа (тогдашнего первого советника при министре иностранных дел, а затем — главы внешнеполитического ведомства).

«Подкладка этого письма вполне социалистическая, — записала мадам Богданович 29 января 1892 года о статье Толстого. — Говорят, будто это письмо написано нигилистом Крапоткиным»[1].

В. Н. Ламздорф, в отличие от великосветской генеральши, был человеком образованным, к тому же питал глубокое уважение к писателю. 23 января 1892 года он в следующих словах подытожил свои впечатления от статьи Толстого: «Это квинтэссенция социализма, но отнюдь не христианского социализма, основывающегося на любви и сострадании».

Что верно — то верно...

Пафос толстовской статьи был верно понят и по другую сторону баррикад — в среде революционного движения.

«Прокламации, захваченные на днях, — отметил Ламздорф 31 января, — находились в прямой связи с мыслями, высказанными Толстым. Это доказало действительную опасность письма»[2].

Растерянность, испуг, ярость... Трудно сказать, какое из этих чувств преобладало в те далекие январские дни в смятенных душах «благонамеренных людей», начиная от высших сановников и титулованных тузов придворной камарильи. И вот тогда, в петербургских кабинетах (надо полагать, в первую очередь в аппартаментах министерства внутренних дел и святейшего синода) — зародился зловещий план заточения великого писателя в Суздальский монастырь-тюрьму.

Л. Н. Толстой со своими помощниками во время голода 1891 г., с. Бегичевка.

Об этой — к великому счастью неосуществленной — угрозе, нависшей над Толстым, мы знаем, в частности, из воспоминаний его родственницы — двоюродной тетки, графини Александры Андреевны Толстой, фрейлины при дворе Александра II и Александра III. Лев Николаевич долгие годы поддерживал с ней дружеские отношения, вел обширную переписку, изданную потом отдельной книгой.

13 лет спустя А. А. Толстая сообщила: Л. Н. Толстого хотели заточить «в Суздальский монастырь, без права писать; то есть, ему стали бы отпускать бумагу в ограниченном размере, — при том непременном условии, что новое количество он будет получать лишь по возвращении (исписанным) того, что было отпущено ему ранее»[3].

Об опасности этой знал кое-кто из ближайшего окружения писателя. «Говорили, что был даже составлен проект о заточении Льва Николаевича в Суздальский монастырь, — писала молодой врач Вера Величкина, работавшая вместе с Толстым в голодающих деревнях.— Сам Лев Николаевич все время оставался совершенно спокойным. Софья Андреевна (жена Л. Н. Толстого. — А. Ш.) поехала в Петербург хлопотать о том, чтобы отвести грозу»[4].

Гроза прошла мимо. И отнюдь не потому, что власти проявили великодушие или уважение к национальной гордости русского народа. И «трон», и слуги его не могли не понимать, что молнии этой грозы поразили бы их самих.

30 января 1892 года министр внутренних дел И. Н. Дурново во «всеподданнейшем докладе» Александру III подчеркнул, что статья Толстого может быть приравнена «к наиболее возмутительным революционным воззваниям».

---

[1] Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.-Л., 1924, стр. 149.
[2] В. Н. Ламздорф. Дневник. 1891—1892. М., 1934, стр. 248, 261.
[3] «Вестник Европы», 1905, № 4, стр. 616.
[4] «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. 1. М., 1960, стр. 524.

Доклад был сочувственно выслушан, но хода ему сочли за благо не давать.

Эпизод, связанный со статьей Толстого, интересен для нас с нескольких точек зрения. Он еще раз напомнил о том, какую постыдную роль — рясоносного «корпуса жандармов» — играла православная церковь в самодержавной России. Он еще раз раскрыл перед всей Россией, перед всем просвещенным миром великое духовное и гражданское мужество гениального русского писателя, его беспредельную любовь к трудовому народу, к горемычному русскому мужику. Наконец, этот эпизод еще раз подчеркнул непреложную истину: главным противником так называемого «толстовства» на деле был сам Лев Толстой с его боевым темпераментом страстного политического бойца и огнеметного обличителя. В одно время с работой над религиозно-нравственной проповедью с «непротивленством» в сердцевине ее Толстой создал статью, несущую в себе мощный революционный заряд. И в высшей степени примечателен в этом смысле упрек, брошенный Софьей Андреевной мужу в одном из писем тех тревожных дней: «Погубишь ты всех нас своими задорными статьями, где тут любовь и непротивление?»

Толстой прекрасно видел, что общественный и государственный строй тогдашней России основан на социальном паразитизме, и поэтому он не имеет права на существование.

В осенние дни 1891 года, когда в уме Толстого вызревали мысли, высказанные потом в статье «О голоде», он записал в дневнике: «Неужели люди, теперь живущие на шее других, не поймут сами, что этого не должно и не слезут добровольно, а дождутся того, что их скинут и раздавят?»

Дождались...

О чем писали русские газеты и журналы в ноябре 1878 года

Из Кобелякского уезда (Полтавской губернии). В одной из деревень наших крестьяне начали употреблять для освещения керосин. Вообще, как кажется, керосин мало еще употребляется крестьянами в Малороссии, все больше «каганцем» светят. Священник в церкви произносит проповедь, в которой убеждает мужиков бросить керосин, потому что это «чертово сало». Черт, изволите видеть, провалился на Кавказе сквозь землю и, должно быть, сгнил под землею до тла, оставивши только свой жир, служащий освещению... Крестьяне вняли голосу своего пастыря и бросили употребление «чертова сала».

«Неделя»

«НИКОГДА НЕ БУДУ РАСКАИВАТЬСЯ, ЧТО ПРИЕХАЛ НА КАВКАЗ...»

О. БАКАНИДЗЕ,
доктор филологических наук,
профессор

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Льва Николаевича Толстого была тесно связана с Кавказом, с Грузией. По свидетельству одного из его биографов, «Грузию Толстой всегда вспоминал с большой любовью. Здесь написал он «Детство» и «Отрочество»... имел друзей».

Лев Николаевич вместе с братом Николаем поехал на Кавказ в апреле 1851 года. Не исключено, что его раздумья нашли отголосок в мыслях Оленина из «Казаков», считавшего, что «теперь, с выездом его из Москвы, начинается новая жизнь, в которой уже не будет тех ошибок, не будет раскаяния, а, наверное, будет одно счастье».

Военная часть, где Николай Толстой служил офицером, была расквартирована в станице Старогладковской, и братья в первую очередь направились туда. Лев Николаевич как волонтер отличился в боях. На его храбрость обратил внимание генерал Барятинский и посоветовал поступить на военную службу. Толстому это предложение пришлось по душе. Он едет в Тифлис, где поступавшие на военную службу сдавали экзамены. Военно-Грузинская дорога и величавая природа Грузии привели его в восторг. В селении Казбеги будущий писатель в сопровождении нескольких грузин поднялся на вершину горы — в монастырь Цминда-Самеба («Святая Троица»), который в свое время вдохновил А. С. Пушкина на стихотворение «Монастырь на Казбеке».

В Тифлисе Толстой остановился в немецкой колонии. В это время в городе имелись грузинский и русский театры, была итальянская опера, выходили грузинский журнал «Цискари», русские газеты «Закавказский вестник», «Кавказ»... Толстой вспоминал о «русском театре и итальянской опере, которыми я пользуюсь, насколько мне позволяют мои скудные средства». «Тифлис — цивилизованный город, подражающий Петербургу, иногда с успехом, общество избранное и большое», — писал он. «Грузины и умные, и добрые», «Это — прекрасный народ». Жизнь он вел здесь довольно замкнутую. В числе его знакомых были князья Барятинский и Багратиони, оказавшие ему содействие в определении на военную службу.

И люди, и романтическая природа пробудили в Толстом желание творческой работы. «Помню, добрая, добрая тетенька, что когда-то вы посоветовали мне писать романы, — пишет он из Тифлиса Ергольской, — так вот я послушался вашего совета — мои занятия, о которых я вам говорю, — литературные. — Не знаю, появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет работа эта, да к тому же я так давно и упорно занят, что бросить не хочу». Он увлеченно пишет «Детство».

В другом письме Толстой пишет: «Я твердо решил остаться служить на Кавказе». Он был зачислен в 4-ю батарею 20-й артиллерийской бригады. Тут он познакомился со многими интересными людьми, в том числе с будущим генералом артиллерии, другом известного грузинского поэта Николоза Бараташвили, Константином Мамацашвили. С тем самым, который в 1840 году вместе с Лермонтовым участвовал в героической схватке с горцами у реки Валерик. Спустя много лет Лев Николаевич не забывал посылать книги с теплыми дарственными надписями своему грузинскому другу.

Записи, сделанные в разное время, по разному поводу, показывают, что писатель старался ближе познакомиться с настоящим и прошлым Кавказа, глубже познать нравы и обычаи его народов. Старания эти не исчезли бесследно. Прежде всего это, конечно же, касается «Хаджи Мурата», на что указывает сам автор: «И мне вспомнилась одна давнишняя кавказская история, часть которой я видел, часть слышал от очевидцев, а часть вообразил себе».

В ноябре 1851 года Хаджи Мурат предстал перед наместником царя М. С. Воронцовым. Л. Н. Толстой сообщал брату Сергею: «Ежели захочешь щегольнуть известиями с Кавказа, то можешь рассказывать, что второе лицо после Шамиля, некто Хаджи Мурат, на днях передался русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец во всей Чечне, а сделал подлость». С этого дня пройдет несколько десятков лет, прежде чем будет создан образ Хаджи Мурата, только уже переосмысленный великим писателем.

Поразительна в этой повести характеристика Николая I, этого «помазанника божьего». Особенно характерен тут эпизод со студентом-поляком: «Он взял доклад и на поле его написал с своим крупным почерком: «Заслуживает смертной казни. Но, слава богу, смертной казни у нас нет. И не мне вводить ее. Провести 12 раз скрозь тысячу человек. Николай», — подписал он своим неестественным, огромным росчерком. Николай знал, что двенадцать тысяч шпицрутенов была не только верная, мучительная смерть, но излишняя жестокость, так как достаточно было пяти тысяч ударов, чтобы убить самого сильного человека». Затем царь приказывает генерал-губернатору Западного края всех крестьян, не желающих переходить в православие, тоже прогнать сквозь строй. Отдав распоряжения, император проходит в церковь

«Бог, — саркастически пишет Толстой, — через своих слуг, так же как и мирские люди, приветствовал и восхвалял Николая, и он как должное, хотя и наскучившее ему, принимал эти приветствия, восхваления. Все это должно было так быть, потому что от него зависело благоденствие и счастье всего мира, и хотя он уставал от этого, он все-таки не отказывал миру в своем содействии».

При создании повести Толстой пользовался богатыми военно-историческими, мемуарными материалами. С помощью друзей И. Накашидзе, С. Эсадзе и других писатель собирал сведения о порядках в военных частях на Кавказе, уточнял до мельчайших деталей отдельные исторические события, изучал характер Хаджи Мурата и нравы горцев вообще. «Спасибо Вам за Ваши два письма, дорогой Илья Петрович,— писал он Накашидзе, — и Ваши труды для меня...» И в другом письме: «Не знаю, как благодарить Эсадзе, приславшего мне столько выписок, сделанных своей рукой. Я никак не ожидал, что он положит столько труда на это, и мне теперь очень совестно перед ним».

В 1886 году группа девушек, окончивших тифлисскую гимназию, обратилась к писателю с просьбой указать им, за какое общественно полезное дело браться. Письмо было анонимное, но для ответа был указан адрес: «Тифлис, библиотека Де-Капрелевича, в галерее Арцруни. Для передачи А. А.». 17 декабря 1886 года писатель отправил им ответ, который был напечатан в газетах. Из Грузии не раз приходили к нему письма и впоследствии, в том числе коллективные.

Грузинское духовенство в отношении к писателю старалось не отставать от своих коллег в России. Особенно усердствовал клерикальный журнал «Мцкемси» («Пастырь»). На его страницах распространялась ложь о писателе, делались попытки очернить, облить грязью его имя. Так, в № 15 за 1897 г. было сказано, что «в последнее время Толстой немного помешан и это видно из его произведений». В другом номере редактор журнала Д. Гамбашидзе писал, что произведения Льва Толстого читают только неблагонадежные люди. Отлучение писателя от церкви «Пастырь» сопроводил обширными радостными комментариями.

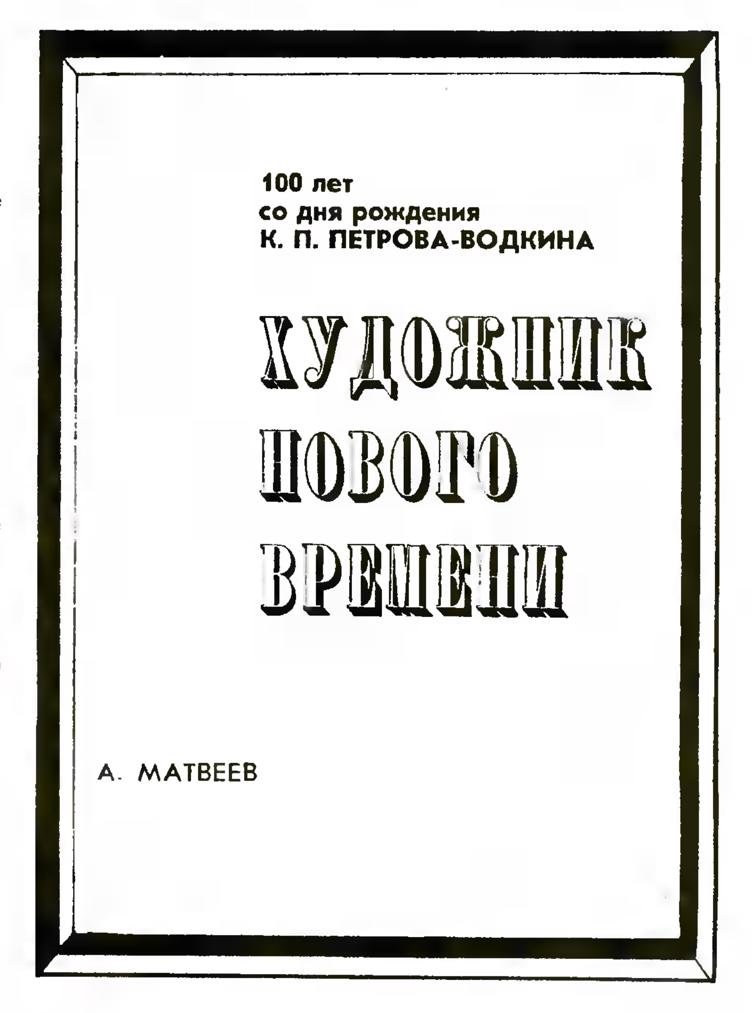
Примечателен факт глубокой заинтересованности Толстого крестьянским революционным движением в Гурии в 1905 году.

Невыносимые условия жизни, экономический и политический гнет вынудили гурийское крестьянство с оружием в руках выступить на защиту своих прав. Вспыхнуло восстание. «Казне, князьям и духовенству принадлежат громадные земельные площади — леса и горы, пашни и луга, пастбища и покосы, — говорил М. Цхакая на III съезде РСДРП. — К этому добавьте: 1) поборы попов, помимо постоянных платежей с рождения до могилы и даже после, — в виде ежегодной платы с каждого отдельного семейства по 2 руб.; 2) поборы сельских властей и разных чиновников».

О крестьянском движении в Гурии Льву Толстому сообщили Илья и Нино Накашидзе. Вот что узнаем мы по этому поводу из дневника Л. Н. Толстого: «Утром был от Накашидзе милый человек Кипиани, который рассказал о том, что делается на Кавказе: Гурии, Имеретии, Менгрелии, Кахетии. Народ решил быть свободным от правительства и устроиться самому... Это — великое дело».

В личном письме к И. Накашидзе, которое, кстати, можно рассматривать и как непосредственное обращение писателя к грузинским крестьянам, Лев Толстой особо подчеркнул, что «непременно надо познакомить людей с тем огромной важности событием, которое происходит в Гурии».

г. Тбилиси

Кузьма Петрович Петров-Водкин выступил как сложившийся художник в 10-е годы нашего века — в один из самых сложных и противоречивых периодов в истории русского искусства, когда в художественную жизнь наряду с последователями передвижников и художниками объединения «Мир искусства» включились участники новых авангардистских течений — таких, как кубизм, футуризм, беспредметное искусство и т. д. Художники-авангардисты противопоставляли свое искусство всей художественной культуре прошлого, считая, что искусство XX века должно строиться на принципиально новых основах. Вопрос о традициях и новаторстве стал для искусства того времени одним из важнейших, принципиальных.

Петров-Водкин не был связан с художественными направлениями и группировками, ему был глубоко чужд пафос отрицания художественного наследия, столь характерный для многих заявивших о себе тогда мастеров. Однако, чем дальше мы отходим от той эпохи, тем яснее становится, что именно этот художник был одним из самых крупных новаторов того времени.

Петров-Водкин формировался под воздействием таких художественных явлений, как итальянский ренессанс, древнерусское искусство, европейский живописный символизм начала века. Конечно, по своему художественному масштабу искусство представителей «модерна», немецкого и французского символизма несопоставимы с классическим искусством, но характерно, что живопись Пюви де Шаванна и других западноевропейских художников

рубежа века заинтересовала Петрова-Водкина прежде всего как раз именно теми стилевыми чертами, которые были особенно дороги ему и в творениях итальянских живописцев, и в иконах древнерусских мастеров. Петрова-Водкина всегда привлекали монументальность и обобщенность формы, лаконизм колористических решений, отказ от послушного следования сиюминутной конкретности натуры ради выявления вечного, непреходящего содержания жизни.

Тяготение художника к искусству больших философских обобщений, искусству, обращенному к основным вопросам человеческого бытия, проявилось еще в период ученичества и впоследствии стало определяющей тенденцией всего творчества Петрова-Водкина. Отличительная черта его зрелых произведений — «планетарная», как говорил сам художник, точка зрения, стремление показать каждый предмет, каждое явление как частицу жизни огромной Вселенной. Эпиграфом к его творчеству могли бы стать слова английского поэта У. Блейка: «В одном мгновенье видеть вечность, огромный мир — в зерне песка...» На достижение этой цели ориентированы все компоненты созданной Петровым-Водкиным живописной системы: и психологическая трактовка образов, и колористические решения, и пространственные построения его картин помогают соотнести изображаемое явление с жизнью целой планеты, запечатленный миг — с тысячелетиями.

Живописная система Петрова-Водкина, как уже говорилось, была многим обязана наследию мастеров Древней Руси. Он не первый среди русских живописцев нового времени использовал в своем творчестве эту традицию национального искусства — до него к ней обращались такие художники, как М. Врубель и В. Васнецов. Однако именно Петрову-Водкину удалось наиболее полно и убедительно усвоить и переработать древнерусские традиции, наиболее органично влить их в современное искусство.

Дело в том, что обращение к древнерусской живописной традиции в XIX веке было, как правило, связано с церковными заказами, а православная церковь в России выступала в это время неукоснительной ревнительницей древнерусского и византийского «стилей». В ее представлении сохранение традиций сводилось к строгому следованию идущим от средневековья канонам живописного изображения, и хотя она постоянно старалась привлекать к работе над росписью соборов и другим церковным заказам крупных русских художников, однако обычно такие ангажементы кончались неудачей — если художник точно следовал канону, он создавал сухие мертвенные произведения, если же отходил от церковных установок — результаты его работы отвергались заказчиками. В таких отвергнутых церковью произведениях и Врубеля, и Васнецова проявились несомненно реалистические тенденции, характерные для этих художников. Однако и темы этих произведений, и их образно-сюжетная система, и композиционный их строй были заимствованы из средневекового христианского искусства. Отступления от канона касались только частностей (трактовка лиц и т. п.), и, по сути дела, это были попытки придать традиционной иконографии всего лишь несколько иную реалистическую образно-психологическую трактовку — попытки, оказавшиеся из-за узости рамок, поставленных церковью, чересчур робкими, чтобы привести к органическому слиянию столь разных стилей, как средневековый символический реализм и реализм XIX века.

Надо отметить, что и Петров-Водкин в дореволюционное время несколько раз работал над церковными заказами, причем не только в юности, но и в зрелые годы. В начале века он расписывал церкви в Овруче, Хвалынске, Кронштадте — эти заказы, по-видимому, привлекали художника и возможностью испробовать свои силы в монументальной живописи, и с чисто материальной стороны. Однако ни одна из этих работ не достигает уровня станковых произведений художника. Именно в станковой живописи Петрова-Водкина древнерусские традиции получили подлинно творческое и подлинно современное свое преломление.

Художнику было чуждо послушное подражание знаменитым (и безымянным) мастерам прошлого. Он сознавал, что механическое перенесение принципов и приемов старого искусства в XX век может породить лишь более или менее искусную стилизацию. При всей своей приверженности классическим образцам Петров-Водкин всегда оставался художником, обладавшим острым чувством современности.

С именем Петрова-Водкина у нас прежде всего ассоциируется созданное им в 1912 году «Купание красного коня» — программная вещь для самого художника, в которой впервые в полную силу проявилось его оригинальное дарование, и одно из центральных произведений всей русской живописи начала века.

Все попытки однозначно описать содержание этой картины с точки зрения ее сюжета обречены заранее на неудачу: она построена на тонких, порой не сразу улавливаемых ассоциациях — литературных, исторических, живописных. Центральный образ картины — красного коня — не раз сравнивали, как известно, с блоковской степной кобылицей — символом России. Другая цепочка ассоциаций тянется к иконописному образу Георгия Победоносца, одного из самых популярных на Руси святых, покровителя армии, олицетворявшего собой победу светлых сил над злом. Красная масть коня приобрела и дополнительное символическое значение — цвета Революции.

В процессе работы над картиной ее замысел претерпел значительные изменения. Петров-Водкин постепенно отказывался от всех конкретных деталей, почерпнутых из первоначального жанрового мотива. И с каждым эскизом композиция становилась лаконичнее, очищалась от всего случайного. Художнику удалось найти удивительно емкий лирический образ, который каждая историческая эпоха будет связывать со своими духовными и нравственными исканиями. Жанровая трактовка уступила место поэтической.

В «Красном коне» мы видим уже сложившуюся живописную систему Петрова-Водкина, в которой художник использовал традиции любимых им древнерусских мастеров и живописцев Возрождения.

Колорит картины строится на трех основных

цветах — красном, желтом и зеленом. Чистые, звучные краски нанесены локально, как на иконе, лишь незначительные изменения оттенка в пределах основного тона моделируют монументальную обобщенную форму. Художника не интересует, как цвет предметов изменяется под воздействием освещения, какие оттенки он приобретает в соседстве с другими цветами, — то есть те колористические проблемы, которые связаны с передачей конкретного, сиюминутного состояния натуры (эти задачи решали в своих произведениях импрессионисты). Для «планетарного» видения Петрова-Водкина эти проблемы утрачивали свое значение — с «надвременной» точки зрения цвет предметов остается постоянным. Импрессионистическая дробность колорита мешала бы увидеть в предметах вечное, неизменное, сущностное.

Этот колористический принцип проходит через все творчество мастера. Его живопись строится на так называемой «трехцветке» — сочетании красного, синего и желтого — локальных тонов, и в такой скупости цветового решения опять-таки видно воздействие древнерусского искусства. Однако в отличие от иконы, где (как и вообще в средневековом искусстве) у каждого цвета было определенное символическое значение, Петров-Водкин связывал «трехцветку» со спецификой колорита русской природы и психофизиологическими особенностями восприятия цвета.

Интересно и построение пространства в «Красном коне». Художник показывает нам происходящее с верхней точки, что позволяет создать в пределах полотна ощущение большого пространства. Выдвинутая на первый план фигура всадника дана в другом ракурсе — фронтальном — и намного превосходит размером фигуры дальнего плана. Соотнесение их масштаба подкрепляет ощущение величины пространства, показанного в картине.

Продуманность пространственного построения отличает все лучшие работы Петрова-Водкина. Художника не удовлетворяла классическая линейная перспектива. Присущий ему подход к трактовке явлений требовал показа предмета с различных точек зрения, соотнесения микрокосмоса с макрокосмосом. Он часто прибегал к принципам передачи простанства и времени, характерным для средневекового искусства, вырабатывая на их основе приемы, среди которых главенствующим стала изобретенная им «сферическая», или «наклонная», перспектива.

В отличие от линейной перспективы линия горизонта в сферической перспективе представляет собой не прямую, а дугу, при этом вертикальные оси картины оказываются наклонными по отношению к центральной оси, которую Петров-Водкин иногда обозначал крупной фигурой на переднем плане. Изображенная таким образом поверхность как бы скругляется к краям изображения, а показанная в картине с излюбленной художником верхней точки зрения поверхность земли оказывается не плоской, а сферической — как бы частью земного шара, совершающего свое вечное вращение в пространстве Вселенной.

Связь живописной системы Петрова-Водкина с традициями древнерусского искусства можно про-

1918 год в Петрограде. 1920. Государственная Третьяковская галерея.

следить на примере многих его работ, созданных в 10-е годы («Девушки на Волге», «Утро. Купальщицы» и др.), и эта связь сказывалась отнюдь не только в формальных аспектах его произведений. Живопись Древней Руси, как и живопись Ренессанса, была для художника постоянным источником вдохновения, в ней он видел вечную правду гуманистического миросозерцания, поэтическое прославление духовной красоты человека. Вот почему в ряде своих картин он обращается, например, к такому широко распространенному сюжету, как мать с младенцем.

В «Богоматери Умиление злых сердец» эта тема раскрыта в пределах традиционной иконографической схемы. Однако художника интересует не религиозное содержание сюжета, а передача духовной гармонии и чистоты, которые он считает самыми ценными качествами в человеке.

В картине «Мать» художник отказывается от прямого заимствования композиционной схемы иконы. Нерелигиозный аспект темы выступает здесь еще более явственно на первый план. Перед нами образ материнства — один из центральных в творчестве Петрова-Водкина. На фоне необъятного русского пейзажа мы видим русскую крестьянку с ребенком на руках. Этот жанровый мотив сознательно монументализирован художником. Лаконично вылепленная фигура женщины, спокойная, полная достоинства поза, локальный колорит подчеркивают, что в этом простом проявлении жизни заключена ее высшая вечная красота.

Написанную уже в послереволюционное время картину «1918 год в Петрограде» современники назвали «Петроградской мадонной». Молодая работница изображена стоящей на балконе на фоне городского пейзажа. Мы видим разбитые стекла в окнах домов, женщин с корзинами, ожидающих паек, наклеенные на стены воззвания.

Конкретные детали художник смело сочетает с условным колоритом петроградского пейзажа — синими, желтыми и вишневыми стенами зданий, розовой мостовой. Он как бы подчеркивает, что изображенная сцена не просто взята из реальности, но является обобщением, созданным на основе многочисленных жизненных наблюдений. Эта картина перекликается с произведениями мастеров Возрождения не только своей композицией — как и в их мадоннах, здесь найдено гармоничное сочетание «вечного образа» с приметами конкретного времени.

Средневековые традиции трактовки пространства и времени сказались и в композиционном решении написанной под впечатлением смерти отца художника картины «Полдень». Это полотно принадлежит к числу самых поэтичных и философски заостренных произведений художника. Он показывает важнейшие стороны жизни крестьянина, различные этапы его жизненного пути, начиная с младенчества и кончая смертью; и эти разновременные сцены объединены бескрайним пейзажем круглящейся земли. Фигуры изображены в одинаковом масштабе, вне зависимости от их удаленности в глубину,— прием, характерный для средневекового искусства, в котором масштабные соотношения

Смерть комиссара. 1928. Государственный Русский музей.

строились в соответствии со значимостью персонажей, их иерархией, а не по правилам линейной перспективы. Для Петрова-Водкина все этапы изображенного жизненного цикла равно важны и проникнуты глубоким смыслом. Колорит картины мажорен: синие, красные и белые краски одежды крестьян, зелень травы и деревьев, желтизна крупных яблок на первом плане передают ощущение радости человеческого бытия. Хотя в центре картины и находится сцена похорон, однако и она здесь не звучит трагически — вписываясь в качестве одного из необходимых звеньев в тот вечный круговорот, который повторяется с рождением и жизнью каждого человека.

После Октябрьской революции Петров-Водкин активно включается в художественную жизнь молодой Советской республики — работает в петроградских органах по делам искусств, преподает, выступает с публичными лекциями, участвует в праздничном оформлении города к первой годовщине революции.

На полотнах появляются новые герои — рабочие, бойцы Красной Армии. В новом жизненном материале художник, как и прежде, стремится "дойти до самой сути», не удовлетворяясь его механической фиксацией.

Поиски Петровым-Водкиным синтеза классического и современного искусства приобретают в это время особое значение. С самого начала строительства новой социалистической культуры ее основоположники подчеркивали необходимость унаследовать все лучшее, что накоплено человечеством в предшествующие эпохи. И, пожалуй, ни один из художников первых лет Советского искусства не был подготовлен к решению этой задачи так, как Петров-Водкин. Он не отказывается от своей живописной системы — напротив, уточняет и корректирует ее. И древнерусские традиции по-прежнему продолжают играть важную роль в творчестве, помогая ему выделить главное в потоке новых впечатлений, осмыслить происходящее с точки зрения исторической перспективы. Так, через многочисленные наброски, этюды, портреты в начале 20-х годов художник подходит к решению главнейшей задачи живописи тех лет — созданию сюжетной картины на современную тему.

На выставке «Красная Армия. 1918—1923» было показано полотно «После боя», ставшее итогом исканий предшествующих лет. Действие картины четко делится на два плана. На первом изображены комиссар и два бойца, сидящие за столом. Они молча вспоминают своего командира, погибшего во время атаки. Композиционно эта группа уравновешена, соединена внутренней общностью (думается, не случайно она невольно ассоциируется с композицией троицы — одной из самых гармоничных композиций древнерусской живописи). Второй (задний) план, выдержанный в монохромной синей гамме, показывает командира отряда в момент гибели. Эта сцена как будто еще стоит перед глазами его сподвижников.

Смелое сопоставление двух разновременных событий, продуманное цветовое решение придают сцене особую значительность, поднимают рядовой эпизод гражданской войны до обобщенного образа верности делу Революции, духовного единства ее борцов.

Несомненная удача Петрова-Водкина — и «Смерть комиссара», ставшая лучшим произведением 20-х годов, посвященным теме гражданской войны.

Сферическая перспектива приобретает здесь особый смысл — бескрайние просторы, на которых ведет бой отряд красноармейцев, символизируют Родину с ее безбрежными, уходящими за горизонт далями. «Планетарный» пейзаж, бывший в ранних картинах Петрова-Водкина фоном, на котором протекала жизнь человека, здесь активно вовлечен в сюжет — это та страна, за свободу которой сражаются герои картины. Изрезанная оврагами земля, камни, трава — весь этот суровый пейзаж превращается под кистью художника в драгоценную живописную поверхность, как бы передавая его убежденность в том, что прекрасное в природе, как и в человеке, вечно — оно присутствует везде, даже в комке высохшей глины.

Петров-Водкин старательно избегает натурализма в раскрытии содержания сцены — даже смерть показана им символически — через черный траурный цвет куртки комиссара, одухотворенное лицо которого не несет на себе никаких признаков физической боли.

Характерная черта, объединяющая картины «Смерть комиссара», «После боя», «1918 год в Петрограде»,—точно найденное сочетание конкретности и обобщения, непосредственно увиденного в жизни и домысленного художником. Однако далеко не все произведения Петрова-Водкина были отмечены этим классическим чувством гармонии и меры. С середины 20-х годов в его сюжетных картинах все чаще конкретизация преобладает над обобщением, жизнеподобные детали затеняют ясность общего замысла. Строгая конструктивная логика построения пространства, лаконизм цвета, монументальность формы — художественные принципы, почерпнутые художником в искусстве русского средневековья и итальянского Возрождения, — вступали в таких произведениях в противоречие с дробным, детализированным видением действительности. Здесь обозначились границы творческого метода Петрова-Водкина.

«Смерть комиссара» была одной из последних значительных сюжетных его картин, хотя он продолжал активно работать как живописец и в 30-е годы. Его большие сюжетные композиции той поры перегружены подробностями, сюжет картин разработан до мельчайших деталей. Но в натюрмортах и портретах, созданных в те годы, мастер продолжал оставаться самим собой — вдумчивым, внимательным к натуре художником-философом.

Искусство Петрова-Водкина очень индивидуально и неповторимо — у него не было подражателей, его ученики восприняли только отдельные принципы его живописной системы. Однако его произведения навсегда останутся примером подлинного новаторства. Этим, видимо, во многом и объясняется интерес к творчеству художника в наше время.

Демоны манонде — статуэтки (маконде — племя, обитающее в Северком Мозамбике).

ГРУЗ АРХАИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Один из ритуалов посвящения в знахари (Судан).

Дереевнные фнгурки — фетиши, окружающие алтарь бога грома (Западная Нигерия).

Ритуал традиционного врачевания в сенегальской деревне.

Несмотря на значительные экономические, социальные и культурные изменения, которые произошли на Африканском континенте за последние десятилетия, влияние местных традиционных верований на многие стороны общественной жизни африканских народов все еще велико.

Согласно статистике, в Африке южнее Сахары традиционных верований придерживается около половины населения, то есть около 100 миллионов человек. В действительности же традиционные верования охватывают своим влиянием значительно больший круг людей, ибо многие африканцы, хотя формально и числятся христианами или мусульманами, продолжают тем не менее выполнять различные традиционные обряды, ритуалы и предписания.

Разумеется, не все традиционные культы сегодня сохранили в равной степени свое значение. Одни уже отмерли. Другие можно обнаружить разве что в наиболее глухих и труднодоступных районах. Однако некоторые религиозные представления и ритуалы оказались на редкость гибкими и живучими: они не только сохранились в крестьянской среде большей части Африки, но и сумели приспособиться к условиям современного африканского города.

Предлагаем перевод посвященной этой важной проблеме статьи, опубликованной в газете «Ухуру» («Свобода») — органе правящей в Танзании партии «Чама ча мапендузи», что означает Революционная партия.

ВЕДОВСТВО И МАГИЯ

С проблемой традиционных культов сталкиваются все развивающиеся страны. Среди разнообразных культов особо выделяются магия и ведовство. Возникновение магии и ведовства было обусловлено низким уровнем производительных сил, которые определяют и социальную структуру общества.

Было время, когда почти все африканские общества находились на стадии первобытного общества. Люди жили и трудились сообща. В те времена главным объединявшим их фактором была борьба с природой. Люди противостояли засухе и наводнениям, диким зверям, голоду и болезням. Чтобы выжить, человеку необходимо было объединить свои усилия с усилиями товарищей в общей борьбе с обрушивающимися на них трудностями и несчастьями...

Всевозможные бедствия — эпидемии холеры, чумы и других болезней; затмения Луны и Солнца, метеоритные дожди, землетрясения и т. п. — поражали и пугали людей, воспринимались ими как проявление радости и гнева богов или духов предков.

Низкий уровень знаний, тяжелые условия жизни, своеобразное видение мира создавали благоприятную почву для возникновения различных верований и культов. Люди были искренне убеждены, что могущественные сверхъестественные силы могут помочь им и защитить от опасности.

Многие из этих верований уже отмерли. Другие — остались. И если сейчас они представляются нам бессмысленными и даже глупыми, то отношение к ним наших предков было иным. Традиционные религии отвечали потребностям, нуждам и чаяниям людей своего времени.

Приход колонизаторов в Африку, распространение новых религий, насильственное внедрение новых экономических отношений — все это способствовало исчезновению многих традиционных верований. Но немало старых верований и культов сохранилось и по сей день. Особенно они распространены в сельской местности. И хотя многие люди формально отреклись от традиционных религий и посещают церковь или мечеть, культы, которые они отправляют, отличны от старых лишь внешне, а на деле суть одно и то же.

Некоторые из традиционных верований и обрядов сохранились в силу того, что они внушают людям страх. В наибольшей степени это относится к ведовству и магии. Вера в магию зиждется на наивном убеждении. Ведовство же — это соединение удивительных трюков и фокусов с методами устрашения. Магия и ведовство существуют издавна и являются частью нашего традиционного духовного наследия. Вероятно, это та область, где следовало бы провести более глубокие научные исследования. Но как бы то ни было, эти верования существуют и в значительной степени тормозят наши усилия, направленные на привлечение людей к политической активности, на распространение образования в массах и в конечном итоге оказываются помехой на пути строительства социализма.

Силы ведовства для большинства населения — рабочих, крестьян, интеллигенции и бюрократически-чиновничьей прослойки — гораздо страшнее административного наказания, а для тех, кто исповедует христианство, они страшнее даже самого бога.

В различных областях Восточной Африки ведовство обладает своими специфическими особенностями. Так, например, в районах Сингиды и Нзеги распространены представления о людях-оборотнях, способных превращаться в львов. А в районах Гейты, Укереве и Букобы сильна вера в способность ведунов превращать людей в злых духов. Люди верят в существование ведовских способов убивать, калечить людей, насылать на них безумие.

В различных частях Танзании ряд вновь созданных коммун распался только потому, что был пущен слух, будто в этих местах обитают злые духи или среди жителей коммун есть ведуны. Подобные инциденты неоднократно имели место в областях Аруша, Мтвара и Равума. Разумеется, такие слухи не содержат в себе ни грана истины. Но проблема тем не менее остается. Вера в ведовство все еще сильна, и она мешает нашему прогрессу.

Что же касается веры в магию, то она воплощена во всевозможных запретах и обрядах, вплетенных в процесс воспитания детей, работы, приготовления пищи. Она проявляется в медицинской практике, во время богослужения, во взаимоотношениях между людьми.

Школьники надевают магические амулеты, чтобы успешно сдать экзамены, спортсмены — в надежде, что они помогут победить. Беременным женщинам не рекомедуется говорить на некоторые темы и употреблять определенную пищу. Люди верят в то, что умерших, особенно вахенга[1], следует ублажать различными способами, дабы они не гневались на живых.

Все эти представления, лишенные какой-либо научной основы и опирающиеся на созданную веками социальную и моральную базу, все еще бытуют среди людей. Но правильно ли не препятствовать их дальнейшему существованию?

В специфических случаях, в силу тех или иных причин, подобные верования, быть может, и способны принести определенную пользу обществу. К примеру, во время войны Маджи-Маджи[2] против германских колонизаторов Кинджикитиле[3] удалось под флагом традиционных верований объединить почти все население юга Танзании. Однако впоследствии вера людей в магическую силу Кинджикитиле перешагнула границы разумного и стала препятствием в борьбе против колонизаторов.

От ведовства следует отличать обычаи и традиции, имеющие научное обоснование. К подобным относится прекрасная традиция — лечение травами, и ее необходимо всячески сохранять и развивать.

Что же касается ведовства и магии — вредных и разрушительных пережитков, которые оглупляют человека и унижают его достоинство, то им надо объявить решительную войну. Всякий раз, когда наше стремление построить социализм будет наталкиваться на стену магии и колдовства, как это уже случалось во многих районах страны, у нас не будет иного выбора, как отмести прочь эти гибельные верования ради достижения нашей желанной цели.

Перевел с суахили кандидат исторических наук В. ОВЧИННИКОВ

[1] Вахенга (единств. число мхенга) — лица, посвящающие юношей и девушек в тайны племенных обрядов.

[2] Произошла в 1905—1907 гг. В результате войны, а также вызванных ею голода и болезней погибло более 120 тысяч человек.

[3] Прозвище знахаря, добывавшего «святую воду» для восставших. Последние были убеждены, что эта вода — на суахили «маджи» — превратит вражеские пули и снаряды в капли воды.

Эту статью комментирует научный сотрудник Института стран Азии и Африки при Московском Государственном университете К. МЕЛИК-СИМОНЯН, изучающий традиционные верования народов Африки.

В современной Африке переплетение магических и ведовских верований образует, пожалуй, наиболее распространенный и трудно искоренимый комплекс представлений из арсенала традиционных религий. Вот что, к примеру, пишет известный нигерийский ученый Б. Идову: «Большинство африканцев убеждены в том, что ведьмы и ведуны существуют. Причем, употребляя слово африканцы, я подразумеваю не только неграмотных крестьян, но и государственных служащих, врачей, студентов, профессоров университетов, известных политических деятелей, имамов, архиепископов... Для большинства людей, принадлежащих к названным категориям, ведовство — это живая и злободневная реальность». Заметим, что в реальности ведовства убежден и сам Б. Идову.

Быть может, в силу своей глубокой веры Б. Идову склонен к некоторому преувеличению? Вполне вероятно. Однако не приходится сомневаться, что ведовские и магические верования все еще оказывают определенное воздействие на мысли и поступки основной массы африканского населения. Об этом свидетельствуют материалы африканской прессы, результаты исследований и наблюдений как африканских ученых, так и европейских, в том числе и советских[1].

У прочитавшего статью из танзанийской газеты может возникнуть ряд вопросов: кто же такие ведьмы и ведуны — реальные люди или мифологические существа? Чем объ-

[1] См., например: В. Б. Иорданский. Африканскими дорогами. М., 1976.

яснить живучесть ведовских и магических верований? В каких сферах общественной жизни наиболее ощутимо их влияние? Каково отношение африканских правительств к этому архаическому наследию?

Попытаемся ответить на эти вопросы и начнем с первого, ибо он является ключевым для понимания всей структуры рассматриваемых нами верований.

Итак, кто такие ведуны, одно упоминание о которых и поныне вызывает у многих африканцев страх?

Согласно традиционным представлениям, ведуны — это скрытые «носители зла», особая категория людей, наделенных таинственной, вредоносной силой, передающейся от родителей к детям. По представлениям некоторых народов, ведовская сила заключена в некой материальной субстанции, заключенной в теле ведуна. Так, например, азанде считают, что эта субстанция расположена в области печени и имеет овальную форму темно-красного цвета. Считается, что ведуны не совершают магических действий, не произносят заклинаний — акт ведовства происходит через волевое усилие ведунв.

Ведуны охотятся на людей ночью. Они устраивают в лесу ведовские сборища, таинственным образом похищают «внутренние субстанции» людей и пожирают их. В результате жертвы ведунов заболевают и гибнут.

Предполагается, что по земле ведуны передвигаются необычным способом: ходят на головах или же идут с вывернутыми назад ступнями. Обыкновенные люди, однако, не в состоянии увидеть ведунов. «Обнаружить» их могут лишь знахари, жрецы и прочие служители культа, обладающие секретом приготовления специальных магических снадобий.

Ведунам также приписывается способность летать. Причем, согласно бытующим верованиям, этот полет сопровождается загадочным свечением. По словам одного африканца, «летящий ведун похож на огненный шар... и когда он продирается сквозь ветки деревьев, от него во все стороны летят искры». В этой связи любопытно отметить свидетельства некоторых европейцев, которым довелось наблюдать в небе Африки движущиеся светящиеся объекты, природу которых, однако, им установить не удалось.

Джеймс Нил, занимавший с 1952 по 1962 год пост главного инспектора бюро расследований при правительстве Ганы, после посещения одной из деревень сделал в своем дневнике следующую запись: «Я проснулся от стука. Собаки выли и лаяли, птицы на деревьях кричали и хлопали крыльями. Было 3.30 утра. Когда я выглянул в окно, то не поверил своим глазам. На горизонте, со стороны моря, всходил над лесом огненный шар. Я протер глаза, чтобы убедиться, что спросонья не путаю этот шар с луной».

Английский этнограф Дэвид Тэйт во время своего пребывания в Береге Слоновой Кости также наблюдал схожее явление. По его словам, он видел мерцающий огненный шар, который летел с довольно большой скоростью на высоте 15—20 метров.

Трудно сказать, что за светящиеся предметы наблюдали полицейский Нил и этнограф Тэйт. Быть может, то были крупные скопления светлячков, а может, — шаровые молнии. Во всяком случае, не исключено, что в основе представлений о таинственном свечении, сопровождающем полет ведунов, лежат какие-то реальные явления, имеющие вполне естественное объяснение. Хотя, как мне думается, причина «огненности» ведунов иная. Но об этом несколько позже.

Другой характерной особенностью ведунов, по представлениям африканцев, является их связь с животным царством. Считается, что совы, козодои, вороны, а также змеи, леопарды, гиены и некоторые другие существа как бы «помогают» ведунам, что ведунов объединяет с этими зверями, птицами, пресмыкающимися некое мистическое родство, в силу чего они и выполняют все приказания ведунов, которые в свою очередь обладают способностью превращаться в зверей, птиц и т. д. В связи с подобными представлениями у некоторых африканских народов не принято охотиться ночью, так как убитый зверь может оказаться «превращенным» ведуном, а это чревато для охотника всевозможными бедами.

Что же скрывается за причудливыми атрибутами и свойствами, которыми народная фантазия наделила ведуна? На первый взгляд может показаться, что тут лишь игра воображения и ничего более. Но это не так. Атрибуты, свойства, способности ведуна имеют определенное значение и связаны между собой, образуя логически завершенный образ. Дело в том, что «огненность», связь с «ночью», «лесом», «звериным царством», «полет», «невидимость», «перевернутость», равно как и хождение «пятками вперед», — все эти признаки в мифологии и сказках многих народов мира означают принадлежность к «чужому», «иному» миру—миру мертвых, духов и демонов.

Но ведуны, согласно африканским традиционным верованиям, не демонические существа, как, скажем, Баба-яга в русских сказках, а люди. В ведовстве подозревают соседа, знакомого, а то и близкого родственника. В этом и заключена основная особенность ведовских верований. Вера в ведунов — не что иное, как вера в существование среди людей тайных носителей зла, чья человеческая личина не более, как оболочка, скрывающая их истинную «нечеловеческую» сущность. Иными словами, ведун, по представлениям африканцев, — это «чужой», враг, скрывающийся под маской «своего».

Кого же считают тайными врагами? На каких людей чаще всего навешивается ярлык ведуна?

У многих африканских народов существуют стереотипные представления о некоторых чертах характера, недостатках, качествах личности, как бы свидетельствующих о ведовской сущности их носителя. Считается, что ведунами обычно бывают злые, недоброжелательные, завистливые люди, а также те, кто совершает различные антиобщественные поступки, нарушает принятые в обществе нормы и установления.

Таким образом, если мифологические атрибуты ведуна указывают на то, что ведун — «чужой», враг, то социальная характеристика ведуна указывает на тех реальных людей, кого в обществе считают врагами. И не удивительно, что к категории врагов причислялись люди, противопоставляющие себя обществу, склонные к антисоциальным поступкам.

В традиционных африканских обществах труд, да и вообще существование человека были бы невозможны без сплочения людей в единый коллектив, без тесной кооперации между ними и взаимоподдержки, ибо только объединенными усилиями могли они отвоевать у природы то, что необходимо для существования. Поэтому требование поддерживать солидарность группы, всемерно укреплять внутриколлективные связи обладало силой закона.

Ну, а на тех, кто своими действиями вольно или невольно подрывал единство социального коллектива, навешивался ярлык ведуна — «внутреннего, тайного врага» — со всеми вытекающими для нарушителя последствиями.

Таким образом, ведовские верования на определенном этапе развития африканских обществ выполняли функции специфического социального механизма, способствовавшего сплочению социальной группы. Подчеркиваю, что именно на «определенном этапе», ибо в последние десятилетия в африканских обществах обвинения в ведовстве стали выполнять функции прямо противоположные.

Дело в том, что традиционные общества не оставались неизменными, а развивались. Все более усиливалось в них социальное расслоение, все чаще внутри некогда спаянных коллективов возникали ожесточенные конфликты. В этих условиях трансформацию претерпели и функции ведовских верований. Само наличие глубоко укоренившейся веры в ведунов, то есть веры в существование внутри общества скрытых, тайных врагов, создавало удобную возможность под прикрытием поисков и наказания тайных врагов расправиться с личными врагами. И хотя в африканских деревнях и по сей день можно услышать, что ведуны—это «люди, нарушающие общественные нормы», обвинения в ведовстве в большинстве случаев выдвигаются не против действительных нарушителей традиционных норм, а против личных врагов, соперников, политических противников. Таким образом, обвинения в ведовстве из средства укрепления единства социальной группы, общины практически превратились в средство ее разрушения.

Категорию ведунов не следует путать со служителями культа, которые являются своего рода специалистами, занятыми в религиозной сфере. Для того чтобы читатель мог четче уяснить себе, с одной стороны, отличие, а с другой — связь, которая, по представлениям африканцев, существует между ведунами и служителями культа, следует хотя бы вкратце рассказать о роли и функциях служителей культа в традиционных африканских обществах.

Весьма условно их можно подразделить на жрецов, гадателей и знахарей. Жрецы обычно были прикреплены к «храмам», в которых хранились те или иные священные реликвии. Часто они имели помощников-медиумов, способных впадать в транс и таким образом «общаться» с духами, божествами или предками. Гадатели «определяли» причины несчастий, предсказывали будущее. Однако нередко гадание, предсказание и т. п. являлось составной частью деятельности и знахарей-колдунов.

Обязанности служителей культа в традиционных обществах были весьма обширны и разнообразны. Созревание урожая, охота, свадьба, рождение, смерть — все наиболее значительные моменты жизни сопровождались религиозно-магическими церемониями, в которых служители культа играли главные роли.

Одной из функций служителей культа (причем, с точки зрения африканцев, одной из важнейших) было как раз выявление ведунов, борьба с ними и защита людей от их пагубных чар. Другой важной их функцией было лечение болезней. Знахарское врачевание представляло собой переплетение приемов народной медицины с магическими действиями. Знахари, видимо, неплохо разбирались в некоторых болезнях и в ряде случаев могли оказать больному эффективную помощь. Так, например, при головной боли они давали больным порошок корня аконита. В случаях нервного возбуждения применяли настойку из раувольфии (из нее в современной фармакологии изготовляют такие известные лекарства, как раунатин, резерпин и другие). Предполагается, что знахари располагали каким-то эффективным средством от столбняка. Для лечения проказы они издавна использовали растительное масло «чаульмогра», которое стало известно в Европе лишь в недавнее время. В случае необходимости знахари могли провести и хирургические операции: от удаления зуба до кесарева сечения и трепанации черепа.

В последние годы во многих африканских государствах все более настойчиво раздаются призывы использовать огромный практический опыт знахарей, отобрав из него то, что соответствует требованиям научной медицины. Недавно, во время очередной сессии Регионального бюро Всемирной организации здравоохранения для Африки в столице Уганды Кампале директор этого бюро доктор Кенум заявил журналистам: «80 процентов африканцев, проживающих к югу от Сахары, зависят от традиционной африканской медицины, и мы поступаем неверно, игнорируя ее».

В ряде стран Африки уже предприняты попытки интегрировать знахарей в официальную систему здравоохранения. Так, в Нигерии знахари после курса обучения проходят экзаменационную проверку. В Гане подготовленным знахарям выдаются дипломы. В Нигерии, Сенегале, Бенине созданы психиатрические больницы, где современные методы лечения сочетаются с приемами традиционного врачевания. В этих больницах наряду с врачами, получившими академическое образование, работают и традиционные врачеватели.

Таким образом, дальнейшее изучение и развитие рациональных методов и приемов традиционной медицины может принести в условиях Африки ощутимую практическую пользу. Что же касается ведовских и магических верований, то с ними предстоит длительная и упорная борьба.

Разрушение и изменение старых форм хозяйствования и соответствующих им социальных структур совсем не влекут за собой автоматического исчезновения всех элементов идеологии, в том числе ведовских и магических верований. Отмирание традиционных верований — процесс столь же сложный и противоречивый, сколь и медленный. Необходимо учитывать как присущую этим верованиям огромную силу инерции, так и их гибкость, способность к видоизменению, к адаптации. Скажем, ведовские и магические верования, как уже упоминалось, не только приспособились к происходящим в африканской деревне изменениям, но и перекочевали из сельской среды в городскую.

Одной из основных причин этого является постоянный обмен людьми между африканским городом и деревней. Ежегодно тысячи мигрантов из деревень в поисках работы отправляются в города и, естественно, привносят в городскую жизнь элементы традиционных верований. По статистике, каждый третий житель африканского города — это бывший крестьянин, с детства впитавший в себя представления, связанные с магией и ведовством.

Не следует забывать и о психологических факторах. По словам одного известного этнографа, магию находят всюду, где имеются элементы случайности. А в городе непредвиденные случаи происходят даже чаще, чем в деревне.

Любопытным примером адаптации магических представлений может послужить наблюдаемое во многих странах Тропической Африки проникновение колдовства в... спорт, в котором случай, как известно, играет большую роль.

В Габоне, Конго, Кении и других африканских странах большой популярностью пользуется футбол. Большинство команд, помимо тренера, имеют также и колдуна, который обязан заботиться о благополучии своих игроков и наводить порчу на противников.

Ведовские и магические верования отнюдь не безобидны. Не случайно они беспокоят передовую общественность развивающихся африканских стран. Они ощутимо препятствуют социальному и экономическому прогрессу, их нередко использует в своих целях политическая реакция. Скажем, чем больше рабочих на заводе верят в магию и ведовство, тем более это выгодно предпринимателям. Ведь рабочий, верящий в ведовство, в случае производственной травмы или потери места и не подумает обвинить в чем-либо владельца завода, администрацию. Нет, он обрушит гнев на своих же товарищей по работе, обвинив их в ведовстве. Вера в ведовство разъединяет рабочих, тормозит формирование классового сознания. Известно немало случаев, когда ведовские верования использовались реакционными силами для разжигания межплеменной розни, дискредитации, а порой и физической ликвидации политических деятелей, профсоюзных и партийных активистов.

В последние годы борьба с ведовскими и магическими верованиями принимает в ряде стран Африки все больший размах. Особенно это относится к государствам, избравшим некапиталистический путь развития. В Гвинее, Мали, Народной Республике Конго и некоторых других странах неоднократно проводились массовые кампании, в ходе которых тысячи молодых людей отправлялись в деревни, где читали крестьянам лекции о природе, человеке и религии, в популярной форме излагали новейшие достижения науки, разъясняли всю несовместимость традиционных верований с задачами национального строительства.

Подобные мероприятия вкупе с расширением школьного и высшего образования, с улучшением медицинского обслуживания, коренной перестройкой жизни африканских народов, несомненно, будут способствовать отмиранию ведовских, магических и прочих религиозных верований, тормозящих движение развивающихся африканских стран по пути прогресса.

Коротко об интересном

У КОЛЫБЕЛИ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

Недавно институтами археологии социалистических стран принято решение о создании энциклопедии раннего периода развития народов Европы. Одним из организаторов этой работы, рассчитанной на десятилетие, является Институт археологии Венгерской академии наук.

Наибольший интерес представляют работы венгерских археологов, проливающие свет на развитие первобытного хозяйства. В частности, они установили, что в бассейн Среднего Дуная в IV—III тысячелетии до нашей эры пришел с юга народ культуры Кереш.

В третьем тысячелетии до нашей эры на Венгерскую равнину снова вторглась волна переселенцев с юга. Народ Тисайской культуры освоил здесь многопольное земледелие и разведение крупного рогатого скота.

Это подтвердила находка в Сегваре так называемого «божества с серпом», представляющего собой скульптурное изображение сидящего на троне мужчины в маске с серпом жнеца в руках.

Примерно около 2500 года до нашей эры на территории Венгрии стало преобладать пастушеское скотоводство, в процессе развития которого здесь возникло общественное и имущественное неравенство. При раскопках поселений этой эпохи часто обнаруживаются различные золотые и медные предметы, связанные с развитием торговли.

СОКРОВИЩНИЦА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Исполнилось 160 лет со дня основания Пражского национального музея — крупнейшего хранилища культурных ценностей чехословацкого народа, важного научного центра страны.

Залы и галереи этого величественного здания, расположенного в самом центре Праги, подробно знакомят с политическим и экономическим развитием народов Чехословакии, с историей ее национальной культуры и научной мысли.

Пражский национальный музей в прошлом столетии оказал большое прогрессивное влияние на социально-экономическое развитие чешского народа. С ним связаны имена таких ученых, как Й. Добровский, П. Й. Шафарик, Ф. Палацкий и Л. Нидерле, которые своими трудами по истории, археологии, лингвистике создали прочную базу для развития национального самосознания чешского народа, его культуры, языка и обогатили мировую науку.

Пражский национальный музей достойно продолжает эти славные традиции. В наши дни это один из крупнейших культурно-просветительных центров ЧССР, где трудится более 400 ученых и специалистов. Научная библиотека музея располагает миллионами книг по естественным наукам, истории и этнографии. Ежегодно ее посещают десятки тысяч научных работников и студентов.

В ближайшие годы многие экспонаты будут перенесены из центрального здания Национального музея в его филиалы.

Роберт БРОДА, кандидат философских наук

СЕТИ КЛЕРИКАЛЬНОГО АНТИКОММУНИЗМА

Место клерикальной пропаганды в странах капитала, а также ее роль в современной идеологической борьбе можно определить только во взаимосвязи с объективно существующими экономическими, политическими и социальными отношениями, в которых она действует, лишь учитывая изменения в соотношении сил во всемирном противоборстве между социализмом и капитализмом и все углубляющийся кризис религии и церкви.

Со времени возникновения научного коммунизма идейная жизнь человечества носит отпечаток непрерывной борьбы между социалистической и буржуазной идеологиями. Как еще в начале нашего века констатировал В. И. Ленин, «вопрос стоит **только так:** буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет... Поэтому **всякое** умаление социалистической идеологии, **всякое отстранение** от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»[1]. Это высказывание вполне актуально и для наших дней.

Изменение в соотношении сил в пользу социализма, новые тенденции в международных отношениях, характеризующиеся переходом от «холодной войны» к утверждению принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, ставят перед марксистско-ленинскими партиями задачу усиления борьбы с буржуазной идеологией. «Обеспечение прочного мира и общественного прогресса, — подчеркивается, в частности, в Программе СЕПГ, — включает в себя последовательную борьбу против врагов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, против антикоммунизма и антисоветизма, национализма и травли других народов»[2]. Разрядка создает благоприятные условия для пропаганды идей социализма. Вместе с тем она сопровождается усилением империалистической пропаганды, которая пытается использовать все возможности для распространения антикоммунистических концепций и компрометации реального социализма.

Расширение и усложнение борьбы идей на мировой арене привели к значительной активизации клерикального антикоммунизма. В ФРГ реакционные круги католической и евангелической церкви активно участвуют в идеологическом походе против ГДР и других стран социалистического содружества.

Церковь широко использует средства массовой информации. Их значение, например, подчеркивается в пастырской инструкции «Коммунио эт прогрессио» (1971 г.), разработанной ватиканской комиссией по средствам массовой коммуникации. А II Ватиканский собор даже утвердил специальный декрет «Интер мирифика» («О средствах социальной коммуникации»). В том же направлении действует евангелическая церковь ФРГ. Публицистика, провозглашает, например, «Общество евангелической публицистики ФРГ» (основано в 1973 г.), занимается не только проблемами самой церкви, но и руководствуется принципом: «Церковь только тогда является церковью, когда она усиленно пытается быть церковью для других... Публицистика, особенно церковная, проявится в полной мере как служащая этой цели сила, если она приведет к переменам». В этих рекомендациях отчетливо просматривается подлинная цель клерикалов — внушить населению ГДР мысль о необходимости социально-экономических перемен путем «либерализации» и «гуманизации» социализма, а по сути — восстановления буржуазного строя.

Церкви ФРГ пытаются идеологически воздействовать на население ГДР по различным каналам пропаганды, прежде всего через западногерманские радио и телевидение, а также через граждан ФРГ, которые приезжают в ГДР, и граждан ГДР, посещающих ФРГ. Газеты, журналы и другая печатная продукция, выпускаемая этими церквами, сообщают лживые сведения о строительстве социализма и положении церкви и верующих в ГДР, клевещут на политику СЕПГ.

Для практического осуществления тех задач, которые ставит перед собой клерикальная пропаганда, на Западе в последние годы созданы десятки институтов, исследовательских учреждений и пропагандистских центров[3]. К их числу в первую очередь принадлежит основанный в 1965 году ватиканский «Секретариат по делам неверующих», возглавляемый архиепископом Вены кардиналом Ф. Кёнигом. Формально созданный для изучения проблем атеизма и диалога с неверующими, он ставит своей основной задачей борьбу с растущим влиянием атеизма. Этот «секретариат» стал теперь одним из важнейших центров идеологической борьбы против марксизма.

В 1969 году при папском Грегорианском университете в Риме был организован «Центр по исследованию марксизма», разрабатывающий аргументы и новые приемы противодействия усиливающемуся влиянию идей социализма. Кстати, профессор этого университета Густав Веттер участвует в деятельности специализированного совета международной клерикальной антикоммунистической организации «Вера во втором мире». И наконец, в феврале прошлого года при другом папском университете — Урбанианском — было создано еще одно учреждение подобного рода — так называемый «Институт по изучению атеизма». А при ордене иезуитов действует комиссия по вопросам атеизма, призванная вести борьбу с научно-материалистическим мировоззрением. К числу подобных учреждений относится и «Евангелический центр по вопросам мировоззрения» в Штутгарте (ФРГ).

Активную антикоммунистическую пропаганду ведут и другие клерикальные центры в ФРГ (академии, семинарии), хотя официально круг их задач, казалось бы, сводится только к подготовке кадров для самой церкви, для клерикальных партий (ХДС/ХСС) и т. п.

Одним из самых активных клерикальных центров «психологической войны» против стран социализма является уже упомянутая организации «Вера во втором мире», основанная в 1972 году в Цюрихе. Ей принадлежат институт и журнал того же названия. И хотя их деятельность финансируется прежде всего католическими и евангелическими церковными кругами немецкоязычной Швейцарии, в специализированном совете этого центра представлены антикоммунистические организации 10 европейских и двух заокеанских государств, в частности «Федеральный институт по исследованию международных проблем и проблем Востока» (бывший «Институт советологии») в Кёльне, непосредственно подчиненный министерству внутренних дел ФРГ и финансируемый им; «Общество прав человека» во Франкфуртена-Майне; «Немецко-австрийский рабочий кружок «Вера во втором мире»; организация «Евангелическо-лютеранские переселенцы из стран Востока» (ФРГ); «Коллегия святого Андрея» в Мюнхене (занимается пересылкой церковной литературы в социалистические страны); «Исследовательский» институт и журнал «Религия и атеизм в СССР» (ФРГ); журнал «Остойропа» («Восточная Европа») в Ахене; «Швейцарский восточный институт» в Цюрихе; «Исследовательский» центр «Руссиа кристиана» («Христианская Россия») в Милане; папский Грегорианский университет в Риме; «Центр по изучению религии и коммунизма» в Англии, возглавляемый англиканским пастором М. Бурдо и издающий ежеквартальник «Религия в мире коммунизма»[4]; «Центр по изучению положения религии и прав человека в закрытых обществах» в США, действующий под руководством пастора Благослава Грубого и выпускающий журнал «Религия в сфере коммунистического господства».

Организация «Вера во втором мире» рассматривает себя как «ответ церквей на вызов, брошенный им социалистическими странами вот уже в течение ряда десятилетий». Она тесно связана с евангелической «Христианской восточной миссией» и с католической организацией «Остпристерхилфе» («Помощь священникам Востока»).

«Христианская восточная миссия» во Франкфурте-на-Майне была основана в 1969 году. Она входит в так называемый «Подпольный евангелический интернационал» и выпускает журналы «Христос — Востоку», «Борьба вер на Востоке» и др.

Не ограничиваясь печатной пропагандой, «Христианская восточная миссия» ведет радиопередачи на языках стран социалистического содружества. Так, если в 1972 году она провела 1328 15-минутных радиопередач, то уже через год их число удвоилось. Передачи ведутся через радиостанции в Европе, Азии и

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 39—40.

[2] «IX съезд Социалистической единой партии Германии». М., 1977, стр. 222.

[3] См. о них статью Хельмута Дресслера «Крестоносцы антикоммунизма». «Наука и религия», 1976, № [illegible] (прим. ред.).

[4] См. об этом центре статью А. Белкина «Новая акция оруженосцев «холодной войны». «Наука и религия», 1974, № 4 (прим. ред.).

Латинской Америке. Их содержание, по заявлению самой этой организации, прежде всего ориентировано на слушателей в ГДР, а также «на несколько миллионов людей, говорящих на немецком языке в других восточных государствах».

При этой «миссии» действует «служба молодого поколения», засылающая к нам иллюстрированные детские библии для тех церковных активистов, которые ведут «воскресные школы», а также организующая «воскресные школьные радиопередачи». Другое подразделение «миссии» — так называемая «Служба помощи мученикам», то есть людям, которые, прикрываясь религией, совершают преступления против социалистической законности и государства. Имеет «миссия» в своем распоряжении и «вестников Евангелия» — особо обученных сотрудников, в задачу которых входит сбор информации, налаживание контактов, подстрекательство к выступлениям против социалистического строя — иными словами, подрывная деятельность.

Западногерманская «Христианская восточная миссия» тесно связана с аналогичными организациями в Англии, США, Австралии, Аргентине, Южной Африке, Канаде, Нидерландах и Новой Зеландии.

Еще один центр клерикальной пропаганды на страны социализма — так называемый «Дом встреч» при «Высшей теологической школе» в Кёнигштейне, координирующий реваншистские объединения. Что касается самой школы, то ее основное назначение — подготовка руководящих кадров и специальных священников, главным образом для реваншистских организаций, действующих в ФРГ. В «Доме встреч» «встречаются» те силы, которые пытаются под прикрытием религии возродить в современных условиях антикоммунизм времен «холодной войны». Вокруг этого центра группируются аналогичные институты и организации.

По свидетельству журнала прогрессивных католиков «Бегегнунг», задача «Дома встреч» «заключается в сборе секретной информации из стран социализма», иначе говоря в шпионаже; другая задача состоит в антисоциалистической пропаганде, а также в «подпольном влиянии на церковное и политическое развитие в социалистических странах в духе сопротивления»[5].

А вот далеко не полный перечень подрывных организаций, орудующих под эгидой «Высшей школы» в Кёнигштейне: «Восточная академия», проводящая регулярные семинары и информационные курсы «по проблемам политики и общества в ГДР»; пленум «землячеських объединений и рабочих кружков», в первую очередь «землячеств» судетских и силезских немцев; собрания «католического совета и рабочей группы беженцев в Германии», координирующих деятельность «католических организаций изгнанников»; «Балтийский институт», выпускающий антисоветский сборник «Акта балтика»; «Аннабергское паломничество» силезских католиков в Кёнигштейне; «Молодежный семинар католической миссии на чешском языке»; семинар «Немецко-русского общества»; пленум «Союза латвийских католических студентов» и т. д. и т. п. Здесь же издаются ежемесячник «Дайджест Востока» и информационный бюллетень «Религия и атеизм в СССР» (на русском и немецком языках).

Среди других клерикальных антикоммунистических центров, действующих в ФРГ, особую активность также проявляют:

«Комитет восточной церкви» в Ганновере, выпускающий ежемесячник «Восточноцерковные информации», тесно связанный с «Христианской восточной миссией» и проводящий ежегодно «пленум восточных церквей»;

«Объединение по истории восточнонемецкой церкви», издающее ежегодник «Церковь на Востоке» и сотрудничающее с «Институтом Востока» в Мюнстере и с «Институтом истории протестантской церкви» в Вене;

«Конвент разрозненных евангелических церквей Востока», объединяющий 20 «комитетов помощи» и связанный с «Комитетом восточной церкви»;

«Союз миссий «Свет на Востоке» в Корнтале, издающий журнал «Да придет царствие твое», печатающий и рассылающий литературу, в первую очередь на русском, румынском, хорватском и болгарском языках (в феврале 1974 г. — 78 000 экз.), а также ведущий радиопередачи на русском языке «Христос сегодня» через радиостанции «Трансмировое радио» и «Радио Монте Карло»;

«Католический рабочий кружок по вопросам современной истории» в Бад-Годесберге, издающий ежемесячник «Служба информации»;

«Организационный комитет «Помощь Востоку» в Швейцарии, в состав которого входят тамошний филиал «Христианской восточной миссии», «Евангелический альянс Швейцарии» и «Свободноцерковные общины»;

«Комитет солидарности с преследуемыми христианами» (Берн — Цюрих), в состав которого входит и представитель уже упомянутого антикоммунистического центра «Вера во втором мире».

С названными центрами непосредственно сотрудничают и организации, занимающиеся распространением пропагандистской литературы, например «Христианское общество «Крестовые путешествия». Его возглавляет евангелический пастор Дэвид Хэтауэй.

К числу таких организаций принадлежит и «Миссия для восточных моряков» (Марсель, Франция), распространяющая в сотрудничестве с «Христианской восточной миссией» религиозную литературу на восточноевропейских языках непосредственно среди моряков социалистических стран.

Таков далеко не полный перечень организаций, «институтов» и теологических учреждений, которые ведут клерикально-антикоммунистическую пропаганду против социалистического содружества, в том числе против ГДР. Анализируя их деятельность, можно выделить три признака, характеризующие некоторые новые тенденции в клерикальной пропаганде.

Во-первых, эти центры не замыкаются в рамках какого-то одного вероисповедания, а, как правило, являются межконфессиональными, то есть в них сотрудничают и протестанты и католики.

Во-вторых, наблюдается укрепление связей между клерикальными центрами в различных странах, прежде всего в области обмена информацией, координации средств и сил.

В-третьих, среди этих многочисленных организаций все более четко выделяется несколько руководящих центров (например «Вера во втором мире» и «Христианская восточная миссия»), определяющих содержание всей клерикальной пропаганды, направленной на социалистические страны.

По мере изменения соотношения сил в мире в пользу социализма меняются содержание и методы буржуазной идеологии и пропаганды. При этом антикоммунизм выступает в самых различных формах: с одной стороны — в скрытой, изощренной модификации, с другой — в прежнем воинствующем обличье, уже знакомом по временам «холодной войны».

Эти тенденции воздействуют и на клерикальную идеологию и пропаганду. Так, в начале 70-х годов в той ее части, которая направлена на ГДР, все большую роль стали играть передачи и публикации, спекулирующие на жгучих проблемах современности, хотя, разумеется, внутрицерковные вопросы и фальсификация положения верующих в социалистических странах продолжают и сегодня занимать преобладающее место в этих программах.

Таким образом, ныне клерикальная антикоммунистическая пропаганда стремится уделять внимание таким проблемам, как борьба за мир, роль верующих в международных отношениях в условиях разрядки, характер власти в социалистических странах и положение там церкви и верующих.

Изменения в методах клерикальной пропаганды прежде всего характеризуются тем, что, кроме открыто злопыхательских передач и печатных материалов, пресса и эфир все чаще наводняются псевдообъективными, мнимо беспристрастными высказываниями всякого рода «специалистов» и «очевидцев». При этом мастера «психологической войны», в том числе и клерикальные, руководствуются теми соображениями, что ныне мало кто в странах нашего содружества попадается в сети откровенно антикоммунистической пропаганды, которая слишком явно вступает в противоречие с социалистическим образом жизни.

Разумеется, такие перемены в подходе к слушателям, зрителям и читателям продиктованы отнюдь не каким-то изменением отношения буржуазных пропагандистов к социалистическому строю, а тем обстоятельством, что, как признал комментатор западногерманской радиостанции «Дойчландфунк» профессор Эрвин Шенк, число людей, особенно молодых, в социалистических странах, которые слушают западные передачи, постоянно сокращается.

Практика строительства развитого социалистического общества, в частности у нас в ГДР, показывает, что все больше христиан правильно понимают свою роль и активно участвуют в дальнейшем развитии социалистической демократии, не «попадаясь на удочку» буржуазной, в том числе клерикальной, пропаганды.

г. Берлин

[5] «Begegnung», 1976, № 3, S. 13.

КОНГРЕСС СВОБОДОМЫСЛЯЩИХ

В мае нынешнего года в Риме состоялся очередной, 38-й конгресс Всемирного союза свободомыслящих (ВСС), на который съехались около 100 делегатов из Бельгии, Голландии, Италии, Люксембурга, Финляндии, Франции, ФРГ и Швейцарии. Заседания конгресса проходили в здании одного из римских соборов, где теперь размещается городской архив.

Делегатов приветствовал старейший ветеран и почетный председатель итальянской Ассоциации свободомыслящих имени Джордано Бруно сенатор Эдуардо ди Джованни. Несмотря на свои 103 года он продолжает активно бороться против клерикального засилья и духовного гнета, подобно тому как в годы войны сражался в рядах антифашистского Сопротивления. Выразив удовлетворение тем, что среди делегатов конгресса много молодежи, Джованни призвал их не жалея сил распространять в массах свет научного мировоззрения, доносить его до людей в доступной и понятной форме.

Большой интерес вызвал доклад известного итальянского теоретика научного атеизма коммуниста Амброджо Донини. В нем отмечалось, в частности, что среди молодежи имеют хождение всевозможные идеалистические извращения теории Маркса. И свободомыслящие, считает докладчик, призваны противопоставить этим оппортунистическим толкованиям научный атеизм. Донини подчеркнул также, что свобода совести неотделима от других свобод. Люди различных политических убеждений, продолжал он, борются за избавление от голода, безработицы и социального гнета. Задача свободомыслящих во всем мире, заключил он, способствовать тому, чтобы составной частью этой борьбы стала и борьба за освобождение от духовного гнета.

Вице-президент ВСС, председатель Союза свободомыслящих ФРГ Эрих Верниг предложил провести 1 сентября 1979 года в Кёльне по случаю 40-летия со дня начала второй мировой войны совместную встречу сторонников мира и свободомыслящих.

Поскольку в ряде буржуазных стран церковь все еще не отделена от государства, а школа от церкви, что, несомненно, тормозит процесс духовного раскрепощения масс, проблема эта естественно стояла в центре внимания конгресса.

Награжденная золотой медалью борца Сопротивления итальянская общественная деятельница Карла Каппони, в частности, подчеркнула в своем выступлении, что в результате покровительства, оказываемого церкви государством, школы все еще не служат делу освобождения сознания молодежи от религиозных заблуждений. Другой итальянский делегат, профессор Т. Чиккарелли из Генуи, сообщил, что активисты Ассоциации свободомыслящих имени Джордано Бруно собрали в городах и сельских общинах Италии более 700 тысяч подписей под требованием отмены конкордата, заключенного в 1929 году между фашистским правительством Муссолини и Ватиканом. Впрочем, об актуальности задачи отделения церкви от государства и школы от церкви говорили на конгрессе не только делегаты Италии, где духовенство во все времена строго контролировало жизнь общества, но и свободомыслящие «старейшей демократии мира» — Швейцарии, во многих кантонах которой церковь все еще играет господствующую роль, в том числе в системе образования.

Многие из выступавших подчеркивали важность и актуальность расширения рядов ВСС и его национальных организаций. Его президент Ж. Гремлинг, например, сообщил о контактах, установленных с одобрения исполнительного бюро ВСС французскими свободомыслящими со своими единомышленниками в Испании и выразил надежду, что недалеко то время, когда и в этой стране будет создана организация, входящая в ВСС. Финский делегат Э. Хартикайнен сказал, что Союз свободомыслящих Финляндии объединяет около 10 тысяч человек и установил лояльные отношения с министром просвещения, который не принадлежит ни к какой церкви и финансировал его поездку на конгресс в Рим.

Швейцарский делегат Сильвия Штайнмюллер, наоборот, отмечала, что большинство свободомыслящих в ее стране — это люди, которым уже за 45 и которые в силу профессиональной занятости и других общественных нагрузок не могут уделять должного внимания своей работе в союзе, а молодежь к активному участию в ней пока еще привлекается слабо. Аналогичную озабоченность высказал также вице-президент Ассоциации французских свободомыслящих Р. Лябрюс, заметивший, что население долгое время смотрело на них как на некую секту.

В перерывах между заседаниями участники конгресса почтили память Джордано Бруно, возложив венки к его памятнику на Площади цветов в Риме. Венки были возложены также к подножью монумента, воздвигнутого в окрестностях Рима в память о 330 заложниках, расстрелянных гитлеровцами в Ардеатинских пещерах. Итальянская ассоциация свободомыслящих организовала экскурсию делегатов по историческим местам «вечного города» и их встречу со слушателями профсоюзной школы металлистов.

На заключительном заседании конгресса состоялись выборы руководящих органов ВСС. Его президентом снова избран Ж. Гремлинг (Люксембург), а вице-президентами Э. Верниг (ФРГ), Дж. Конфорто (Италия) и Р. Лябрежер (Франция). Следующий всемирный конгресс свободомыслящих решено созвать в Швейцарии.

В. МАЗОХИН

МАРКСИЗМ И ХРИСТИАНЕ

Издательство «Прогресс» выпустило на английском языке книгу известного общественного деятеля, активно выступающего за дальнейшее углубление и материализацию разрядки международной напряженности, вице-президента Британского комитета Христианской мирной конференции англиканского пастора О. Филдинга Кларка «Христианство и марксизм» [O. Filding Clarke. Christianity and marxism. Moscow, 1977]. Предлагаем вниманию читателей статью, рассматривающую вклад автора и его единомышленников в благородное дело борьбы за мир и установление подлинного взаимопонимания между всеми людьми доброй воли.

Изменения, которые происходят в жизни современного общества, вступившего в эпоху перехода от капитализма к социализму, приводят к глубоким сдвигам в религиозном сознании. Верующие проявляют все больший интерес к чисто «земным» заботам, к социально - экономическим и политическим вопросам, от решения которых зависит, какой будет жизнь человека на земле. При этом они обнаруживают все более правильное понимание классовой борьбы — видят в ней реальную движущую силу истории и средство, способное проложить путь к решению насущных жизненных проблем. Все больше христиан осознают тот факт, что капитализм не способен решить эти проблемы и что только социализм открывает перспективу построения общества, в котором все будет подчинено благу и счастью человека. Изменения в сознании христиан, знаменующие собой рост в их среде антикапиталистических настроений, ведут к увеличению числа верующих, сделавших для себя вполне определенный и ясный выбор в пользу социализма. Убеждаясь, что марксисты «сделали много такого, что... христианам следовало бы сделать дав-

ным-давно», они приходят к выводу, что «христиане должны сотрудничать в реальной жизни, где только возможно, с марксистами для построения мира, в котором не будет места голоду, нищете, эксплуатации людей капиталом».

Англиканский пастор Филдинг Кларк, вице-президент Британского комитета Христианской мирной конференции, которому принадлежат эти слова, выражает взгляды и настроения тех верующих, которые полагают, что «в основе христианской веры лежит надежда на справедливый строй человеческого общества на земле» и что христианам предстоит работать совместно с марксистами для достижения этой цели. «Расширение христианско-марксистского взаимопонимания (а также совместной деятельности), — как считает пастор Кларк, — одна из величайших потребностей современного мира». Книгу, о которой идет речь, он представляет читателю как свой посильный вклад в диалог между христианами и марксистами, чья общая задача, по его убеждению, состоит в обеспечении мира на земле, насыщении голодных и развитии общества на благо каждого человека.

Главной помехой на пути решения этих задач Кларк считает антигуманный по своей сущности капиталистический строй. «Капитализм — это диктатура денег, возведение на пьедестал стяжательства, воспроизводство денег из денег», это эксплуатация людей труда и власть капитала, это расовый гнет и источник конфликтов, угрожающих миру термоядерной войной. «Есть только одна разумная и нравственная альтернатива капитализму — господству денег, завуалированному дымовой завесой хилой парламентской демократии, — признает автор. — Такая альтернатива — общество, в котором власть денег заменена властью народа, где установлена общественная собственность на все средства производства, распределения и обмена, несущая благо всем, а не прибыль немногим». Реальный путь преобразования общества указывает марксизм: это путь социалистической революции.

Кларк отдает, однако, себе отчет в том, что в действительности на протяжении почти двух тысяч лет христианство поддерживало социально-политические системы, основывавшиеся на различных формах эксплуатации человека человеком. Его глубоко тревожит тот «трагический факт, что большая масса христиан и все церкви (в буржуазных странах. — **Авт.**) признают капиталистическое общество таким, как оно есть, выступая лишь за мелкие реформы, не критикуя и оставляя в неприкосновенности его основную структуру».

Начало процессу превращения христианства в форму социального конформизма было положено еще в IV веке, когда оно стало государственной религией Римской империи, а затем и возникших на ее развалинах феодальных государств. Ныне же, отмечает автор, «все крупные церкви в Западной Европе, Америке и других местах имеют капиталовложения и экономически так же связаны с капитализмом, как некогда были связаны с феодализмом».

Таким образом, складывается весьма противоречивая картина — одни христиане поддерживают капитализм, другие — борются за справедливый социальный строй. Если христианство в основе своей есть надежда и призыв к установлению справедливого общественного строя на земле, то как объяснить тот факт, что «на протяжении всей своей истории христиане... поддерживали социальные системы, которые угнетали бедных»? Как объяснить, что официальные религии в капиталистических странах поддерживают несправедливый общественный строй? Кларк ищет ответа на этот вопрос, проводя различие между «организованной, официальной религией», с одной стороны, и «истинным христианством» — с другой.

Не будем вдаваться в спор, какая трактовка христианства является «истинной», но обратим внимание на слова самого Кларка, что с того дня, когда при императоре Константине христианство стало государственной религией, «пророки, мученики и протестующие представляют собой ничтожное меньшинство «вопиющих в пустыне». «Организованная религия», по его мнению, продолжает составлять «единое целое с капитализмом», и автор признает, что не может «представить себе, как могут церкви как таковые вырваться на свободу и присоединиться к силам, которые заменили капитализм социализмом».

Кларка волнует вопрос, как практически осуществить справедливый порядок в современном мире и какую роль могут сыграть церкви в неизбежных социальных переменах. Поскольку для этого требуются не только молитвы и благотворительные деяния, но и действия, он именно в этой связи считает необходимым обратиться к марксизму как к теории и практике социальных перемен.

Впрочем, Кларк не затушевывает глубину различий между христианством и марксизмом: «Христианство — это вера в бога с социальным значением, а марксизм это философия, отвергающая бога и представляющая собой план изменения мира путем организации сил, реально действующих в обществе под компетентным руководством».

И все же, полностью признавая первостепенную важность практического сотрудничества между марксистами и христианами, Кларк не теряет надежды на достижение если не смычки или идеологического компромисса между ними, то по крайней мере большего взаимопонимания. Его прочтение марксизма глазами человека, ищущего истину и считающегося с реальным положением вещей в мире, демонстрирует пример поисков такого взаимопонимания. Это позволяет ему (при определенной противоречивости, непоследовательности и подчас наивности в трактовке философии марксизма) увидеть и оценить его реальный гуманизм, высокие социальные и нравственные идеалы, действенную силу, понять величие и благородство задачи коммунистического преобразования общества. И дело здесь не просто в доброй воле тех или иных христиан: диалог с марксизмом обусловлен более глубокими и вполне объективными причинами. «Христиане, которые искренне хотят покончить с эксплуатацией человека деньгами и установить справедливый общественный строй, должны очень серьезно отнестись к марксизму», — подчеркивает автор.

Говоря о том, что христиан и марксистов объединяет борьба за справедливый общественный строй, Кларк сам указывает границу «идеологического сближения»: «Для христианина она (надежда на справедливое устройство человеческого общества на земле) зиждется на вере в Христа».

Марксизм же основывает идеал коммунистического общества не просто на вере в лучшее будущее, не на благих пожеланиях, а на познанных объективных законах исторического развития, он представляет собой органический сплав революционности и научности, и именно поэтому идеи коммунизма стали материальной силой, преобразующей мир.

Конечно, религиозная вера в социальном плане не сводилась и не сводится к социальному конформизму, утверждению божественности и неизменности существующих порядков. Вера в бога, в божественное совершенство, противопоставляемое несовершенному миру, могла стимулировать социальную критику и протест. Для Кларка быть христианином — значит сделать антикапиталистический выбор; главное в учении Христа, по его мнению, — стремление к установлению нового, справедливого порядка на земле.

Подобная интерпретация христианства открывает возможности вовлечения верующих в активную борьбу за социальный прогресс в едином строю всех антиимпериалистических сил, хотя и не изменяет того факта, что подлинные пути решения проблем современного общественного развития можно найти лишь на основе его научного анализа. Без такого обоснования революционная практика невозможна.

Книга пастора Кларка свидетельствует, что революционные изменения, происходящие в современном мире, находят отражение и в христианском сознании, существенным образом трансформируя его. Все это еще раз подтверждает важность сформулированного в Итоговом документе Конференции коммунистических и рабочих партий Европы (Берлин, 29—30 июня 1976 г.) вывода о том, что «важную роль в борьбе за права трудящихся, за демократию и мир играют все более широкие католические силы, представители других христианских религиозных общин и верующие других вероисповеданий. Коммунистические и рабочие партии сознают необходимость диалога и совместных действий с этими силами, что является неоть-

емлемой составной частью борьбы за развитие Европы в демократическом духе, в направлении социального прогресса».

Большое внимание Кларк уделяет вопросу о положении религии и церкви в социалистическом обществе, разоблачая «отвратительную пропаганду» лондонского «Центра по изучению религии и коммунизма» и других подобных организаций. На основе личных впечатлений он приводит факты и свидетельства о жизни религиозных общин и подлинной свободе совести в СССР.

Опровергая ложь о религиозных преследованиях в нашей стране, автор обращает внимание на главное: «Каковы бы ни были различия между христианами и атеистами в Советском Союзе, их коренные интересы совпадают, ибо и те и другие — советские люди, а их убежденная приверженность социализму служит основой для взаимопонимания между ними».

Деятельность организаций, подобных «Центру по изучению религии и коммунизма», по мнению Кларка, продиктована не заботой о положении религии и церкви в современном обществе, не интересами религиозных организаций и верующих в социалистических странах, а носит «чисто политический характер», являясь порождением слепого фанатичного антикоммунизма, пользующегося поддержкой государственных органов капиталистических стран. Все это «вредит делу взаимопонимания между различными церквами и нациями, служит сохранению напряженности путем распространения клеветы различного рода и лжи о положении верующих в СССР».

Примечательно, что свидетельства автора о положении религиозных организаций в Советском Союзе натолкнулись в Англии на решительное сопротивление «свободной прессы» и Би-би-си.

Книга пастора Кларка вносит весомый вклад в развитие диалога марксистов и христиан, указывает путь к пониманию общих интересов всех людей доброй воли — верующих и атеистов, разоблачает врагов разрядки, рядящихся в тогу защитников религии.

В. ГАРАДЖА,
П. КУРОЧКИН,
доктора философских наук

ЭКСКУРС В ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

В. Чертихин. У ИСТОКОВ РЕЛИГИИ (Беседы о мире и человеке). М., Политиздат, 1977, 96 стр. с илл., 200 000 экз., 15 коп.

Сегодня марксистское религиоведение располагает обширнейшим, хорошо документированным материалом об истоках и основных этапах становления такого сложного феномена духовной жизни человечества, как религия. Убедительные факты имеются в распоряжении ряда наук: антропологии, археологии, истории, лингвистики, фольклористики, этнографии. Опираясь на материалы этих наук и руководствуясь марксистско-ленинской методологией анализа социальных явлений, кандидат философских наук В. Е. Чертихин поставил перед собой задачу выявить закономерности, вызвавшие к жизни религию, проследить последовательную смену одних ее форм другими, начиная с примитивных верований древних людей и кончая современными монотеистическими представлениями.

Почему важно знать, как возникла и эволюционировала религия? Автор обосновывает необходимость постановки такого вопроса тремя соображениями. Во-первых, потому, что без знания причин возникновения религии невозможно понять ее сущность и пути преодоления. Во-вторых, приходится учитывать контраргументы защитников религии: мол, религия не может быть заблуждением именно потому, что она существует очень долгое время и всегда пользовалась значительным влиянием. Понятно, что такие доводы можно убедительно опровергнуть, лишь обратившись к истории общества и его духовной жизни, к истории религии. Наконец, к истории вопроса необходимо обратиться еще и потому, что священнослужители и богословы различных конфессий проповедуют богоданность и извечность религии, исключают даже самою постановку вопроса о каком-то историческом этапе ее возникновения.

Автор обращается к проблемам антропогенеза и шаг за шагом прослеживает на конкретном материале, как человек, выделяясь из царства животных, вначале не имел никаких верований, а затем по мере осознания себя, своих общественных отношений и отношения к природе постепенно формировал иллюзорное миропонимание.

И тут уж богословские концепции об извечности религии не выдерживают проверки на прочность. Тем более что наряду с длительным периодом (свыше полутора миллионов лет) становления человека, вплоть до синантропа, когда никакой религии не было, весьма продолжительное время господствовало в сущности дорелигиозное, мифологическое мировоззрение. Последнее, по словам Ф. Энгельса, явилось предысторическим содержанием религии, ее первоначальным истоком.

Привлечение автором обширного научного материала об истории происхождения религиозных верований позволило ему четко систематизировать факты, ввести периодизацию появления различных форм религии с учетом определенных этапов развития человеческого общества. Особенно удачно показан процесс формирования представлений о едином боге, обусловленных прежде всего потребностями общественного производства на стадии объединения первобытных общин в деспотические государства.

Все это, как справедливо указывает автор, не оставляет камня на камне от концепции прамонотеизма. Понадобился длительный период развития религиозных верований, прежде чем сложились единобожные культы. И совершался этот процесс в каждом конкретном случае под действием определенных естественно-исторических причин.

Нельзя сказать, что представленный в книге исторический материал и обобщения автора объясняют все и вся о происхождении религии. Тема эта еще нуждается в исследовании, особенно социальные истоки тех или иных конкретных верований.

Автор не всегда точен в формулировках. Например, на странице 63 указывается на «три важнейших события в истории первобытнообщинной формации», которые привели «к значительным изменениям в мифологических верованиих». Это переход от собирательско-охотничьего хозяйства к производящему, от каменных орудий труда — к металлическим, от матриархата — к патриархату. Но так ли это? Здесь, по-первых, смешаны разнопорядковые понятия: производительные силы и социальная организация. Во-вторых, ничего не говорится о производственных отношениях, которые, в сущности, всегда определяют характер общественного сознания.

В целом же работа В. Е. Чертихина «У истоков религии» привлекает и самой постановкой проблемы, и ее обстоятельным освещением. Книга хорошо иллюстрирована. Она принесет несомненную пользу пропагандистам атеизма. Над ее содержанием задумаются и объективно мыслящие верующие.

И. ФУРСИН,
кандидат философских наук
г. Севастополь

ЗНАЧИМОСТЬ МИНУВШЕГО

Г. В. Плеханов. ОБ АТЕИЗМЕ И РЕЛИГИИ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ. (Избранные произведения и извлечения.) Составители, авторы примечаний и указателя: кандидат исторических наук Г. С. Лялина, кандидат философских наук Ю. Б. Пищик. М., «Мысль», 1977, 355 стр., 42 000 экз., 1 руб.

Будучи человеком энциклопедической эрудиции, острого ума и высокой куль-

туры, Плеханов умел глубоко философски и вместе с тем просто и ясно раскрывать существо самых сложных вопросов. Ленин называл его философские труды лучшими в международной марксистской литературе, считал необходимым их изучение, переиздание и включение в серию обязательных учебников коммунизма.

В нашей стране труды Плеханова неоднократно издавались и переиздавались. Выходили уже и сборники избранных произведений Плеханова об атеизме, религии и церкви. Однако к настоящему времени они стали библиографической редкостью.

Актуальность выпуска рецензируемого сборника в известной мере обусловлена тем, что темами богословских трудов и проповедей современных священнослужителей все чаще в последнее время становится истолкование законов развития общества, социальных и нравственных идеалов, проблем человека; его призвания и роли в обществе, смысла жизни, долга, счастья, добра, зла и т. д. В связи с этим выделение научно-атеистического аспекта в изучении отечественной истории и культуры приобретает особое значение. Но для того, чтобы правильно оценить значимость минувшего, необходимо разобраться в социально-классовой обусловленности входящих в него идеологических компонентов. Неверное понимание места и роли религии и церкви в общественном процессе может привести к идеализации прошлого, а это на руку тем религиозным кругам, которые вопреки истине изображают церковь хранительницей народных традиций и культурных ценностей.

В трудах Плеханова дано марксистское освещение развития культуры и искусства, содержится обстоятельная, аргументированная критика фальсификации апологетами религии роли церкви в этом процессе.

На наш взгляд, сборник удачно разбит на разделы, охватывающие то главное, что сделано Плехановым в области научного атеизма. В первом разделе — «Социально-философские аспекты общественного развития. Место религии и атеизма в истории общества и культуры» — представлены работы, в которых содержатся мысли ученого-марксиста о сущности исторического процесса, социальной природе и классовых функциях религии, ее происхождении, эволюции и условиях ее угасания, о ее взаимоотношении с общественным прогрессом, наукой, философией, искусством, нравственностью.

Во втором разделе — «Религиозные идеи, антиклерикализм, свободомыслие и атеизм в истории западноевропейской общественной мысли и культуры» — собраны высказывания о борьбе материалистической мысли Запада против религии и церкви, о роли в этой борьбе науки, философии и искусства.

Плеханову принадлежит большая заслуга в исследовании важнейших проблем истории свободомыслия и атеизма. В его работах, посвященных истории философии, литературоведению, этнографии, искусствоведению, развитие атеизма рассматривается как закономерный процесс, идущий в тесной связи с развитием материального производства, социально-экономической и политической жизнью общества, класовой борьбой, прогрессом науки, философии, искусства. Плехановым раскрыты характерные черты материалистической и атеистической традиций, идущих от глубокой древности: материалистический монизм, объяснение явлений природы действием ее собственных законов, связь с развитием науки, особенно естествознания. Причинами перехода материализма и атеизма от одной стадии к другой Плеханов считал в конечном счете развитие общественных отношений.

Третий раздел — «Религиозные идеи, мистицизм, свободомыслие и атеизм в истории русской общественной мысли» — состоит в основном из фрагментов из «Истории русской общественной мысли», а также статей, посвященных П. Я. Чаадаеву и В. Г. Белинскому.

Незавершенная 3-томная «История русской общественной мысли», над которой Плеханов трудился в последние годы жизни, занимает особое место в его атеистическом наследии. Хотя эта работа (написанная Плехановым в меньшевистский период его деятельности) не во всем безупречна с точки зрения марксизма, в ней собран и обобщен большой фактический материал как по истории православной церкви в России, так и по истории свободомыслия и атеизма. Плеханов рассматривал историю русской церкви в тесной связи со всей политической и культурной жизнью народа. Он вскрыл земные корни различных направлений православной церкви и сектантских учений, показал, что на всем протяжении русской истории церковь была опорой реакции, верной служанкой эксплуататорских классов. Вместе с тем Плеханов и в этом произведении, и особенно в произведениях, посвященных анализу мировоззрения В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, дал острую критику трудов таких философов, как Гершензон, Бердяев, Булгаков, Мережковский и другие, игнорировавших и фальсифицировавших материалистические и атеистические традиции в русской философии.

В последний раздел сборника вошли работы, посвященные критике религиозно - философских концепций «богоискательства» и «богостроительства», религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого и толстовцев. Распространение религиозно-мистических учений Плеханов рассматривал как выражение кризиса духовной культуры эксплуататорского общества, объяснял это поветрие тем, что, с одной стороны, к помощи религии прибегают люди, боящиеся социализма, а с другой — история Европы с ее борьбой классов, вооруженными восстаниями убедила буржуазию в необходимости религии как узды для народа. В то же время наиболее дальновидные из ее идеологов понимали, что с помощью старых форм религии делать это все труднее и труднее. Поэтому они и предприняли попытки создания ее «новых», рафинированных форм.

Выступление Плеханова против религии как орудия духовного угнетения трудящихся, как непримиримого врага науки, его страстная борьба против буржуазной идеологии и оппортунистической позиции руководства правых социал-демократов по отношению к религии и церкви служат примером для современных пропагандистов, а его труды, содержащие глубокую и яркую аргументацию, и сегодня могут быть использованы для критики религии.

Я. КОЖУРИН,
кандидат философских наук

ПРЕВРАТНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРЕВРАТНОГО МИРА

«РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ». Под ред. М. В. Андреева, Л. Н. Великовича, В. И. Гараджи, Н. А. Ковальского, И. Б. Ястребова. М., «Мысль», 1977, 364 стр., 21000 экз., 1 руб. 34 коп.

Вопрос о месте и функциях религии и церкви в буржуазном обществе, об их конкретно-исторической роли в процессе его становления и развития принадлежит, можно сказать, к числу классических проблем как Марксовой критики капитализма, так и диалектического и исторического материализма в целом. Тонкая и дифференцированная постановка этого вопроса, его глубокий и разносторонний анализ и четкое решение, данное классиками марксизма-ленинизма, имеют огромное значение для исследования связей буржуазной общественно-экономической формации, для научного понимания диалектического взаимодействия разных сторон общественной жизни. Материалистическое понимание истории, писал Энгельс, «есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» *.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 371.

Рецензируемый коллективный труд как раз и вносит весомый вклад в решение этой задачи. В центре внимания его авторов — известных специалистов в области атеизма, истории и критики религии — находятся «идеологические процессы, происходящие в религиозных организациях, идеологические механизмы, используемые христианскими церквами и другими религиозными организациями для проникновения в различные слои населения, ослабления процесса дезинтеграции религиозных структур». В работе выявляется связь современной буржуазии с различными религиозными институтами, анализируются новые тенденции в апологетике капиталистического строя, кризис религии и попытки ее модернизации.

Первый раздел книги раскрывает противоречивую реальность религии в современном капиталистическом мире, потрясаемом социальными конфликтами и разрушительными последствиями научно-технической революции, показывает взаимосвязь религии и церкви с важнейшими сторонами буржуазной социально-экономической и политической системы. «Церковь в капиталистических странах отнюдь не ограничивается лишь удовлетворением религиозных потребностей верующих. Она фактически действует как социальный институт, выполняющий определенную политическую функцию, которая заключается в том, чтобы внушать верующим взгляды, в распространении которых заинтересованы правящие круги».

Разумеется, конституционное и правовое положение церкви, формы ее сотрудничества с буржуазным государством в отдельных капиталистических странах различны, но всюду между этими двумя институтами существует тесная связь, выражающаяся во взаимной политической и финансовой поддержке, в церковной опеке над государственной системой обучения и воспитания подрастающего поколения, в участии священнослужителей в идеологической обработке военнослужащих.

Авторы также анализируют внутриполитическую и международную деятельность клерикальных организаций, находящихся у власти в западноевропейских странах. Показаны роль и место христианско - демократических партий в политической жизни этих стран, их взаимоотношения с Ватиканом. Вместе с тем, как отмечается в книге, «классовая по своей сущности политика религиозных организаций, тесно связанных с правящими классами капиталистического общества, в ряде случаев отличается от позиции правительств и отражает настроения, распространенные в среде рядовых верующих». Анализ внешнеполитической деятельности Ватикана, Всемирного совета церквей и других клерикальных центров дополняется критическим разбором социальных доктрин, в том числе так называемой теологии международного мира, «которая является идеологической основой христианского пацифизма».

Как известно, до последнего времени западноевропейские клерикальные партии, как правило, занимали и продолжают занимать правые, антикоммунистические позиции, однако ныне и в их рядах все громче заявляют о себе левые течения, чьи деятельность и взгляды также рассмотрены в книге. Коммунисты видят в них важный резерв антимонополистической борьбы, союзников революционного рабочего движения. Показана необходимость дифференцированного подхода к левохристианским группировкам, представляющим собой, в особенности в Южной Европе и Латинской Америке, «исторически преходящее явление, своеобразно отражающее... процесс развития политического сознания трудящихся католиков». При этом надо иметь в виду, подчеркивается в книге, что в одних случаях левый католицизм может выступать как орудие борьбы с идеями научного коммунизма, а в других — как форма перехода от религиозного к научному, марксистско-ленинскому пониманию действительности. Думается, однако, что общая картина левохристианских течений в буржуазных странах не может быть достаточно полной и точной без более подробного изучения и оценки соответствующих явлений в протестантских церквах.

Интересные штрихи в эту картину вносит также анализ отношения католической церкви к антимонополистической борьбе трудящихся: «Ни одно из учреждений буржуазного общества не может ныне функционировать, не реагируя на повышение революционной активности трудящихся и не учитывая всерьез определямой их классовым движением социальной перспективы. Это особенно характерно для католической церкви, которая является организацией, действующей среди широких народных масс». В книге раскрыты те изменения, которые католицизм был принужден вносить в свою социальную доктрину под воздействием общественных перемен, его попытки теологически истолковать проблемы современной классовой борьбы.

Идеологические процессы в церкви не в последнюю очередь обусловлены также все углубляющимся кризисом, который она переживает, как и другие институты буржуазного общества, и который сопровождается отходом трудящихся от религии, ростом индифферентности, переходящей в безверие. В книге приведены некоторые данные социологических исследований отношения к религии рабочего класса и интеллигенции в капиталистических странах. Несмотря на известные различия в религиозности тех или иных национальных и профессиональных отрядов пролетариата, основная тенденция здесь такова: «Этапы глубокого разрыва с религией параллельны подъему классового самосознания трудящихся». В целом западные социологи приходят к выводу о снижении религиозности в рабочей и молодежной среде, однако предвзятость буржуазных исследователей, стремящихся, как правило, обосновать «позитивную» роль религии в жизни общества, не позволяет им сделать соответствующие выводы из накопленных фактов.

Против теистических тенденций в буржуазной культуре, против религии и клерикализма с пропагандой светского мировоззрения и атеизма выступают представители буржуазной интеллигенции, объединившиеся во Всемирный союз свободомыслящих и Международный гуманистический и этический союз. Анализ их идейных позиций и деятельности также нашел место в этой работе.

Таким образом, книга достаточно полно характеризует положение религии и церкви в капиталистических странах, однако — видимо, в силу масштабности самой темы — работа не свободна и от некоторых пробелов. Заслуживала бы, вероятно, отдельного разговора религиозность крестьянства, которое в ряде стран Западной Европы и Латинской Америки все еще составляет значительную часть верующих. Хотелось бы также, чтобы больше внимания было уделено мировоззренческому аспекту отношения буржуазии к религии. Ведь без ответа на вопрос, насколько религия удовлетворяет мировоззренческие потребности современной буржуазии, мы не сможем правильно оценить социально-классовую направленность некоторых течений, влиятельных ныне среди мирян и духовенства.

В целом же книга представляет собой заметное явление в нашей атеистической литературе как по широте охвата проблем, так и по основательности их марксистско-ленинского анализа. Думается, она станет ценным подспорьем для ученых и пропагандистов.

С. ЗЕМЛЯНОЙ,
кандидат философских наук

Новинки литературы

«АРАБСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА». Сборник статей зарубежных ученых. М., «Наука», 1978, 216 стр., 5000 экз., 1 руб. 40 коп.

«АТЕИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ». Вып. 9. М., Политиздат, 1978, 103 стр. с илл., 200 000 экз., 85 коп.

«БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: ПРИРОДА, ФУНКЦИИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ». В 4-х томах, т. I. Тбилиси «Мецниереба», 1978, 786 стр., 8000 экз., 4 руб 45 коп.

В. А. Зоц. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. М., Политиздат, 1978, 120 стр. 100 000 экз., 30 коп.

«КИЖИ — МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК». Фотоочерк. Изд

2-е. Петрозаводск, «Карелия», 1978, 12 стр. с илл., 50 000 экз., 20 коп.

М. М. Кобылина. ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ БОЖЕСТВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н. Э. М., «Наука», 1978, 215 стр. с илл., 6600 экз., 85 коп.

И. А. Крывелев. ГАБРИЭЛЬ-САТАНОБОРЕЦ. ХРОНИКА ВРЕМЕН ПАПЫ ЛЬВА XIII. М., «Советская Россия», 1978, 139 стр., 50 000 экз., 20 коп.

Л. Ю. Маньковская. АНСАМБЛЬ ДОРУССИАДАТ. Ташкент, «Узбекистан», 1978, 31 стр. с илл., 100 000 экз., 15 коп.

«НАУЧНЫЙ АТЕИЗМ». Изд. 4-е, испр. и доп. М., Политиздат, 1978, 288 стр., 100 000 экз., 65 коп.

И. И. Ноткин. МИНАРЕТЫ ХИВЫ. Ташкент, «Узбекистан», 1978, 30 стр. с илл., 100 000 экз., 10 коп.

И. Б. Пуришев. ГОРИЦЫ В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ. ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ ГОРИЦКОГО МОНАСТЫРЯ. М., «Советская Россия», 1978, 40 стр. с илл., 50 000 экз., 1 руб. 20 коп.

И. И. Сиволап. СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ ВОЛЬТЕРА. М., «Наука», 1978, 285 стр., 7300 экз., 1 руб. 20 коп.

З. А. Тажуризина. ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ АТЕИЗМА. М., «Знание» (серия «Научный атеизм» № 7), 1978, 64 стр., 52 500 экз., 11 коп.

Б. Н. Федоров. КАРГОПОЛЬ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ. Л., «Художник РСФСР», 1978, 79 стр. с илл., 150 000 экз., 85 коп.

О. М. Фрейденберг. МИФ И ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНОСТИ. М., «Наука», 1978, 605 стр., 7000 экз., 2 руб. 90 коп.

А. Чачко. ИСКУССТВЕННЫЙ РАЗУМ. М., «Молодая гвардия», 1978, 223 стр. с илл., 100 000 экз., 55 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

С. М. Арутюнян. Рецензия на кн.: «Опыт и проблемы интернационального и атеистического воспитания». «Известия Сев.-Кавк. научного центра высшей школы. Общественные науки», Ростов-на-Дону, 1977, № 3, стр. 112—114.

Н. А. Виноградова. Символика алтарной композиции средневековой Японии. В кн.: «Искусство Востока и античности». М., 1977, стр. 92—111.

А. Гаджикурбанов. Проблема свободы воли у Августина. В кн.: «История философии и современность». Вып. 2. М., 1977, стр. 92—101.

А. С. Елеонская. «Книга, глаголемая Брозда духовная». Из истории полемической литературы XVII в. В кн.: «Памятники культуры». Новые открытия. Ежегодник. 1977. Письменность. Искусство. Археология. М., 1977, стр. 23—29.

Г. П. Жабкин. Некоторые аспекты патриотического воспитания студентов в курсе научного атеизма. В кн.: «Интернационально-патриотическое воспитание студентов в учебном процессе». Волгоград, 1977, стр. 223—227.

А. С. Иванов. Роль пропаганды естественнонаучных знаний в формировании материалистического мировоззрения. В кн.: «Современная научно-техническая революция и пропаганда политических и научных знаний». М., 1977, стр. 340—348.

«Историко-философские исследования. Проблема человека в буржуазной философии». Свердловск, 1977. Из содержания: **В. К. Бакшутов.** Природотеизм как принцип философского антропологизма, стр. 33—41; **О. А. Вяткина,** **Б. В. Емельянов.** Критика «науки о человеке» В. И. Немелова, стр. 73—81; **В. Б. Куликов.** Концепция личности в религиозно-философской антропологии Мартина Бубера. Критический анализ, стр. 114—119.

А. И. Клибанов. Правда «земли» и «царства» Ивана Пересветова. В кн.: «Исторические записки» 99. М., 1977, стр. 221—245.

А. Н. Краснова. Принцип партийности в исследовании соотношения первобытного искусства и религии. В кн.: «Методические вопросы общественных наук». Вып. 6. Л., 1977, стр. 74—86.

С. Е. Крылова. Церковная реформа Генриха II Плантагенета. В кн.: «Герценовские чтения». Научные доклады. XXX. Исторические науки. Л., 1977, стр. 93—98.

«Методологические проблемы современной науки». Ярославль, 1977, вып. 1. Из содержания: **Л. В. Сретенский.** Методологические вопросы комплексного подхода к атеистическому воспитанию, стр. 99—105; **В. Д. Кукушкин.** Некоторые методологические вопросы исследования религиозной ответственности, стр. 106—114; **Н. В. Скородумов.** Некоторые методологические вопросы взаимосвязи свободы и атеистической убежденности личности, стр. 115—121.

«Музей антропологии и энтографии». Ленинград, сб. 33. Л., 1977. Из содержания: **Л. В. Хомич.** Религиозные культы у ненцев, стр. 5—28; **Е. А. Алексеенко.** Культы у кетов, стр. 29—65; **Е. Д. Прокофьева.** Некоторые религиозные культы тазовских селькупов, стр. 66—79; **С. В. Иванов.** О детских «амулетах» нанайцев, стр. 80—89; **Ч. М. Таксами.** Система культов у нивхов, стр. 90—116; **И. С. Вдовин.** Религиозные культы чукчей, стр. 117—171; **В. П. Дьяконова.** Религиозные культы тувинцев, стр. 172—216; **Г. Н. Грачева.** Традиционные культы нганасан, стр. 217—218.

«Очерки русской культуры XVI века», ч. 2. М., 1977. Из содержания: **А. К. Леонтьев.** Нравы и обычаи, стр. 33—75; **А. М. Сахаров.** Религия и церковь, стр. 76—111.

В. М. Рябиков. Обожествление Библии как средство фетишизации идеологии господствующих классов. В кн.: «Философские проблемы сознания». Челябинск, 1977, вып. 2, стр. 96—107.

М. Л. Соколовская. Северное раскольничье общежительство первой половины XVIII века и структура его земель. «История СССР», 1978, № 1, стр. 157—167.

З. А. Тажуризина. Исследование проблем истории атеизма в СССР за 10 лет (1967—1977). «Вестник Моск. ун-та. Философия», 1977, № 6, стр. 71—86.

В. И. Ушаков. Великий Октябрь и кризис религии. В кн.: «Алма-Атинский институт народного хозяйства. Научно-теоретическая конференция профессорско-преподавательского состава». 1977. Алма-Ата, 1977, стр. 34—36.

К. Ф. Фасеев. Преодоление религиозно-националистических предрассудков — важное условие утверждения идеологии пролетарского интернационализма. «Научные доклады высшей школы. Научный коммунизм», 1978, № 1, стр. 64—72.

И. М. Фильштинский. Арабская литература в средние века. Словесное искусство арабов в древности и раннем средневековье. М., 1977. Из содержания: «Возникновение ислама. Коран», стр. 105—149.

А. Р. Чочнев. Место культа оружия в формировании идей о сверхъестественном могуществе у осетин в древности. «Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР». Тбилиси, 1977, вып. 22, стр. 31—39.

«60 лет Великой Октябрьской социалистической революции и задачи развития общественных наук в свете решений XXV съезда КПСС и съездов коммунистических и рабочих партий социалистических стран». Л., 1977. Из содержания: **Л. А. Кренделева.** Формирование атеистического мировоззрения в условиях зрелого социализма и научно-технической революции, стр. 62—65; **Г. Г. Агафонов.** Религия как социальный институт и некоторые особенности его отмирания в условиях развитого социализма, стр. 65—69.

И. Й. Шматов. Совершенствование социалистического образа жизни как фактор преодоления религиозных пережитков. «Известия АН ТССР. Серия общественных наук», 1977, № 6, стр. 9—18.

В. Л. Янин. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. Учебное пособие для студентов ист. фак. ун-тов. М., 1977. Из содержания: «Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце (о новгородском источнике «Жития Александра Невского»)», стр. 123—134.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

ДЕМЕНТЬЕВА Ирина Александровна — специальный корреспондент газеты «Известия», член Союза журналистов СССР, автор многих публикаций по морально-этическим проблемам. В нашем журнале выступает с 1973 года.

ТРОИЦКИЙ Николай Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР досоветского периода Саратовского университета. Автор книг «Царские суды против революционной России», «Народная воля» перед царским судом» и ряда статей по истории русского освободительного движения. На страницах нашего журнала печатается впервые.

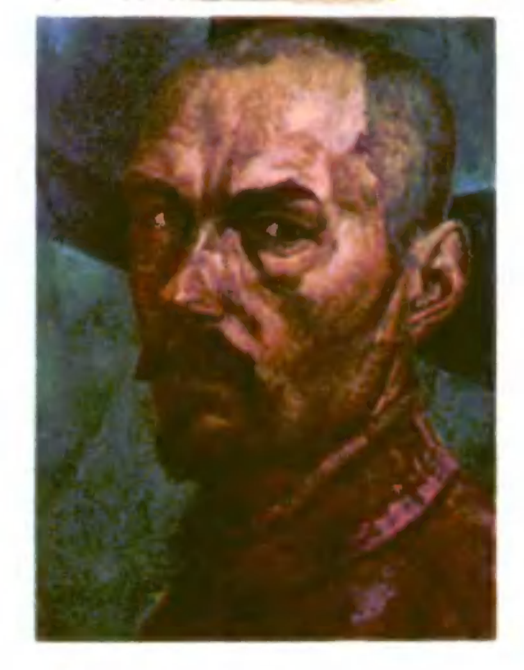
НИКИТИН Александр Георгиевич — специальный корреспондент «Правды», член Союза журналистов СССР, автор книг «Директор народных училищ А. П. Раменский», «Уральская явна», многих статей и очерков. Много лет занимается исследованием творчества Петра Заломова: в его литературной обработке, с его вступительной статьей и комментариями издана автобиографическая повесть П. Заломова «Петька из вдовьего дома». В нашем журнале выступает впервые.

Сдано в набор 15. 08. 78.
Подписано к печати 28.09.78.
Главлит А 05332.
Формат издания 60×90/8.
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 10.
Учетно-издательских листов — 13,52.
Тираж 440000 экз.
Зак. 04062.

Адрес редакции:
109004, Москва,
Ульяновская, 43, корп. 4
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89

Ордена Ленина
комбинат печати
издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский
проспект, 94.

К. Петров-Водкин.
Автопортрет. 1918. Государственный Русский музей.

После боя. 1923. Москва, Центральный музей Вооруженных Сил СССР.

Купание красного коня. 1912. Государственный Русский музей.

Цена 30 коп.
70602